

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Супренков Александр Анатольевич

**ГРЕКИ И ВАРВАРЫ
НА КРАЙНЕМ ЗАПАДЕ ГРЕЧЕСКОЙ ОЙКУМENE
(на примере Массалии, Эмпориона и их сельской округи
в VI-III вв. до н.э.)**

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Специальность 07.00.06 – археология

Научный руководитель –

д. и. н., профессор А.А. Масленников

Москва 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава. 1: История археологического изучения Массалии, Эмпориона и их сельской округи	10
Глава 2: Массалия и Эмпорион в свете сообщений древних авторов	31
Глава. 3: Греческая Массалия и её округа в начале VI до н.э. – III в. до н.э.	41
Глава 4: Греческий Эмпорион и окрестности в VI-III вв. до н.э.	97
Заключение: Эллинский полис и его хора на краю ойкумены. Общее и особенное, модели развития.	142
Список литературы:	151
Список электронных ресурсов:	165
Список сокращений	166
Список иллюстраций:	167
Иллюстрации:	176

Введение

Данная работа посвящена изучению начального (VI-III вв. до н.э.) периода истории, специфике государственного устройства, хозяйства и организации сельской территории, а также взаимоотношений с местным населением Массалии и Эмпориона (рис. 1) – двух наиболее известных и наилучшим образом изученных греческих колоний Северо-Западного Средиземноморья. Соответственно, рассматривается и напрямую связанный с этой темой вопрос о существовании и размерах хоры этих городов. Данная проблема представляет большой интерес как в плане частной, конкретной истории этих полисов, так и для понимания общих закономерностей развития античного общества в районах его пограничья с варварским миром.

Актуальность темы исследования.

Северо-Западное направление греческой колонизации, ведущая роль в котором принадлежала выходцам из Фокеи, является одним из наиболее масштабных в этом историческом явлении. Массалия и Эмпорион в этом отношении исторически и археологически наиболее показательные, «образцовые» полисы данного региона. В результате более чем векового изучения каждого из них издана серия монографий и научных статей, среди которых, в силу географического расположения полисов, преобладают франко- и испано-язычные работы. Что касается отечественной исторической науки, то эти колонии в целом остались вне сферы внимания большинства исследователей. Немногие среди них занимались изучением фокейской колонизации, но и их работы касались, как правило, общеисторических вопросов и основывались в основном на известных письменных источниках древних авторов (Козловская, 1990; Коротких, 1983, 2003; Циркин, 2004.) Между тем на сегодняшний день общий объём сведений, добытых в результате археологических работ, а также анализа и современного осмысления прежних раскопок, позволяет глубже рассмотреть заявленную проблему, а также обогатить фонд археологических источников, на которые

опираются отечественные исследования в области античной археологии и истории, изучения греческой колонизации, возникновения эллинского и варварского миров. Актуальность данной работы как раз и состоит в том, что это первый в отечественном антиковедении опыт такого комплексного, обобщающего исследования.

Степень разработанности темы исследования.

Результаты долголетнего изучения греческих полисов Массалия и Эмпорион довольно подробно отражены как в зарубежной научной литературе, так, в меньшей степени, и в отечественной. В связи с тем, что наша работа во многом носит историографический характер, истории изучения этих полисов и их окрестностей, а также базе источников посвящены отдельные главы. Рассматриваемые полисы и их окрестности исследованы многосторонне, хотя в каждом случае есть своя специфика. Следует отметить, что хотя на территории греческой Массалии археологические исследования были ограничены, в отличие от практически полностью исследованного Эмпориона, то это компенсируется большим богатством древних письменных источников о Массалии. Об этом мы подробнее скажем в последующих разделах.

Объектом исследования являются особенности формирования и развития греческих колоний в Западном и Северо-Западном Средиземноморье в VI-III вв. до н.э.

Предметом исследования выступают письменные источники по истории Массалии и Эмпориона и материалы археологических исследований этих античных городов, а также памятников, расположенных в их ближайшей округе.

Цели и задачи исследования.

Общей целью диссертационной работы является выявление закономерностей и специфики в становлении, развитии двух античных полисов в среде варварского племенного мира Средиземноморья. С этой проблематикой, неразрывно связан вопрос о наличии и организации сельских

территорий Массалии и Эмпориона. Согласно несколько устаревшей точке зрения, Массалия и Эмпорион считались городами без своей хоры, хозяйство которых имело исключительно торговую направленность. Однако в ходе новых исследований и, прежде всего, широких археологических изысканий, это мнение стало всё чаще подвергаться критике. В связи с этим в нашей работе мы попытались раскрыть особенности организации сельской округи Массалии и Эмпориона на основании всех современных материалов и сведений. В задачи нашего исследования входят:

- систематизация и анализ всех имеющихся древних письменных источников о Массалии и Эмпорионе (сведения античных авторов и в меньшей степени – эпиграфические материалы);

- максимальное привлечение полученных в разное время и опубликованных преимущественно в зарубежной (в основном франко- и испано-язычной) литературе результатов археологического изучения этих городов и их сельской округи;

- установление на основе комплексного анализа источников времени и обстоятельств основания Массалии и Эмпориона;

- изучение процесса их становления в качестве самостоятельных полисов;

- выявление общих закономерностей, а равно и специфики развития Массалии и Эмпориона в области хозяйственной деятельности, организации сельской территории, межэтнических и культурных контактов как собственно в этих полисах, так и на пространствах их хоры и т.н. сельской округи;

- создание модели эволюции сельской территории полисов в VI-III вв. до н.э. в данном конкретном регионе греческой колонизации.

Территориальные и хронологические рамки исследований.

В территориально-географические рамки работы входят два района: приморский регион Каталонии – провинции северо-восточной Испании и средиземноморские территории Прованса и Лангедока на юге Франции. На

этих территориях располагались Массалия и Эмпорион, а также их ближние и удалённые окрестности.

Хронологические рамки определены периодом с VI в. до н.э. по III в. до н.э. Он включил в себя время от основания двух рассматриваемых колоний (рубеж VII-VI вв. до н.э.) до начала Пунических войн, когда в их жизнедеятельности произошли существенные изменения под влиянием глобальных внешнеполитических событий.

Работа основана на базовых принципах исторической науки – историзма и научной объективности.

Методы диссертационного исследования обусловлены его целями и задачами. Используются методы: анализа, синтеза, сопоставления и системного подхода к источникам. Также использовались специфические для исследований в области археологии методики: систематизация находок, поиск аналогий, корреляция встречаемости, а также анализ их распространения в культурном слое.

В *базу источников* нашей работы входят два основных вида: сведения древних античных авторов и в меньшей степени эпиграфические материалы; результаты археологических раскопок на двух полисах и памятниках их хоры, опубликованные зарубежными исследователями.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она представляет собой первую сравнительно-обобщающую отечественная работу по Массалии и Эмпориону в контексте не только самих городов, но и их сельской округи, населённой варварскими племенами. На основании анализа комплекса источников установлены специфические особенности развития двух античных полисов Северо-Западного Средиземноморья, организации их сельской территории и особая модель греко-варварских взаимоотношений – и в политической, и в хозяйственно-экономической жизни колоний.

Теоретическая значимость работы.

В диссертации аккумулирован значительный массив новых, прежде всего, археологических сведений и материалов о двух основных центрах

греческой колонизации Западного и Северо-Западного Средиземноморья. Впервые в рамках изучения Массалии и Эмпориона сделан акцент на компаративном анализе формирования сельских территорий обоих полисов, а также особенностей взаимоотношения эллинов и варваров, что позволило выявить сложение в этих регионах Средиземноморья особой формы полисной хоры.

Практическая значимость исследования.

Диссертация может быть использована в преподавательской и музейной практике, при написании курсовых и дипломных студенческих работ. Определённое прикладное (в практике полевых исследований) значение могут иметь и некоторые наблюдения и выводы автора, касающиеся специфики археологических памятников рассматриваемого региона и методики их раскопок, что важно и при полевых исследованиях античных объектов Северного Причерноморья.

Личное участие соискателя в получении выводов диссертации.

Автором проведён поиск соответствующей научной литературы, в основном с помощью европейской системы SUDOC – университетская система хранения документов, в библиотеках и архивах университетов Женевы и Лозанны и перевод большей её части с французского, а в некоторых случаях и испанского языков. Соискателем предложены модели организации хоры греческих городов – Массалии и Эмпориона, раскрыты их особенности и механизмы формирования. С некоторыми особенностями организации сельских территорий античных полисов Северо-Западного Средиземноморья (юг Франции) и соответствующей методикой археологических исследований автор имел возможность ознакомиться, проходя стажировку в I. N. R. A. P. в 2007 году. Соискатель также прошёл краткую стажировку в Каталонии, в ходе которой им были изучены архитектурные остатки античного Эмпориона и коллекции музеев Эмпуриеса и Барселоны.

Положения, выносимые на защиту.

1) Греческие Массалия и Эмпорион были примерно в одно и то же время основаны выходцами из Фокеи на сильно удалённых от метрополии землях Западного Средиземноморья. Расположение обеих колоний говорит об изначальном стремлении колонистов к активной торговой деятельности.

2) В течение относительно короткого времени после основания полисы теряют связь с метрополией и становятся самостоятельными центрами, каждый из которых начинает играть определённую политико-экономическую роль в своём регионе.

3) Массалия и Эмпорион активно участвуют в поставке на окружающие территории импортной продукции. При этом если Эмпорин играет в основном роль посредника, то Массалия внедряет и продукцию собственного производства. Взамен осуществляется экспорт товаров, производимых в окрестностях греческих колоний. В обоих случаях в политико-экономической жизни греческой колонии активно участвует местное варварское население.

4) Параллельно с развитием полисов развивается и эволюционирует их хора, что археологически проявляется самыми разными признаками. При этом, несмотря на значительное влияние, которые города оказывали на свои окрестности, в округе Массалии и Эмпориона отсутствуют какие-либо значительные греческие сельские поселения. Напротив, в непосредственной близости располагается множество варварских, в том числе и укреплённых населённых пунктов. В итоге автор приходит к выводу о существовании в рассматриваемом регионе особой формы полисной хоры, не предусматривающей активного освоения земельных участков значительно удалённых от города.

Апробация результатов.

Результаты исследований непосредственно по данной тематике опубликованы в трёх статьях в ведущих рецензируемых научных исследованиях. Непосредственно по теме диссертации автором сделаны доклады и сообщения на Отделе Классической археологии ИА РАН. Более

того, теоретические модели организации сельской территории греческих колоний, выработанные автором в процессе работы над диссертацией, использовались им в практической деятельности в ходе археологической работы в Северном Причерноморье. Соответствующие 15 статей были опубликованы автором в таких изданиях как «Древности Боспора» (Москва), «Научный сборник Восточно-Крымского музея заповедника» (Симферополь), КСИА (Москва), «Таврические студии» (Симферополь). Соискателям также представлялись доклады на конференциях «Боспорский феномен» (Санкт-Петербург), «Боспорские чтения» (Керчь), «Археология и история Боспора» (Керчь), «Классическая и Византийская традиция» (Белгород).

Структура.

Диссертационная работа состоит из введения, четырёх глав и заключения, списка литературы, списка электронных ресурсов, списка сокращений и списка иллюстраций, альбома иллюстраций.

Во введении обозначены цели, задачи, методы, структура исследования..

В первой и второй главах излагается история археологического изучения Массалии, Эмпориона, и их окрестностей, а также даётся обзор древних источников. Третья и четвёртая главы посвящены раскрытию основной темы исследования на примере двух соответствующих полисов.

Заключение содержит основные итоги работы и попытку сравнения двух моделей этнокультурных контактов и принципов, в соответствии с которыми строились греко-варварские отношения и формировалась сельская округа рассматриваемых колоний на далёком западе античной Ойкумены.

Глава 1. История археологического изучения Массалии, Эмпориона и их сельской округи

1.1. Археологическое изучение Массалии и ее хоры

Следует отметить, что жизнь на территории современного французского Марселя (в прибрежной части которого была локализована Массалия) не прерывалась с периода античности. Поэтому постройки и слои греческого города, во-первых, перестраивались во все последующие эпохи, во-вторых, исследовались фрагментарно, так как застроены современными зданиями. Тем не менее, и в городе, и в его окрестностях были в разное время проведены значительные археологические изыскания, среди которых большое значение имели охранные раскопки.

Историю этих изысканий условно можно разделить на несколько периодов.

I период - XVI – первая половина XIX вв.

Этот период характеризуется в основном сбором древностей и их описанием, осмотром античных руин и созданием общих работ. По-видимому, первый опубликованный труд, описывающий древности Массалии – сборник манускриптов «Массилиография», появился ещё в конце XVI в. Он не сохранился, но на него ссылался автор XVII в. Антуан де Руффи, опубликовавший в 1642 г. «Историю Марселя», которая затем, в 1696 г. была переиздана и дополнена его сыном Луи-Антуаном Руффи (Ruffi, 1642). В ней есть описание отдельных археологических находок, таких как монетный клад из Ля Мажор, бронзовая статуя с улицы Консулов, музыкальный рожок с улицы Сант-Барб и золотой перстень. Есть в ней и упоминание о некоторых строительных остатках, например: подвалы в Сан-Совёр и постройки в Ля Мажор.

Первые попытки создания обзорной работы по археологическим древностям Массалии были предприняты в XVIII в. Их автор Жан-Батист Гроссон – марсельский нотариус, издавший в 1773 г. «Сборник древностей и

марсельских памятников, представляющих интерес для истории и искусств.» (Grosson, 1773). В этом труде даётся описание и иллюстрации археологических находок и построек из разных районов города с подразделением их на типы. Большая часть вещей, упомянутых Гроссоном, в настоящее время утеряны, однако отдельные предметы сохранились в соборе Сан-Виктор, музеях Борели и Гране.

Что касается окрестностей Марселя, то археология здесь начала развиваться в XIX в., когда местные землевладельцы стали интересоваться историей своих владений. В первой четверти XIX в. граф Вильнёв-Баржемон (1771-1829), префект Буш-дю-Рон и основатель Общества Статистики Марселя создал периодический журнал «Список работ общества статистики Марселя», в котором многие авторы публиковали свои находки и описания. Записи самого графа Вильнёв зачастую коротки, тем не менее, он выявил и описал несколько поселений эпохи бронзы (оппидум Карлабан в Абане, Монт Кюже в Кюж-ле-Пен) и множество римских поселений, а также дополнил информацию о нескольких поселениях, известных ещё с XVII в. (Rothé, 2005, 94.).

Позднее, с 1877 по 1878 гг. А. Сорель опубликовал развёрнутый список поселений в Буш-дю-Рон, в котором кроме общеисторических и географических сведений содержались и археологические. (Saurel, 1877-1878.). При составлении археологической справки автор пользовался результатами как исследований своих предшественников, так и собственных работ в регионе.

Среди впечатляющих случайных открытий этого периода следует назвать монетный клад в Ориоле (рис. 2), обнаруженный в 1867 г. нумизматом Л. Бланкаром. Монеты из него попали впоследствии в разные европейские коллекции. (Rothé, 2005, 94).

II период – вторая половина XIX – первая половина XX в.

Этот период характеризуется началом систематических археологических исследований и первыми археологическими раскопками, как в городе, так и

за его пределами, а также началом издания археологических работ и карт. Первые подобные работы на территории города были связаны с именем Гастона Вассера – профессора геологии на Факультете Наук в Марселе, директора Музея Естественной Истории и председателя археологического общества Прованса. Именно он привнёс в археологию Массалии метод изучения стратиграфии, до этого в большей степени использовавшийся в геологии и, в частности, предложил разбирать материал по слоям. В 1903 г. этот учёный работал на городище (оппидуме)¹ в Бау Ру вблизи Симиана, затем в 1909 г. исследовал укрепления форта Сан-Жан. В ходе его раскопок были выявлены древнейшие слои античной Массалии. Результаты работ были опубликованы в 1914 г. в XIII томе «Анналов Музея естественной истории Массалии» под названием: «Истоки Марсея. Основание ионийского эмпория в Массалии» (Vasseur, 1914). Обработкой керамики из раскопов Г. Вассера занимался Эдмон Потье – лучший французский специалист в этой области, писавший впоследствии, что легенда об основании города имеет теперь материальное подтверждение. (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 15.).

Гастон Вассер был и первым автором идеи о греческом происхождении вала, остатки которого сохранились в районе Биржи, тогда как раньше он считался относящимся к римскому времени или средневековью. Он сделал и некоторые общие предположения о возможной планиграфии греческого города, подтвердившиеся впоследствии раскопками. (Rothé, 2005, 98). Число публикаций Вассера невелико, однако результаты его работ стали основной археологической информацией о Массалии вплоть до эпохи Фернана Бенуа и Франсуа Вийара.

Другим известным исследователем рубежа XIX-XX вв., научные интересы которого затронули, в частности, и Массалию, был участник французской школы в Афинах Мишель Клерк, работавший на античных

---

¹ оппидумы – укрепленные варварские сельские поселения, в частности в окрестностях Массалии, многие из которых возникли ещё в эпоху бронзы до появления греческих колонистов. Это название впервые активно использовал в своих «Записках» Цезарь применительно к Галлии. Столь же активно им пользуются и современные западные археологи и историки.

поселениях Греции и Малой Азии. Начиная с 1898 г Клерк опубликовал несколько небольших статей об античном городе, однако раскопки под его руководством проводились всего на двух участках: на Бют-де-Мулен, в подвалах жилища священника собора Сан-Лорен и на Ля-Турет, на северо-востоке форта Сан-Жан. Эти работы в соавторстве с аббатом Арно д'Анжел были изданы под названием «Археологические открытия в Марселе». (Clerc, d'Angel, 1904). Позднее, в 1927–1929 гг. М. Клерк публикует научный труд под названием «Массалия. История античного Марселя от основания до падения Западной Римской Империи (476 г. н.э.)». (Clerc, 1927-1929.). Эта работа является, пожалуй, первой попыткой обобщения сведений об истории города с использованием данных археологии.

В начале XX века в Марселе проводили раскопки М. Байон и Ф. Манян, исследовавшие западный склон Бют-де-Мулен. Ими была найдена керамика, датирующейся VI в. до н.э. – VII в. н.э., пополнившая впоследствии коллекции музея Борели. Результаты их изысканий были опубликованы в 11 томе Сборника археологического Общества Прованса. (Baillon, Magnan, 1908). На основании этих раскопок немецкие археологи П. Якобстал и Ж. Неффер издали статью во втором томе журнала «Первобытная история» в 1933 г. под названием «Gallia Graeca. Исследования эллинизации Прованса». (Jacobsthal, Neuffer, 1933).

Параллельно с общими публикациями в XIX в. начинается и собственно археологическое обследование окрестностей Марселя. Пионерами этого движения были братья Боск из Жеменоса, которые выпустили первый «Сборник древностей, найденных в департаменте Буш-дю-Рон» (Bosq, 1854.), а также исследовали поселения в Ориоле, Ла Буйадиссе и Жеменосе. Следует упомянуть о художнике Бенони Блан, нарисовавшим несколько дольменов, оппидумов и других объектов археологии на юге Франции, и об аббате Бартелеми, опубликовавший в 1889 г историю Обани (Barthélémy, 1889), а также, прежде всего, об Исидоре Жиле, открывшим множество укрепленных

поселений эпохи бронзы - Марсельвейр и ля Мюр в Марселе, Тест-Негр и Пти-Клош в Пенн-Мирабо и Крет де Рататан в Рокфоре.

17 июля 1902 г. создаётся Археологическое общество Марселя, ставшее 18 декабря 1903 г. Археологическим обществом Прованса. С 1904 г. это организация начинает издавать сборник, в котором публикуются результаты археологических исследований, проводимых в провинции. С этого же года общество возглавляет Г. Вассер, затем М. Байон. В 1921 г. оно объединяется с Обществом статистики Марселя и начинает издавать сборник «Provincia».

В этот период окрестности Марселя становятся объектом внимания многих археологов, интересующихся каменным веком и эпохой бронзы. Среди ведущих исследователей, помимо вышеупомянутого Г. Вассера (проводившего исследования на оппидумах Бау-Ру и Тест-Негр), следует назвать Анри де Жерин-Рикара (1864-1944). Он описал историю таких населённых пунктов как Пейпен, Ля-Деструс, Сан-Саворнен, Ля-Бурин и Аллош и работал также на оппидумах Бау-Руж в Ориоле, Бау-де-ля-Крид в Пейпене, и Бау-де-Сан-Марсель в Марселе, где выявил множество поселений эпохи бронзы, римского времени и средневековья. В период с 1896 по 1939 гг. Анри де Жири-Рикар опубликовал несколько десятков статей об истории и археологии окрестностей Марселя.

Другим деятелем, внесшим значительный вклад в археологию сельской округи города, был скульптор и профессор школы искусств Станислав Кластрье. Он открыл в Вердуроне поселение эпохи бронзы и с 1905 по 1911 гг. проводил на нём раскопки.

Любитель древностей А. Бу де Шарлемон с 1910 по 1913 гг. обследовал гроты массива Марсельвейр, где были найдены предполагаемые святилища VI-III вв. до н.э. Помимо этого он занимался поселениями в Обань, Жеменос и Рокворе и проводил раскопки на сельском галло-римском поселении в Обани. (Rothé, 2005, 107).

В качестве некоего общего результата, итога работ первой трети XX в, можно указать первую археологическую карту региона устья Роны Ф. Бенуа, изданную в 1936 Ф. Бенуа (Benoit, 1936).

III период – 50-60 ые гг. XX в.

Со второй половины XX в., меняется в целом организация археологии Марселя и окрестностей. Создаётся «Управление исторических древностей», ставшее впоследствии «Региональной исторической службой» и Группа Археологии Марселя. Многие дополнительные возможности в частности исследования на больших площадях, появляются с развитием охранной археологии. Параллельно возникают отделения Национального Центра Научных Исследований (C.N.R.S.) – создаётся Институт средиземноморской археологии, трансформировавшийся затем в Центр Камиль-Жульен и Лабораторию Средневековой Средиземноморской Археологии, расположенные в Экс-ан-Провансе. Проводится множество семинаров и коллоквиумов, а с 1986 г. начинается выпуск «Марсельских этюдов» – сборника, суммирующего основные результаты археологических работ в Марселе и окрестностях.

Одной из наиболее значимых фигур среди исследователей послевоенного периода, безусловно, является Фернан Бенуа. Он был сотрудником французской школы в Риме и в течение многих лет занимался историей и археологией средневекового Прованса. В 1946 г. им были проведены раскопки в районе Старого Порта, в значительной степени разрушенного в ходе Второй мировой войны. Наиболее осязаемые результаты были получены при работах на улице Негрель, где в 1963 г. им была найдена группа известняковых стел, а также на площади Виво, где были раскопаны «римские доки», отреставрированные и ставшие экспозицией одноимённого музея под открытым небом. В конце своей карьеры Фернан Бенуа интересовался в основном подводной археологией. Его авторству принадлежит несколько десятков статей о Массалии, а в 1965 г. он опубликовал книгу «Исследования эллинизации юга Галлии», (Benoit, 1965),

в которой содержится общее описание истории города в первых веках его существования в контексте коммерческих и культурных обменов в Западном Средиземноморье в ту эпоху.

За пять лет до этого Франсуа Вийар опубликовал свой монументальный труд «Греческая керамика Марселя (VI-IV вв. до н.э.). Очерк экономической истории», некоторые данные о торговых связях Массалии в архаический и классический период на основании анализа керамического материала из которого актуальны и по сей день (Villard, 1960).

В послевоенный период гроты массива Марсельвейр в окрестностях Марселя вновь привлекали внимание археологов: Среди них М. Эскалон де Фонтон, Л. Шабо, М. Одибер, Ж.Ж. Блан, Ш. Лагран и П. Агостини (Rothé, 2005, 101).

Параллельно возрос интерес к оппидумам - укреплённым поселениям на возвышенностях. Возобновляются раскопки оппидумов в Бау-Руж в Ориоле (Ш. Легран и М. Оноре), Бау-Сан-Мишель (П. Агостини и Ж. Райсигье), Тест-Негр (Л.-Гр. Ганте), Ла Клош (Л. Шабо), Эсканебьер в Роквере (П. Боргар) Бау-де-ла-Крид в Пейпене (Ф. Марти) де Майан в Септеме (А. Трезини) и Вердурон в Марселе (Л. Бернар) (Rothé, 2005, 101).

IV период 70-ые гг. XX в. – настоящее время.

С конца 60-х годов XX в. в Марселе активизировались охранные археологические раскопки, осуществляемые институтами французского Министерства Культуры. Первые масштабные работы проводились в районе Биржи с 1967 по 1976 гг. (рис. 3) изначально под руководством Мориса Эзенна – директора Института Средиземноморской археологии и Франсуа Сальва, директора «Древностей Прованса». Впоследствии эти раскопки возобновлялись в менее значительных масштабах в 1985 и 1994 гг. Последние – под руководством Анри Трезини (Rothé, 2005, 101). В целом, во всех этих изысканиях принимало участие большое число археологов и стажёров, а начальниками раскопов в разное время были Клод Вароко, Ги Бертуччи, Роже Гери, Мишель Бонифе. Раскопки «На Бирже» стали во

Франции первым опытом масштабных спасательных работ на государственном уровне в черте города. Была исследована восточная окраина античного города. Что касается интересующей нас эпохи, то здесь были найдены строительные остатки от архаики до эллинизма, среди которых следы древних дорог, вал, погребальные сооружения, остатки ремесленных мастерских, общественный колодец и акведук. Датировка построек была определена на основании множества находок, среди которых были амфоры из Массалии, терракотовые статуэтки, импортные этрусские предметы. Тут же была обнаружена одна из немногочисленных для греческого периода Массалии надписей. (см. раздел эпиграфика). Впоследствии постройки, раскопанные в районе «Биржи», стали частью открытой экспозиции «Сад руин», общей площадью около 10 000 кв. м. (GAG p. 532-543). В результате работ на «Бирже» было опубликовано немало научных статей, не говоря уже о полевых отчётах. Полный их список изложен в статье М. Эзенна «Раскопки на Бирже в Марселе» (Euzennat, 1976), а также в «Отчётах Академии надписей и изящной словесности» (*Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* – далее CRAI) за 1976 г. Затем А. Трезини дополнил их список в своей статье «Раскопки на Бирже в Марселе (1977-1994)». (Trézini, 1996).

Примерно в этот же период другими участками масштабных археологических спасательных работ стали площадь Сан-Виктор и Бют де Карм. Что касается раскопок на первом участке, то там были исследованы в основном средневековые постройки. Для нас большой интерес представляют раскопки на Бют де Карм, где ещё на рубеже XVIII-XIX была найдена известная мраморная статуэтка Кибелы (рис. 4). В 80-ых же годах XX в, здесь под руководством Ги Бертуччи на большой площади (около 10 га) были раскопаны кварталы античного города (GAG p. 509-531). Среди них остатки греческих керамических мастерских, что в частности, позволило автору раскопок создать типологию амфор Массалии, а также многочисленные следы античных водопроводных систем (Rothé, 2005, 104).

Начиная с 1985 г. в Марселе активно работали сотрудники «Группы Наследия Города Марселя» под руководством Даниэля Дрокура. Результаты этих изысканий были представлены на выставке «Марсель, маршрут памяти», организованной в 1990 г. Музеем Истории Марселя (Gantès, Moliner 1990).

В 90-х гг. Национальный институт охранных археологических исследований (Institut national de recherches archéologiques préventives – далее I.N.R.A.P.) проводил в Марселе масштабные охранные раскопки, среди которых наиболее значительными были исследования Антуаннет Эснар на площади Жюль Верна (G.A.G., 363-364). В 1992-1994 гг. здесь были найдены фундаменты архаической набережной VI в. до н.э., а также остатки нескольких кораблей. Позднее, в IV в. до н.э. на этом же участке возникла верфь. Проводившиеся неподалёку и примерно в это же время (1995-1996) раскопки на площади Вильнёв-Баржемон (G.A.G., 373-377) позволили выявить остатки архаических построек, вероятно, портового назначения. Среди знаковых находок отсюда следует упомянуть архаический аскос второй половины VI в. до н.э. (рис. 5). Раскопки на площадях Жюль Верна и Вильнёв-Баржемон поменяли, в частности, существовавшие ранее представления об устройстве марсельского порта в греческую эпоху – был найден новый архаический причал. Материальные результаты этих работ были представлены в Музее Истории Марселя в 1999 г. на выставке «Обзор городов – Марсель: 10 лет археологии, 2600 лет истории».

Масштабы охранных археологических исследований в окрестностях Марселя были заметно скромнее. В основном они были связаны с сооружением автотрасс в окрестностях города в период с 1950 и 1980 гг. и позволили выявить несколько позднеимперских, галло-римских и средневековых поселений.

Начиная с 1990 г., в связи с созданием рокады Ля-Роз – Сан-Барнабе – Сан-Жан-дю-Дезер, охранные археологические работы затронули ранее не обследовавшиеся окрестности города. В результате было найдено несколько

поселений эпохи бронзы, но наибольшее число среди античных поселений относилось к эпохе Августа и поздней античности. Среди самых интересных для нас результатов – находка следов эллинистических виноградников в Сан-Жан-дю-Дезер. Исследования же технологической зоны в Шато-Комбер выявили остатки галло-римского поселения с давальными площадками.

Несколько шурфов на оппидуме Бау-де-Сан-Марсель вскрыли на его склоне остатки поселения, существовавшего с эпохи раннего железного века.

Среди других открытий в рамках этих работ: следы хозяйственного освоения поселения эпохи бронзы на холме Бельпейр на Пен-Мирабо, зона хозяйственного освоения античного времени в районе Фенестрель в Обань, римская вилла на Пиаж в Пенн-Мирабо и позднеантичное поселение в Парке де Ансолейе в Пейпене (Rothé, 2005, 103).

В последние годы, охранные исследования в Марселе были менее масштабны по причине отсутствия крупного строительства. Однако и они тоже принесли новую информацию о центре античного города, и о его ближней периферии.

Среди подобных работ следует выделить коллективный исследовательский проект «Население в районе Марселя от эпохи бронзы до настоящего времени», осуществлённый центром Камиль Жульен (А. Трезини, Л. Бернар, А. Копетти, В. Дюма) при участии Института Исследований Древней архитектуры (С. Коллен Буфье), Бюро Наследия (А.-М. д'Оливио), le LAMPEA (Ж.-П. Бракко) и l'INRAP (П. Шевилло). В результате его реализации были получены новые данные и об античной Массалии, и о её окрестностях, касающиеся населения оппидумов, окружающих Массалию и их хронологию (Collin-Bouffier, 2005).

В конце XX в. в акватории Марселя активно проводились подводные археологические изыскания. Их родоначальниками были Жак Ив Кусто и Фернан Бенуа. Впоследствии это направление исследований возглавила Дирекция Подводных Археологических раскопок, ставшая позднее Департаментом Подводных Археологических исследований. В результате

была собрана ценная научная информация в основном о торговых связях Массалии, которая в тезисной форме была изложена в третьем томе сборника Массалийских Этюдов - «Греческий Марсель и Галлия» в 1992 г (ЕМ, 1992).

Новым объектом исследований, заинтересовавшим археологов в конце XX в., стали острова в заливе Марсея. Их обследование позволило вывить множество поселений. В рамках программы «Острова побережья Прованса. История их заселения с эпохи бронзы до наших дней» М. Паскуалини удалось нанести на карту несколько поселений, известных ещё с конца XIX в. Затем раскопки Б. Васселина на Зелёном Острове в Сиота принесли много информации о рыбном промысле древних жителей этих островов. Обобщённые результаты вышеуказанных изысканий были опубликованы М. Паскуалини в дополнении к Археологическому сборнику Прованса в 1997 г (Pasqualini, 1997).

Среди других новейших научных работ следует назвать программу «Основание поселений в заливе Марсея с эпохи бронзы до наших дней», в рамках которой С. Буфье выявила в самом городе и его окрестностях несколько памятников археологии. Среди них два поселения эпохи бронзы и VI в. до н.э. в Ля Вальбарель и Рок-де-ла-Круа (Марсель), римское поселение в городском районе Аккат и сельское галло-римское поселение в Бельвю (Аллош) (Collin-Bouffier, 2009).

1.2. Археологическое изучение Эмпориона и его хоры.

Рассмотрим историю изучения античного Эмпориона и его округи. Этому полису больше «повезло» с археологической точки зрения, так как его строительные остатки не были разрушены в последующие эпохи, и впоследствии были практически целиком раскопаны.

1. Период. XV – конец XVIII вв.

Данный период характеризуется в основном первичным анализом древних письменных источников. Интерес к Эмпориону, руины которого заносились песком в период средневековья, возник в эпоху Возрождения. В это время увлечения античностью испанцы стали интересоваться греческими

и римскими городами, ранее существовавшими на территории Пиренейского полуострова. По общему заблуждению того времени, древний Эмпорион должен был располагаться в Кастелло д'Эмпурьес – центре местного графства, что легко объяснялось его одноимённостью. Первым, кто предположил, что это мнение ошибочно, был кардинал Хоан Маргарит и Пау (1421-1484), священнослужитель из Жироны и автор *Paralipomenon Hispaniae* - первой книги, в которой делалась попытка реконструировать историю древней Испании. В ней автор попытался собрать известные на тот момент древние тексты, её описывающие. Проанализировав пассаж Тита Ливия, в котором описывалось прибытие Катона в Эмпорион, он сумел определить место расположения древнего города и даже осмотрел его руины. К сожалению, эта книга была напечатана только в 1545 г. в плохом качестве и вскоре была забыта (Marcet, Sanmarti, 1990). В течение XV-XVI вв. точное местонахождение античного города было неизвестно большинству историков. В 1609 г. Херони де Пухадес (1568-1635) описал руины Эмпориона в первом номере журнала «Общая хроника принципата Каталония» (Pujades de, 1609). В ней точно указывалось местоположение города и содержалось его описание. Однако попутно этот автор привёл множество непроверенных сведений и сомнительных гипотез.

Относительно достоверная историческая информация об Эмпорионе содержалась в работе Пере де Марко (1595-1662) – епископа из Тулузы, который посещал Каталонию во время «войны жнецов». После работы с древними архивами он издал книгу *Marca Hispanica* (Marca de, 1972), несколько глав которой посвящены Эмпориону и его окрестностям.

В XVIII в. интерес к древней истории и культуре Испании возрастает. В 1757 г. священник Энрике Флорес (1702-1773) публикует сочинение «Рельефные изображения из колоний, общин и древних деревень Испании», где касается Эмпориона и описывает монеты этого полиса (Florez, 1757). В этом же столетии Эмпорионом занимались ещё два служителя церкви - Хауме Каресмар и Хоан Франческ Масдеу. Первый - в письме, которое он

отправил главному Интенданту Каталонии в 1780 г., приводит общий очерк истории Эмпориона и проживавших возле него местных племен от момента основания до прекращения жизнедеятельности города. Второй автор посвящает Эмпориону несколько страниц второго тома книги «Оценка истории Испании и испанской культуры», вышедшей в Мадриде в 1775 г (Masdeu, 1785). При этом оба обошли стороной вопросы местонахождения и топографии Эмпориона.

В XLII томе *Espana Sagrada*, вышедшем в Мадриде в 1801 г., священник Мануэль Риско (1735-1801) публикует дополнения к информации Энрике Флореса, который ранее издал обзорные сведения об Эмпорионе в XXVIII томе этого сборника (Marcet, Sanmarti, 1990).

II период. Конец XVIII-XIX вв.

К концу XVIII – началу XIX вв. сочинения о древнем Эмпорионе становятся более обстоятельными и разнообразными. В 1780 г. Хосеп Вега и Сантремат защищает в Академии Изящной Словесности в Барселоне диссертацию о греческих колониях Каталонии. Это первая работа, полностью посвящённая Эмпориону и описывающая город в течение всего периода его существования. Несколько позднее, в 1803 г. в Барселоне Хосеп де Маранхас и Маримон из Эскалы публикует «Уточнения и общие дополнения к истории древнего города в Эмпурьесе» (Marimon de, 1803).

В этот же период появляется несколько интересных общеисторических работ. К ним можно отнести «Путешествие по Испании и описание древностей и кладов» Антонио Понса, вышедшее в Мадриде в 1788 г, где содержится информация, в том числе и об Эмпорионе. Другим примечательным произведением является книга священника Хайме Вильянуэва (Villanueva, 1851) «Литературное путешествие по соборам Испании», которую тот создал после посещения в 1807 г. монастыря в Сан-Мария де Грация. В 1823 г. в Париже деятель искусств Жобе де Пасса из Русильона публикует «Исторические записки о городе и графстве Эмпурьес», в которых подробно и с большой точностью описано состояние

обследованных им руин Эмпориона. Он первым локализовал Палеополис (первое греческое поселение в Эмпорионе) на Сан-Марти д'Эмпурьес и начертил топографический план местности (Passa de, 1823).

Несколько позднее, в 1845 г. в Мадриде, во втором томе Статистического историко-географического словаря Испании Паскуаля Мадоса выходит статья Педро Мартинеса Кинтанилья «Ампурьяс (Крепость в Сан-Марти)» (Quintanilla, 1845, 258-262).

Во второй половине XIX века Хоаким Ботет и Сисо из Жироны выпускает монографию «Исторические заметки и археология античного города Эмпорион», (Siso i, 1979) которая приносит ему премию Действительной Академии Истории. Это серьёзное для своего времени научное исследование, в котором автор совмещает анализ древних текстов с имевшейся на тот момент археологической информацией. Позднее, в 1908 г., при вступлении в Академию Изыщной Словесности он же прочитал доклад на тему «Предположительная дата появления греков в Эмпорионе, и уровень культуры жителей его окрестностей на этот момент».

В 1883 г. выходит в свет книга Пелье и Форгаса «История Ампурдана», которая является наиболее полным собранием всех сведений о древнем Эмпорионе (Forgas, 1883). На этом в целом заканчивается этап сбора письменных данных об этом городе, и с начала XX века наступает период археологических исследований, а также филологического анализа имеющихся древних текстов.

III период. Конец XIX века – современное состояние.

Данный период характеризуется масштабными археологическими работами в Эмпорионе, а также в окрестностях полиса. Первые официальные раскопки Эмпориона проходили в Неаполисе (городе, куда фокейские колонисты переселились через полвека после основания первого поселения - Палеаполис) с 1846 по 1848 гг. В ходе работ были найдены такие известные предметы как мраморная жертвенная плита и саркофаг IV в. до н.э. Затем временно раскопки были прекращены, и Эмпорион стал излюбленным

местом для собирателей древностей, которые десятилетиями разрушали культурный слой города. Некоторые предметы впоследствии были выкуплены у кладоискателей Комиссией по достопримечательностям и вошли в достаточно представительную коллекцию археологического музея Жироны.

Только в начале XX в. была разработана новая программа исследований, которую финансировали как местные власти Жироны, так и региональные - Каталонии. Руководителем был Хосеп Пуйг и Кадафальч, известный архитектор и политик. В ней также принимал участия Совет музея Барселоны. Был разработан проект, согласно которому часть муниципального финансирования, предназначенного для пополнения коллекций музея Барселоны, должна была быть использована для покупки земель, на которых находился античный Эмпорион и для последующих раскопок на них. В результате, в 1908 г. музеем Барселоны удалось выкупить часть земель, на которых располагалась прибрежная территория города и участок, где находились ворота и стена римского города.

Технический надзор за работами должен был осуществлять Мануэль Казурро, преподаватель из лицея в Жироне, а непосредственно археологические раскопки были возложены на Эмили Гандиа хранителя Музея Изобразительных искусств и археологии Рейяль Палау в Барселоне. Впоследствии, когда начались раскопки, в них принимали участие многие специалисты, как из Испании, так и из-за границы. Участниками проекта было принято решение, что находки будут выставляться в Музее Барселоны, расположенном во дворце в старой Цитадели.

Так начались систематические раскопки Эмпориона, продолжающиеся и по сей день. Первыми выявленными объектами в марте 1908 г. стали южные ворота римского города, а также улица, доступ к которой они открывали, и которая, в свою очередь, была исследована в длину на 77 м. Затем в мае этого же года были раскопаны ворота и две квадратные башни греческого города.

В следующем 1909 г. раскопки велись только на территории греческого города – в основном исследовалась его южная стена (рис. 6-7). Кроме этого работы осуществлялись на участках в районе греческого порта, а также изучалась западная часть города, где были выявлены остатки храмов Эмпориона. Осенью этого же года был найден торс статуи Асклепия (рис. 8), а затем обломки и других известных культовых статуй. Руководство работами теперь осуществлял Хосеп Пуйг и Кадафальч, стараниями которого были определены границы греческого Неаполиса, а также локализован Палеополис (рис. 9).

В период с 1914 по 1916 гг. было заложено здание нового музея в непосредственной близости от раскопок. Затем, с 1908 по 1932 гг. проведено исследование большей часть верхних слоёв греческого города и возобновлены раскопки римского. В течение всего этого периода Эмили Гандия оставался ответственным за ход археологических работ, и его полевой дневник является единственным источником информации о ходе раскопок.

С 1932 г. проект исследований в Эмпорионе возглавил профессор Пере Бош Гимпера, который стал руководителем Комитета по их поддержке при Музее Археологии, а также директором музея Эмпурьеса. Его деятельность была прервана гражданской, а затем - Второй мировой войной, в ходе которых работы в Эмпорионе не проводились. Тем не менее, с 1939 г. начинает издаваться журнал «Эмпурьес», в котором публикуются статьи, как по истории этого античного города, так и по смежным исследованиям, посвящённым древней Испании.

После войны ответственным за работы стал профессор Мартин Альмагро, получивший государственную поддержку и рабочую силу от властей Каталонии. Вновь активизировались раскопки в римском городе, где была исследована стена, форум и два больших дома. Кроме того проводились раскопки на греческом и римском некрополях. В 1951 г. он издаёт книгу «Эмпурьес. История города и путеводитель по раскопкам», которая стала

неким итогом исследований в Эмпорионе первой половины XX в. (Almagro, 1958).

В период с 1962 г. по 1981 г. работами в Эмпорионе руководил последователь М. Альмагро профессор Эдуард Риполл.

С 1982 г. усилиями сотрудников музея в Эмпурьесе археологические исследования в городе возобновились в большом объёме. Ведущую роль в них сыграл руководитель раскопок Энрик Санмарти. Начиная с 1985 г. было разработано несколько программ по интерпретации, хронологии и более детальному изучению отдельных строительных остатков. В ходе реализации этих программ в Неаполисе была уточнена датировка основных внешних стен греческого города. Изучение городских святилищ позволило проследить их эволюцию с V в. до н.э. до эллинистического периода. Параллельно исследовались жилые строения в северной части города, где должны были сохраниться постройки, воздвигнутые непосредственно после переселения жителей из Палеополиса на Сан-Марти д' Эмпурьес. Много интересной исторической информации удалось получить в ходе работ на агоре, в центре греческого города.

Одновременно осуществлялась и биоархеологическая программа в окрестностях Эмпориона – исследовались образцы угля, зёрен и органических остатков. Результаты анализов подтвердили наличие высокоинтенсивной хозяйственной деятельности в Нижнем Ампурдане в VI –II вв. до н.э.

Были также проведены охранные археологические раскопки в окрестностях Эмпориона и новые изыскания на Сан Март д'Эмпурьес снова под руководством Э. Санмарти. Одним из итогов работ стал выход в 1990 г. в соавторстве с Рохером Марсетом книги «Эмпурьес», аккумулировавшей наиболее значимые результаты этих исследований (Marcet, Sanmarti, 1990).

С 1991 г. музей Эмпурьеса стал частью Археологического музея Каталонии. В последние годы выходит множество публикаций по результатам работ в Эмпорионе, в том числе новейшая информация об

исследованиях Палеополиса. Значительную роль в изучении Эмпориона по-прежнему играет группа сотрудников музея: К. Акилуэ, П. Кастанайер, М. Сантос, К. Тремоледа.

Существенный вклад в антиковедение Испании внесли и иностранные специалисты. Среди них важную роль сыграл Пьер Руйар, член научного объединения Каза Веласкес в Мадриде и сотрудник CNRS во Франции. Его книга «Греки и Пиренейский полуостров с VIII по IV вв. до н.э.», опубликованная в 1991 г., стала итогом многолетних исследований о взаимоотношениях греков в Испании с местным населением (Rouillard, 1991).

Значительный интерес для нас представляет изучение античного кадастра у Эмпориона. Основные итоги этой работы были изложены в книге Р. Планы Маллар, профессора университета в Монпелье «Хора Эмпориона. Природные ресурсы и аграрная структура на северо-востоке Каталонии в доримскую эпоху», вышедшей в 1994 г. (Plana Mallart, 1994).

Не меньшее значение для нашей темы имеют и результаты исследований на оппидумах – укрепленных иберийских поселениях в окрестностях Эмпориона.

Крупнейшим среди них является Ульястрет, расположенный на северо-востоке Каталонии, к югу от массивов Альбера и Родес, возле восточной окраины Пиренеев (рис. 10-11). Он был обнаружен в конце XIX в. и систематически раскапывался, начиная с 1947 г. Современные исследования, которые осуществляет Археологический музей Каталонии, проходят здесь с 1987 г. В 1987-1995 гг. раскопки производились на одном из двух поселений оппидума - Илье д'эн Рейсак. В ходе этих работ был, в частности, обследован большой дом «аристократического типа». Позднее подобные дома были найдены и на втором поселении - Пуйг де Сан Андреу, которое раскапывалось, начиная с 1996 г. Именно эти жилища позволили интерпретировать оппидум у Ульястрета, как город индикетов.

Начиная с 1997 г. рамки исследований были расширены, и помимо раскопок оппидума началось изучение его окрестностей. В частности, рядом

было исследовано несколько сельских поселений. Эти работы проводились в сотрудничестве с французскими университетами Поль-Валери в Монпелье. Благодаря им, были получены сведения о сельском хозяйстве жителей городища. В период с 2006 по 2008 гг. в сотрудничестве с Немецким Институтом Археологии в Мадриде было также проведено геофизическое обследование территорий близ Ульястрета, которое позволило проследить эволюцию окружающей среды его окрестностей от эпохи камня до наших дней (Martin, Codina, Plana, Prado de, 2010).

Другой крупный оппидум в окрестностях Эмпориона – Сан-Хулия де Рамис (рис. 10, 12). Он был обнаружен на плато горы, недалеко от реки Тер в 1932 г. Франческо Риуро и Карлесом де Палолом в ходе посещения ими одного из гротов с археологическими находками эпохи камня. В том же году здесь начались археологические работы, которые продолжались до 1936 г. В итоге были исследованы несколько домов оппидума, и появились первые публикации. Гражданская и мировая войны приостановили раскопки, и только в 1964 г. работы на плато предпринял Малукер дес Мотес. В 70-ых годах XX столетия раскопки были возобновлены исследователями Олива и Рода. Впрочем, через некоторое время и они были приостановлены.

Тогда же в 70-ых годах на склонах этой же горы была обследована группа зерновых ям, рядом с которыми располагались остатки печей из обожжённой глины неизвестной датировки. В 1991 г. раскопки ещё одной группы из 119 зерновых ям недалеко от реки Тер позволили по-новому интерпретировать роль, которую играл оппидум Сан-Хулия де Рамис в хозяйстве индикетов.

В начале 90-ых годов находки в ходе работ по расширению кладбища в Сан-Хулия де Рамис дали импульс к возобновлению работ на этом оппидуме. В 1996 г. раскопки были продолжены при поддержке мэрии Сан-Хулии де Рамис, университета Жироны а также городской депутации и Министерства Науки и Инноваций Каталонии. Археологические работы на оппидуме продолжаются и в настоящий момент (Burch, Nolla, Sagrera, 2010, 120-121).

В завершении главы, необходимо сказать о наших предшественниках – отечественных исследователях, изучавших греческие колонии Северо-запада Средиземноморья. Первой русскоязычной работой о колонии Эмпорион по-видимому была кандидатская диссертация Л. М. Коротких (Коротких, 1983). Автор, безусловно, внесла большой вклад в отечественную науку опубликовав сведения о греческой колонизации крайнего запада. Л. М. Коротких были подробно проанализированы древние источники об Эмпорионе и ей были привлечены актуальные на тот момент данные археологии. Автор описала историю основания города, социально-политическое развитие Эмпориона, его экономическое развитие, проанализировала влияние Эмпориона на иберийскую культуру северо-востока Пиренейского полуострова. Однако её исследование опиралась в основном на данные письменных источников, которые для удалённых территорий греческой ойкумены, как правило, кратки и фрагментарны особенно для раннего периода. Археологические же сведения, на которые опиралась автор, в основном основывались на работах М Альмагро и П. Бош-Гимперы и относились к 50-ым гг. XX в. Что же касается интересующих нас в первую очередь исследований в окрестностях Эмпориона, связанных с его кадастром, то в тот период они и вовсе не проводились. Л.М. Коротких также издала ряд статей и небольшую монографию (Коротких, 1999) о фокейцах на западе в основном историографического характера, а впоследствии углублённо занималась вопросами формирования иберийской культуры (Коротких, 2003).

В.И. Козловская, защитила докторскую диссертацию, посвящённую Эвбейско-ионийской колонизации Центрального Средиземноморья (Козловская, 2003). В ней отдельные параграфы посвящены Массалии, Эмпориону и Ультястрету. Как и в случае с Л.М. Коротких, автор отдаёт предпочтение анализу письменных источников. Ссылки же на археологические работы, в основном относятся к «классикам» - Ф. Вийар, М. Клавель-Левек, М. Альмагро и хронологически ограничиваются 1970-ыми гг.

XX в. Автор издала также ряд статей о фокейской колонизации Северо-Запада. Среди её последних работ следует указать статью об Агатэ, в которой говорится об основании и развитии этой суб-колонии Массалии, которая однако, находится за рамками нашего исследования (Козловская 2006, 73-88). Среди совместных новых работ авторов укажем на обзорную статью 2011 г (Козловская, Коротких, 2011), в которых кратко рассматривается вопрос о схожести колониационной модели двух полисов.

Наконец Ю.Б. Циркин изучал вопросы западного направления греческой колонизации, и в своей работе о древней Испании касается и интересующих нас колонии, однако не в тех аспектах, которым посвящено наше исследование (Циркин, 2011).

Таким образом, рассматриваемые полисы и их окрестности исследованы многосторонне, хотя и неравномерно. На территории греческой Массалии и окрестностей археологические работы носили ограниченный характер, в отличие от полностью раскопанного Эмпориона. Однако это обстоятельство компенсируется большим числом письменных свидетельств в первом случае, о чём мы скажем в следующей главе.

Глава 2.

Массалия и Эмпорион в свете сообщений древних авторов.

Говоря об общей характеристике письменных источников, следует отметить, что древние известия о Массалии отличаются друг от друга, как по полноте описания, так и по содержанию. Хронологически их распределение также неравномерно.

Письменная традиция греческой Массалии обладает некоторыми особенностями. В ней авторы зачастую ссылаются на своих предшественников: Афиней пересказывает Аристотеля, Стефан Византийский - Гекатея, Страбон использует сведения Посидония. То есть, они пишут о событиях, имевших место в прошлом. Наибольшее число сведений по интересующему нас греческому этапу местной истории относится к эпохе эллинизма, в основном к периоду от конца III по середину I вв. до н.э. Эти источники описывают три важнейших события: Вторую Пуническую войну (Сосил, Полибий, Тит Ливий, Аппиан, Флор), римские войны против лигуров и салиев (Полибий, Тит Ливий, Страбон) и осаду Массалии войсками Цезаря в 49 г. до н.э. Что же касается интересующего нас периода от основания Массалии в 600 г. до н.э. до начала второй пунической войны в 219 г. до н.э., то сведения о городе в основном представлены текстами, излагающими легенду о его основании. При этом она (легенда) существуют как бы в двух основных версиях: Аристотеля и Юстина, которые имеют между собой различия. Что же касается информации о территории греческой Массалии, вернее её сельской округи и местного населения, то количество текстов об этом вовсе единично.

Обзору письменных источников об античной Массалии посвящены работы как европейских (GAG, 141-160), так и отечественных исследователей (Козловская 1989; Циркин 1990, 11-21). Эта фокейская колония в Галлии упоминалась в трудах разных греческих и римских авторов (Bats, Guyon, Tréziny, 2005, 145-159.). Но, как и было сказано выше, несмотря на их

значительное число, хронологически эти свидетельства распределяются неравномерно. Так первое известное упоминание о Массалии появляется только век спустя после её основания. У автора конца VI в. до н.э. *Гекатея Милетского* (в изложении *Стефана Византийского* – Ethnikas.v. Massalia) говорится об этом полисе очень кратко и неопределённо. Автор сообщает, что названия полиса может происходить от сочетания эолийских слов massai (привязывать канат) и halieus (рыбак). Среди авторов V в. до н.э. *Фукидид* сообщал, что после основания Массалии фокейцы имели часто морские стычки с карфагенянами (Фуц. I. 13). Греческий историк второй половины V в. до н.э. *Антиох Сиракузский* (в изложении *Страбона* – Strabo, VI, 1, 1) свидетельствовал, что группа фокейцев покинула свой полис после его разгрома полководцем Кира Гарпагом и отправилась на Кирн и в Массалию, но были оттуда изгнаны, и впоследствии основали Велию. Часть историков полагает, что в этом тексте Массалия была ошибочно указана вместо Алалии, где по сведениям *Геродота* (Herod. I, 162-167), и укрылись фокейцы. В «Истории» *Геродота* Массалии посвящён короткий отрывок, в котором отмечалось, что в её окрестностях живут лигуры (Herod. IV, 9).

Из авторов IV в. до н.э. аттический оратор *Исократ* также в общих чертах сообщал о переселении части фокейцев в Массалию после разгрома Фокеи Гарпагом (Isocr. Archidamos, 84). Упоминает о Массалии и *Демосфен*. В речи против Зенотема он говорил о двух массалийцах: Зенотеме и Гегестрате, которые занимались перевозкой пшеницы из Сиракуз в Афины.

Наиболее подробная информация о Массалии содержится у *Аристотеля*. В первую очередь, это утерянная «Конституция Массалии», отрывок из которой приводит писатель II в. н.э. *Афиней* (Athen. XIII, 575, 36). В нём излагается легенда об основании Массалии, которую мы рассмотрим подробно в третьей главе. В двух других отрывках (Arist. V, 6, 2-3; VI, 7 4), которых также коснёмся ниже, содержатся ценные сведения о социально-политическом устройстве полиса. Ученик Аристотеля *Аристоксен Тарентский* вновь упоминал о переселении части фокейцев в Массалию

после разгрома их города Гарпагом (Aristix. fr. 23). Существует ещё не точно датирующийся, но явно принадлежавший кому-то из учеников Аристотеля текст, в котором говорится о большом количестве рыбы в прудах в окрестностях Массалии (Bats, Guyon, Tréziny 2005, 155). И, наконец, греческий натуралист IV – III вв. до н.э. *Теофраст* упоминает в своём сочинении «Книга о камнях» о гранатах из Массалии (Teothr. III, 18), а в «Книге о растениях» о белой черемице (Teothr. IX, 10, 3).

В конце III в. до н.э., с началом второй Пунической войны, Массалия выходит на «широкую политическую арену», что находит отражение у авторов II в. до н.э. В третьей части «Всеобщей истории» *Полибия* содержатся ценные сведения о политической истории города. В частности, информация о том, что к моменту высадки Сципиона на службе у Массалии состояли галльские наёмники (Polyb. 41). Говорится в ней и о достоинствах массалиотских боевых кораблей, а также о том, что массалиоты были последовательными римскими союзниками и оказали Риму существенную помощь в его войне с Ганнибалом (Polyb. 95). Из более поздних событий столетия Полибий упоминает о помощи, которую массалиоты попросили у Рима во время войны с лигурами (Polyb. 8-10).

Среди других источников II в. до н.э. Массалия упоминается у анонимного греческого автора *Псевдо-Скимна*. Так делается сноска на текст сицилийского историка конца IV – начала III вв. до н.э. *Тимея*. В ней сообщается об основании фокейцами Массалии, Эмпориона, Агаты и Роданусии, а также есть указание на дату основания Массалии, которая имело место за 120 лет до битвы при Саламине (GGM, I, 204).

Из других авторов этой эпохи необходимо назвать и спартанского историка III-II вв. до н.э. *Сосила*, подробно описавшего морское сражение, в котором корабли Массалии принимали участие на стороне римлян против карфагенян в 217 г. до н.э. (FGrH, 176 F, 1).

Новая информация о Массалии появляется в середине I в. до н.э., что связано с событиями 49 г. до н.э. - осадой и взятием города Гаем Юлием

Цезарем. В повествовании самого полководца, посвящённом его войне с Помпеем, содержится масса сведений не только о фортификации и военном деле полиса, но и касающихся его социально-политического устройства. (Caesar, *Bellum civile*, I, 34-36, 56-58, II, 1-16, 22).

В текстах и речах *Цицерона* находим упоминания об аристократическом характере социально-политического устройства Массалии. (Cicero. *Pro L. Flaccus*; *Philippicae orationes*, VI, 18-19; *De republica*, I, 27-28).

Однако основная масса письменных свидетельств о Массалии относится к эпохе принципата. В труде *Тита Ливия* упомянуто о политических событиях и разных сторонах жизни полиса от времени его основания до взятия Массалии Цезарем (Tit. Liv. V, 34; XXI, 26; XXVII, 54, 21-22).

Два текста галльского историка *Помпея Трога* (в изложении *Юстина*) приводят подробную легенду об основании города (в ней есть отличия от версии Аристотеля) и рассказ о политической истории полиса до начала IV в. до н.э. (*Just. Historiarum Philippicarum*, XLIII, 3-5).

Пожалуй, наиболее подробные сведения, касающиеся истории и географии античной Массалии, содержатся у *Страбона* (Strabo, IV, 1, 4-5, 8; XII, 8, 11; XIII, 1, 41). Он описывает географическое положение города, религиозную жизнь горожан и организацию аристократического правительства полиса. Оцениваются и природные ресурсы – подчёркивается наличие в окрестностях Массалии земель, пригодных для выращивания винограда и олив, но не слишком хороших для зерновых культур. Страбон перечисляет города, основанные массалиотами, среди которых Агатэ, Ольвия, Антиполис и Никея и говорит о том, что их образование было необходимым для защиты от варваров - салиев, лигуров и иберов. Он также пишет о флоте и осадных машинах массалиотов, об их дружбе с римлянами, о башнях, построенных вблизи побережья и служивших, по его мнению, маяками. Масса косвенной информации о Массалии имеется и в других местах «Географии».

Именно сведения Тита Ливия, Юстина и Страбона лежат в основе базы источников о ранней истории Массалии.

Среди других авторов эпохи Августа можно назвать *Тимагена Александрийского*. *Аммиан Марцелин* приводит его короткий текст об основании Веллии и Массалии (Ammian Marz. XV, 9, 7). Римский архитектор *Витрувий* кратко писал о некоторых особенностях архитектуры Массалии и подробнее - о фортификации и военном деле массалиотов, повествуя об осаде города Цезарем. (Vitruv. De architectura, II, 1, 5; X, 11-12).

В I в. н.э. список письменных свидетельств о Массалии существенно пополняется. Среди них - *Помпоний Мела*, повествование которого, помимо очередной информации о локализации Массалии, содержат и сведения о взаимоотношениях жителей полиса с окружающими племенами (Pomp. Mela, Chorographie, II, 5, 77). У *Плутарха* (Plut. Vita Solonis, 2, 7; Vita Marius, 21, 7; Alexandrian proverbium, 60) и *Плиния Старшего* (Plini M., Historia Naturalis, XXIX, 9-11; XIV, 8, 68) мы находим описания разных сторон жизни и хозяйства массалиотов, в частности, отмечается высокое качество их вина. На это же несколько раз указывал и знаменитый поэт второй половины этого века – *Марциал* (Epigrammata, III, 82, 23; X, 36, 1-6; XIII, 123, 2; XIV, 118, 1-2). Короткий текст *Сенеки* (Consolandum Helvia, 7, 8) вновь сообщает о месте, где был основан город, подчёркивая, что он находился в окружении враждебных галльских племён. Примерно об этом же писал и *Силиус Италик* (Silius Ital. Bellorum puniurum, XV, 168-172), рассказывая о валах, сооружённых жителями вокруг города. Современник Нерона - поэт *Лукан* (Lucan, Bellum civile, III, 399) приводит эпическое описание осады Массалии Цезарем век спустя после этого события. А историк *Валерий Максим* (Valer. Max. Factorum et dictorum memorabilia, II, 6-7) достаточно подробно охарактеризовал уклад жизни жителей города, подчёркивая их преданность своим традициям, несмотря на то, что тот располагался в окружении варварских племён. Наконец, кратко упоминает Массалию и *Тацит* (Tacit, Vita Agricola, IV, 4).

В следующем столетии о Массалии пишут несколько авторов, однако лишь часть текстов посвящена событиям прошлого с добавлением некоторых новых сведений. Так историки *Дион Кассий* (Dion Cass. Historia Romanae, XLI, 19, 25) и *Флор* (Flor, II, 13, 23-25) вновь обращаются к событиям, связанным с осадой Массалии в 49 г. до н.э. У *Аппиана* (Appien, Historia Italiae, VIII; Historia Iberiae, 14; Bellorum civilerum, II, 47) и *Птолема* (Ptolem. II, 10) город кратко упоминается в общеисторическом контексте. Некоторые общие сведения о Массалии можно почерпнуть из литературного рассказа греческого писателя конца II в. н.э. *Лукиана*. (Lucian, Toxaris sive Amicitia, 24-26). Определённый интерес для нас представляют тексты *Оппиана* (Oppien. Halieutiques III, 542-559), писавшего о рыбном промысле в Массалии и историка из Навкратиса - *Афиня*, в некоторых из отрывков которого говорится о хоре Массалии, как о регионе благоприятном для виноделия (Athen. I, 27; IV, 152; X, 429). Наконец, *Павсаний* упоминает о статуях Афины и Аполлона в святилище Аполлона в Дельфах - подарков массалиотов в честь их морских побед над карфагенянами (Pausan. X, 8, 6; X, 18, 7).

К III в. н.э., помимо вышеупомянутых текстов *Юстина*, относятся краткие сообщения греческого философа *Клавдия Элиана* в «Сочинениях о животных» о промысле тунца (Claud. Elian, XIII, 16), а также о том, что женщинам в Массалии запрещается пить вино (Varia historia, II, 38). Римский историк *Солин* (Solin, II, 52) вновь приводит дату основания Массалии, привязав её к сорок пятым олимпийским играм.

В эпоху домината число письменных источников о Массалии сокращается, и они становятся менее информативными. Среди позднеантичных текстов существенная информация об осаде города Константином содержится у греческого автора IV в. н.э. *Эвмена* из Кардии (Eumen, Panegyric Constantini). *Авиан* составил любопытное описание городской структуры полиса, однако его текст содержит противоречия (Avian, Ora maritime periegesis). *Сервий Онорат*, римский схолиаст описал

обычай массалиотов, имевший место во время эпидемий (Serv. Onorat, III, 57). Можно назвать также святого V в. *Проспера Аквитанского* (Prosper Aquitain. 179), коротко писавшего об основании Массалии, отнесённой им к 21 году царствования римского царя Тарквиния старшего (598 г. до н.э.).

Наконец, в раннем средневековье текст епископа VI-VII вв. *Исидора* из Севильи вновь кратко излагает обстоятельства основания Массалии (Origines, XV, 1, 63).

Затерянная на далёком западе Средиземноморья фокейская колония Эмпорион упоминается в античной литературе не так часто, как Массалия. Тем не менее, список древних авторов, писавших об Эмпорионе, содержит имена таких известных историков и географов как Страбон .Тит Ливий и Авиен. Л.М. Коротких в своей диссертации подробно рассмотрела письменные источники, касающиеся фокейцев в Испании, а также дала очерк отечественных исследований по данному вопросу (Коротких 1983, 10-47). Это позволяет нам не останавливаться на их подробной характеристике, а рассмотреть те сведения древних авторов, которые помогают решить поставленные в диссертации задачи, добавив некоторые источники, оставшиеся вне сферы внимания исследователя.

Самые первые письменные упоминания о Пиренейском полуострове мы находим в Библии (Третья книга царств, глава 10) и греческой мифологии (Hesiod, Theogonia, 287-290, 311), но эти сведения носят полуполюгендарный характер. Ранние же исторические свидетельства об этом районе и греческих колонистах содержатся у *Гекатея Милетского*, автора VI в. до н.э., пересказы которых дошли до нас от более поздних авторов – *Геродота*, *Страбона*, *Стефана Византийского*, *Афиня*, *Геродиана* (FHGI, 1-31). В них упоминаются иберийские племена и греческие города, существовавшие на Пиренейском полуострове. Его «последователь» Геродот в V в. до н.э. писал о том, что фокейцы первыми среди эллинов отправились в далёкие морские путешествия на запад, где и открыли Иберию (Herod. I, 63). В двух других отрывках он упоминает кельтов (Herod. II, 33) и иберов (Herod. VII, 165),

населявших крайний запад Европы. Среди прочих авторов классической эпохи о Пиренейском полуострове писал Фукидид, коротко упоминая о конфликте между иберами и лигурами (Fuc. VI, 2).

В целом, в VI-V вв. до н.э. сведения о греческом освоении Иберийского полуострова достаточно скудны и фрагментарны. Примечательно, что древние авторы этого периода ни разу не упоминают Эмпорион, существовавший уже с начала VI в. до н.э. Это может объясняться крайней удалённостью и небольшим размером колонии.

Первым этот топоним приводит Эфор, греческий историк IV в. до н.э., называвший Эмпорион среди фокейских колоний в Испании (FHGI, 128, 172-177, 207).

В следующем столетии, с началом второй Пунической войны, регион Западного Средиземноморья попадает под более пристальное внимание историков. Третья часть всемирной истории Полибия посвящена войне Рима с Ганнибалом. В ней Эмпорион упоминается дважды. Первый раз, как один из городов, лежавший на пути следования Ганнибала (Polyb. III, 39, 2). Вторично – в связи с высадкой на полуостров войск Сципиона (Polyb. III, 76). Л.М. Коротких (Коротких 1983, 17) не исключает, что историк мог пользоваться архивами Сципиона.

В какой-то степени продолжателем Полибия во II-I вв. до н.э. стал *Посидоний*, который создал географическое описание Испании. Его работы дошли до нас в отрывках более поздних авторов. В частности, *Диодор Сицилийский*, пересказывая Посидония, писал об иберах и о природных ресурсах Испании (Diodor Sicil. V, 33-38).

Большая часть сведений Посидония дошла до нас в передаче Страбона. Его третья книга из «Географии» полностью посвящена Иберии и содержит огромное количество ценной исторической информации. В ней автор перечисляет греческие колонии на Пиренейском полуострове, касается вопроса о до-фокейских греко-испанских контактах, описывает климат

Иберии, пишет о полезных ископаемых и других ресурсах полуострова. Затрагивает он и вопрос взаимоотношений иберов и греков.

В книгах XXI-XXIV и XXIX современника Страбона *Тита Ливия*, посвящённых войне Рима с Ганнибалом, также содержится множество отдельных свидетельств о древней Испании и о племенах её населявших. Один из разделов (Tit. Liv. XXXIV, 9) посвящён непосредственно описанию Эмпориона. Собственно говоря, вышеуказанный текст Тита Ливия и Страбона (Strabo, IV, 9) являются основной дошедшей до нас письменной традиции о греческом Эмпорионе. Подробнее мы рассмотрим их ниже.

Схематичные и отрывочные сведения об Иберии содержатся и у других авторов римского времени: *Плиния, Помпония Мелы и Птолемея*.

Из позднеантичных произведений любопытен труд «Морские берега» *Руфа Феста Авиена*, римского поэта IV в. н.э. В нём приводится подробное описание Испании. Разбору этого источника посвящён первый том А. Шультена «Источники по античной Испании». В нём автор предположил, что за основу Авиеном был взят древнейший перипл, написанный греком-массалиотом *Эвтименом* в VI в. до н.э. (Schulten, 1922, 9).

В целом же, число древних источников, описывающих непосредственно колонию Эмпорион невелико.

Скажем несколько слов об эпиграфических источниках из Массалии и Эмпориона. Следует отметить, что для античных полисов Средиземноморья, находящихся западнее Дельф, в целом характерна бедность эпиграфическими документами. (Decourt, Gascou, Guyon 2005, 161). Что касается Массалии, то всего отсюда известно около 200 надписей на греческом и латинском языках, среди которых абсолютное большинство – это надгробия (Decourt, Gascou, Guyon, 2005, 160-216). Из них на греческом языке всего около 50, большая часть которых к тому же фрагментарна.

Что же касается интересующей нас эпохи до начала Пунических войн, то число надписей и вовсе единично. Среди них упомянем надпись на сером известняковом блоке «Δ]ιονυσο[---]» V в до н.э., которая была найдена в

1969 г. в районе античного причала (Decourt, Gasco, Guyon, 2005, 177). По всей видимости, она посвящена либо культу Диониса, либо относится к какому-либо погребальному памятнику. Далее - это известная надпись «ΧΑΙΡΕ» на входе в общественное здание V - II в. до н.э., а также часть письма торгового содержания на свинцовой пластине III в. до н.э., найденная на площади Вильнёв-Баржемон, в 1997 г (Decourt, Gasco, Guyon 2005, 177).

Надписей из Эмпориона известно больше (Almagro, 1951), но среди них лишь немногие относятся непосредственно к теме нашего исследования. Как отмечала ещё Л.М. Коротких, греческие надписи по истории города немногочисленны и кратки, в большинстве своём они состоят из имён ремесленников и магистратов (Коротких, 1983, 35). Самое же примечательное - это известное письмо на свинцовой пластине V в. до н. э., найденное в Малой Азии, в котором впервые упоминаются жители Эмпориона (рис. 14).

Таким образом, письменные источники о Массалии и Эмпорионе несмотря на их внушительное число и содержательность в ряде случаев в целом только отчасти раскрывают поставленные нами задачи по вопросам сельских территорий этих полисов и греко-варварских взаимоотношений. Их скудность, особенно характерная для «раннего» периода развития городов делает необходимым привлечение данных археологических работ в рассматриваемом регионе.

Глава 3

Греческая Массалия и её округа в начале VI до н.э. – III в. до н.э.

Основная задача данной главы – охарактеризовать основные этапы развития греческой Массалии в период от основания до Пунических войн. При этом мы будем рассматривать в основном те аспекты, которые необходимы для раскрытия главной исследуемой нами темы - вопроса о хоре полиса и о греко-варварских взаимоотношениях. В связи с тем, что эта тема ранее подробно не рассматривалась в отечественной историографии, мы приведём ниже сведения, казалось бы, напрямую к ней не относящихся, но необходимые на наш взгляд для понимания последующих выводов. Задачи заключительной части главы – попытка ответить на вопрос о специфике сельской территории Массалии и о греко-варварских отношениях в её окрестностях в VI-III вв. до н.э.

Географическое положение и историческая ситуация. Массалия – крупнейшая фокейская колония в Северо-Западном Средиземноморье, основанная фокейскими мореплавателями на западе Лионского залива, в районе устья Роны в начале VI в. до н.э. Античный город был локализован на берегах бухты Лакидон в центре современного Марселя (рис. 15). Географически территория, выбранная колонистами, отличалась благоприятными природными условиями. Массалия была расположена в геологической впадине площадью около 180 кв. км, отделённой горными хребтами от остальной части Нижнего Прованса. На северо-западе эту впадину ограничивает небольшой хребет Нерт, на северо-востоке - массив Этуаль, на востоке массив Аллош, массив Карпиань на юго-востоке и массив Марсельвейр на юге. Западная часть всего этого региона омывается Средиземным морем. На севере он связан перевалом Ля Визит с областью Гарданн, а долина реки Ювон предоставляет более простой доступ к региону Обань на востоке.

Район Марселя характеризуется мягким средиземноморским климатом, с меньшими сезонными перепадами температур и меньшим количеством осадков, чем в остальной части Прованса. Разветвлённая речная система (реки Ювон, Дюранс, Жарре и ручей Эйгалад) снабжала его в древности пресной водой. К неблагоприятным факторам следует отнести большое количество склонов и подверженность глинистых и песчаных грунтов эрозии, а также заболоченность некоторых территорий.

Археология показывает, что этот регион был обитаем ещё с эпохи среднего палеолита (Buisson-Catil, 2005, 113). Самые же древние находки непосредственно на территории города, по-видимому, относятся ко времени неолита (GAG, 573-574). Начиная с эпохи Средней бронзы (1500-1300 гг. до н.э.) этого этот район уже посещался регулярно, чему свидетельствуют находки в портовой зоне возле мэрии (Bernard, Collin-Bouffier, Tréziny 2010, 132).

Рассмотрим подробнее историческую ситуацию, сложившуюся здесь в эпоху поздней бронзы – раннего железного века (IX-VII вв. до н.э.), т.е. непосредственно предшествовавшую появлению фокейских колонистов на берегах Лакидона и, прежде всего, на тех территориях, вблизи которых впоследствии возникнет греческая колония. На западе Нижнего Прованса в это время появляются сельские поселения, число которых со временем увеличивается (рис. 16). При этом они рассеяны, и центры их концентрации не прослеживаются. Среди них преобладали поселения в гротах и других естественных убежищах, такие, как на массиве Марсельвейр в Фон де Вуар (рис. 16, №8), в гроте Лубьер (рис. 16, №9), в Симиан-Колонг в Бом де л'Эйгру (рис. 16, №10). К похожему же типу относятся и поселения раннего железного века ля Гранд Бом в Жеменосе (рис. 16, №17) и в Сан-Шама в пещере Вийар (рис. 16, №28).

С конца же VII в. до н.э. в регионе Марселя дополнительно возникает множество неукреплённых изолированных поселений (ферм, маленьких

домов) на открытом пространстве. Иногда они образуют деревни, достигавшие площади 1-2 га. Географически эти деревни расположены в разных ландшафтах: на равнинах, такие как в парке Сан-Жан в Жеменосе (рис. 16, №16) - VII – первая половина VI в. до н.э.; на границе с зоной лагун в Мартигю, в Абионе и на солончаках Ферьер (рис. 16, №12) – эпоха поздней бронзы; на побережье около Марселя в Пуан Руж (рис. 16, №14) – VII-VI вв. до н.э., на Кот Блэ в Кари-ле Руэ (рис. 16, №21) в Тамарисе и Арке (рис. 16, №№ 22-23), а также на островах – поселение в Мэр начала VI в. до н.э. (рис. 16, № 13).

В этот же период появляются и укрепленные поселения на возвышенностях, расположенные над обрабатываемыми земельными участками. К ним относятся поселения Бау Ру и Сан-Блез (рис. 16, № 11, 24), поселения в Фо-сюр-Мэр (рис. 16, № 25) в Кастелен д'Истр (рис. 16, № 27) а также в Ров в Сан-Максим (рис. 16, № 20) и на склонах горы Орелин в Пурье (рис. 16, № 19).

В первой четверти VI в. до н.э. начинается процесс реорганизации всех этих населённых пунктов. Исчезают незастроенные участки между домами, на них образуются улицы и переулки. На наиболее динамично развивающихся поселениях увеличивается и концентрация самих крытых построек. Меняется их внешний облик. Где-то возникает фортификация, представленная мощными стенами из сырцовых кирпичей, снабжёнными бастиями и куртинами что хорошо прослеживается на примере поселения в Тамарис (рис. 17). На поселении Сан-Блез похожий процесс происходит с 625 по 575 гг. до н.э., в Сан-Марселе – с 575 по 550 гг. до н.э. Одновременно с этим на ряде поселений кое-где жилища на несущих столбах сменяются домами с сырцовыми стенами (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 31).

При этом на данном этапе картина, наблюдаемая на могильниках, вроде бы не свидетельствовала о каких-то существенных внешних изменениях в жизни аборигенов. Наибольшее число некрополей было выявлено и обследовано на востоке, на массиве Сан-Бом (рис. 16, № 30) на горе Регана

возле Пейнье в Сериган (рис. 16, № 31) и в Сан-Виктуар (рис. 16 №№ 32-33). Единственный известный некрополь этого периода на западе расположен в Понто в Мартигю (рис. 16, № 29). Инвентарь захоронений отличается минимальным количеством импортных металлических предметов, а также греческой и этрусской керамики. В основном присутствуют металлические и глиняные изделия (браслеты, бритвы, окрашенные керамические сосуды), свидетельствующие о связях с населением Альп, а также предметы местного производства – шпильки, кольца, пуговицы, лепная керамика. Что касается погребального обряда этих захоронений, то среди них преобладала ингумация (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 31).

Подобной стабильностью характеризуется и археологический материал на поселениях, где к началу VI в. до н.э. встречается крайне мало импортных предметов. К примеру, на поселении Сан-Блез в это время местная керамика составляет 91 % находок, а на поселении Бау-Ру 92 % соответственно. Она представлена разными формами (рис. 18), отличалась неплохим качеством изготовления и делилась на две основные группы – кухонная и столовая посуда и крупные сосуды для домашнего хранения продукции (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 31).

Говоря об экономическом потенциале территорий, где греки основали свою колонию, следует отметить, что наиболее благоприятными для сельского хозяйства были земли дельты Роны, которые включают в себя область Этан де Бер, долины рек Арк и Ювон, обширные аллювиальные долины самой Роны и Дюранс, а также пруды с заболоченными областями вокруг них за горным хребтом Эстак. В эпоху античности, по свидетельствам древних авторов (Strabo, IV, 5), земли непосредственно вокруг Марселя считались малопригодными для культивирования зерна. При этом холмы, долины и невысокие плато, расположенные севернее, и разделяющие массивы Сан-Бом, Этуаль и Сан-Виктуар, напротив, характеризовались плодородными территориями. Сельское хозяйство развивалось здесь ещё с конца эпохи бронзы – выращивалась рожь, крахмальная пшеница и пшеница

однозернянка. Существовало и скотоводство, в котором первенство принадлежало разведению коров, что подтверждается соответствующими находками костей в слоях на поселении Мартиг-л'Абьон и самом древнем слое поселения Сан-Блез. Разводили также баранов и овец, свиньи встречались редко. Кроме того, туземцы занимались охотой, в прудах ловилась рыба и добывались ракушки. Не последнюю роль играла и добыча соли (Sternberg, Tréziny, 2006, 244-251).

На фоне роста числа поселений в конце эпохи бронзы - начале раннего железного века в регионе появляются и первые импортные предметы: металлическая посуда, оружие, бижутерия, столовая греческая и этрусская посуда (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 29-32). К примеру, число импортной керамики на поселении Рок де ла Круа в первой половине VI в. до н.э. по результатам разведочных работ 2006-2007 гг. уже достигало 20 % (Bernard, Collin-Bouffier, Tréziny, 2010, 134).

Какой же этнос обитал в устье Роны, к моменту появления греческих колонистов? Древние авторы называли племена, жившие в регионе, где была основана Массалии, сегобригами (*ségobriges*). Согласно текстам Аристотеля и Юстина (см. ниже), описывающим основание города, ими управлял царь (вождь) по имени Нанн (*Nanos*), хотя эти источники и не раскрывают сути туземной иерархии. По всей видимости, сегобриги относились к народности лигуров, которые в эпоху раннего железного века ассимилировали местное население эпохи поздней бронзы, обитавшее в регионе Массалии. Данное же население в свою очередь могло иметь какие-то связи с альпийскими жителями, скорее всего, кельтских корней (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 33).

На это опирается и одна из версий о происхождении названия указанного этноса: оно состоит из двух кельтских корней – *sego* и *brigos* «из сильного племени».

Позднее кельтская экспансия в регион устья Роны усиливалась, и, начиная с конца III в. до н.э., древние авторы именуют племена, проживавшие близ Массалии, не иначе, как кельто-лигуры.

Отметим, что непосредственно там, где была основана Массалия и где расположено два небольших водотока – Лакидон и Франш, в древности значительная часть территорий была заболочена. Археологические исследования не выявили здесь каких-либо значительных стационарных поселений поздней бронзы – раннего железного века, то есть периодов, непосредственно предшествующих появлению в регионе фокейских греков. Известны только следы посещения территорий у побережья местными жителями. Находки же наиболее древних туземных вещей в ранних слоях греческой Массалии аналогичны находкам из ранних слоёв поселения Сан-Блез и датируются не ранее 625-550 гг. до н.э. Данные факты, в совокупности с информацией письменных источников, заставляют большинство исследователей полагать, что фокейские греки основали свою колонию на пустой территории, свободной от какого-либо туземного населения (Hermary, Hesnard, Tréziny, 1999, 33; Vats, 1998, 609).

Предшественники фокейцев в Галлии.

Основание Массалии произошло достаточно поздно в контексте общей колониационной динамики в западном Средиземноморье. Общеизвестно, что первыми на берега Испании, Галлии и северной Африки прибыли не фокейские греки. Ещё за два века до возникновения Массалии на западе появились колонисты из восточного Средиземноморья. Финикийцы освоили побережье северной Африки и южной Испании, греки – Сицилию и среднюю Италию, причём концентрация колоний была довольно плотной (Hermary, Hesnard, Tréziny, 1999, 24-25). В связи с этим, и район Лионского залива, безусловно, могли посещать мореплаватели – предшественники фокейцев.

Древние авторы в первую очередь указывают на путешественников из восточной Греции. Хорошо известен текст Геродота, который описывает приключения *самосца* Колея, который побывал в Египте, Ливии, затем

отправился на запад, пересёк Гибралтар и достиг Тартесса (Herod. IV, 152, 159). Несмотря на несколько легендарный характер этой истории, Ф. Вийар полагал, что она имеет под собой историческое основание, и путешествие Колея могло иметь место во второй половине VII в. до н.э. (Villard, 1960, 72). Тексты же Страбона (Strabo, III, 4, 8; XIV, 2, 10) и Псевдо-Скимна (Ps.-Shimn, 206-207) привели к появлению в историографии гипотезы, о *родосском* - дофокейском освоении западного Средиземноморья, которая впоследствии не нашла убедительного археологического подтверждения (Циркин, 2011, 96-99).

Археологически же посещение берегов Галлии предшественниками фокейцев доказывается находками ранних греческих предметов. К ним, в первую очередь, относится кубок, имитирующий протокоринфский, обнаруженный в Меляке (Mailhac) и датирующийся первой половиной VII в. до н.э. Далее, на некрополе Пейру в Агдах были найдены два глубоких кубка, также из серии подражаний протокоринфским, произведённые, вероятно, на юге Италии, низкий кубок протокоринфского стиля, возможно, действительно из Коринфа и ойнохоя, окрашенная оранжевой краской – подражание протокоринфской, тоже, скорее всего, изготовленная на юге Италии.

Эти предметы могут датироваться третьей четвертью VII в. до н.э., а могут быть и более древними. В любом случае, они, по крайней мере, на четверть века старше вещей, которые появляются в регионе сразу после основания Массалии (Bats, 1998, 609-610).

Помимо греческих вещей, в некрополе в Мэляке были найдены и другие «средиземноморские» изделия: несколько бронзовых предметов и две зооморфные вазы, относящиеся к типу «восточной имитации». Впрочем, М. Батс отмечает незначительное количество таких артефактов (Bats, 2012, 145). На указанных некрополях было исследовано несколько сотен могил, в которых содержались тысячи местных глиняных предметов. В связи с этим, по мнению автора, происхождение этих вещей можно связать с простым

обменом, а не с деятельностью каких бы то ни было морских торговцев (Bats, 2012, 145-156).

Другими возможными предшественниками фокейских греков могли быть *этруски*. Ряд предметов этрусского происхождения, которые находили на туземных поселениях в Галлии, может датироваться периодом до 600 г. до н.э. М. Пи является автором идеи о том, что, начиная с 625 г. до н.э., этруски уже наладили активные торговые связи с жителями Галлии (Ру, 1994, 84-88). Однако тот же М. Батс, осуществив хронологический анализ, пришёл к выводу, что те поселения средиземноморской Галлии, на которых присутствовал этрусский импорт, могут датироваться самое раннее концом VII в. до н.э. Следовательно, по его мнению, говорить о какой-то значительной торговле между этрусками и племенами южной Галлии в период, предшествовавший возникновению Массалии, нет достаточных оснований. Именно фокейцы впоследствии ввели этрусские товары в свою торговую орбиту, и импорт товаров из Этрурии действительно приобрёл значительный масштаб (Bats, 1998, 623).

Так или иначе, ведущие исследователи античной Массалии (Bats, 2012, 145) полагают, что греческие или этрусские мореплаватели, а также и *финикийцы* действительно могли посещать берега Лионского залива и пользоваться удобной природной гаванью Марселя, однако археологически остатки здесь каких-либо до-фокейских колоний археологически выявлены не были.

Таким образом, можно сказать о том, что Массалия была основана на пустом участке побережья, отличающемся благоприятными климатическими условиями и окружённом местными племенами, находившимися на стадии перехода к железному веку. Эти племена уже имели свою иерархию, о чём говорят письменные источники, навыки земледелия, о чём говорит археология и, скорее всего, какой-то опыт торговых обменов, о чём говорят редкие находки импортных предметов.

Основание города – археология и античная письменная традиция.

Основание Массалии наиболее подробно описывается в двух античных текстах. Более ранний из них принадлежит Аристотелю, и дошёл до нас от Афиня (Athen. XIII, 575, 36).

Легенда описывает прибытие ионийских фокейцев в Галлию по торговым делам. Руководитель экспедиции по имени Евксен был дружелюбно встречен местным правителем Наном. Далее согласно легенде дочь Нанна Пета стала женой Евксена сменив имя на Аристоксена. Их сын Протид стал основателем правящей династии Протиадов.

Более поздний и подробный текст принадлежит Помпею Трогу, который дошёл до нас в изложении Юстина (Just. XLIII, 3-4). В этой легенде говорится о том, что до прибытия в Галлию фокейская молодёжь побывала у устья Тибра, где у них с римлянами завязались дружественные отношения. Далее они основали Массалию в землях лигуров и диких народов Галлии, где впоследствии между ними и «дикими галлами» происходили военные стычки. По словам автора, фокейцы отдавали предпочтение морским занятиям – рыбной ловле, торговле, а также пиратству, не считавшемуся в те времена постыдным занятием. По версии Юстина предводителей ойкистов звали Симос и Протис. В тексте также говорится о военных действиях между массалиотами и лигурами, в которых фокейцы в конечном счёте одержали победу.

Сюжет легенды, изложенной в обоих текстах, характерен для индоевропейской литературной традиции в целом, и в частности для греческой мифологии и литературы эпохи Гомера. Несмотря на эпический характер приведённой истории, в ней содержится много значимых исторических сведений. Среди них безусловную ценность представляет информация об изначально мирных отношениях между туземцами и греками, и об их стремлении к сотрудничеству.

При этом текст Аристотеля, созданный раньше, можно интерпретировать таким образом, что имел место не только брак между предводителем фокейцев Эвксеном и Петой, но и совместное проживание

обеих групп этносов, по крайней мере, в первом поколении. Само имя Эвксен переводится как добрый гость, что опять же подчёркивает мирный характер отношений греков и туземцев на раннем этапе основания Массалии.

В тексте же Помпея Трога интересно указание на то, что Нанн предоставляет греческим предводителям Протису и Симосу «территорию для строительства города». Из этого вроде бы следует, что она не представляла интереса для самого Нанна и для местного населения. Очевидно, что царь сегобригов жил не в этом месте, но при этом никаких других указаний на район проживания аборигенов нет. Вероятно, всё же туземцы каким-то образом могли использовать прибрежные земли, и их передача грекам могла подразумевать сохранение какой-то формы контроля (Bernard, Collin-Bouffier, Tréziny, 2010, 132).

Что касается даты основания колонии, то на сегодняшний день она определяется достаточно уверенно.

Чёткое указание на то, что город был основан около 600 г. до н.э. есть в нескольких письменных источниках. Сицилийский историк Тимей (в изложении Псевдо-Скимна (Ps. Skimn, 202-214)) писал о том, что Массалия была основана за 120 лет до битвы при Саламине. Римский же географ III в. н.э. Солин (Solin, II, 52) привязывал основание города к 45-ой олимпиаде (600-596 гг. до н.э.).

Однако параллельно с этим, некоторые авторы указывают на то, что Массалия была основана после разгрома Фокеи Гарпагом в 546 г. до н.э. Подобная информация содержится у Павсания (Pausan. X, 8, 6) и в комментариях к текстам Лукана (Lucan, III, 301). Вероятно, эти авторы неверно интерпретировали тексты своих предшественников, так как археологические раскопки уверенно позволяют датировать ранние слои греческой Массалии рубежом VII-VI вв. до н.э. Такой датировки основания города придерживались и ведущие исследователи античной Массалии (Villard, 1960, 81; Bérard, 1960, 130; Morel, 1975, 866; Bats, 1992, 266; Tréziny, 1994, 125 ; Gras, 1995, 364; Collin Bouffier, 2009, 35).

Что же касается этимологии названия города – «Massalia», согласно Страбону или «Massilia», согласно Юстину, то она на сегодняшний день окончательно не определена. Версия, предложенная в некоторых древних текстах, что Массалия означает «причальный канат рыбака» (от massai – привязывать по эолийски (см. главу 2)) по общему мнению, выглядит неубедительно (Hermay, Hesnard, Tréziny 1999, 37).

Массалия в архаическую эпоху – конец VII-начало V вв. до н.э.

Итак, в конце VII в. до н.э. в Лионском заливе возник греческий город. Археологические исследования на территории Массалии затруднены тем, что античный город, а также его ближайшие окрестности полностью застроены современным Марселем. Тем не менее, археологические работы, проводившиеся здесь в течение всего XX в., а также в последнее десятилетие, позволяют частично реконструировать облик Массалии в архаическую эпоху.

Первые городские постройки возникли на северном побережье бухты Лакидон. Страбон, описывая город, уточняет: «Массалия основана фокейцами и расположена в скалистой местности. Гавань её лежит у подошвы скалы, имеющей вид театра, расположенного открытой частью на юг, к морю. Сама скала и весь город, имеющий большую протяжённость, прекрасно укреплены» (Strabo, IV, 1, 4).²

В ходе раскопок Гастона Вассера в самом начале XX в. греческие архаические остатки были выявлены на холме, где сейчас находится форт Сан-Жан (Vasseur, 1914). Эти раскопки показали, что этот холм был плотно застроен в течении всего VI в. до н.э. В их процессе было найдено множество керамических сосудов VII-IV вв. до н.э., среди которых встречалась хиосская керамика VII в. до н.э., ионийская из Малой Азии этого же периода, а также аттические краснофигурные вазы классической эпохи (Clerc 2015, 300-301).

Позднее синхронные слои и постройки были найдены и на вершине Сан-Лорен, которая является естественным продолжением холма Сан-Жан на восток и их остатки прослеживались до северной границы этого холма –

---

²Перевод Д. Пролона.

улицы Катедраль, где также была обнаружена хиосская архаическая керамика (рис. 19). Впоследствии «ранний» археологический материал был найден и при раскопках в порту на площади Виво, откуда происходит терракотовая статуэтка ионийского типа (рис. 20, 1), а также при раскопках на площадях Жюль-Верна, Вильнёв-Баржемон, и у подножия холма Мулен.

Со второй четверти VI в. до н.э. архаические слои прослеживаются уже на севере района Панье (улица Водое), в квартале Пистоль и на западных склонах вершины Мулен, до Биржи, откуда происходит, в частности, нижняя часть аттического диноса работы Софилоса ок. 575 г. до н.э. (рис. 21, 4).

Таким образом, весь холм Мулен был заселён не позднее второй четверти VI в. до н.э.

К востоку от этого холма число обследованных участков было небольшим, и найденная керамика датировалась здесь не раньше третьей четверти VI в. до н.э. Незначительный ранний археологический материал, обнаруженный на холме Карм, также не может быть датирован ранее второй половины VI в. до н.э., а редкие архаические находки из района Биржи относятся уже к третьей - последней четверти VI в. до н.э. (Hermay, Hesnard, Tréziny 1999, 43). Среди них «ионийский» кубок из светлой марсельской глины третьей четверти VI в. до н.э. (рис. 21, 2) и венчик сосуда из серой однотонной глины второй половины VI в. до н.э. с волнистым орнаментом (рис. 21, 3).

Говоря об укреплениях архаической эпохи, следует отметить, что Юстин, описывая Массалию, упоминает, что этот город с самого начала был снабжён поясом укреплений и воротами (Just. XLIII, 4-5). При этом единственным археологическим свидетельством о фортификации в VI в. до н.э. является участок стены, выявленный при раскопках на Бирже, на юго-западной окраине архаического города (рис. 22). Цоколь этой стены из белого известняка, происходящего из карьеров Сан-Виктор, сохранился до 90 см в высоту, сама же стена была сложена из сырцовых кирпичей, и от неё уцелело только основание. Эта постройка может представлять собой часть

оборонительной линии, полностью уничтоженной при последующих перестройках. Её датировка 550-510 гг. до н.э. С юга к этой стене примыкал «причал», опиравшийся на сосновые сваи, к которому могли подходить корабли, доставлявшие известковые плиты из Сан-Виктор. Край же оборонительной линии, часть которого составляла стена, мог уходить в море, как это было позднее в эллинистическую эпоху (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 43-45).

Таким образом, на основании распределения архаического материала и строительных остатков, были сделаны попытки определить границы города в VI в. до н.э. На севере она проходила, вероятно, южнее станции метро Жюльет, затем спускалась к юго-востоку к отелю Дьё и уходила на юг к площади Вильнёв-Баржемон. Л.-Ф. Ганте отмечал, что архаические постройки Массалии, как правило, были ориентированы по сторонам света. При их сооружении использовался камень, дерево и сырцовый кирпич. Этот исследователь полагал, что размеры «раннего» города (600-580 гг. до н.э.) составляли около 12 га (Gantès, 1992, 71-88). В самом конце столетия он, вероятно, расширился к востоку, и его границы стали доходить до современной биржи на севере, а на восточном участке - до холма Карм (рис. 23). По мнению А. Трезини, к концу VI в. до н.э. город уже мог достигать площади 40 га. (Tréziny, 2006, 234).

Отдельно следует сказать о результатах археологических исследований в прибрежной зоне – на площадях Жюля Верна и Вильнёв-Баржемон. В античную эпоху уровень моря в Лионском заливе был выше нынешнего, и эти изыскания затронули как портовые сооружения, так и территории, находившиеся в VI в. до н.э. под водой.

В этот период прибрежная зона отличалась мелководьем, в связи с чем массалиоты соорудили «причал» перпендикулярный берегу, выявленные остатки которого датируются первой четвертью VI в. до н.э. Данная постройка сохранилась в длину на 10 м. Она сооружена с помощью простой, но эффективной техники: по периметру были вплотную, одно к другому

установлены вертикальные деревянные брёвна, которые держали каменные валуны, образующие примитивную «плотину» в воде (рис. 24). Внутреннее пространство этой плотины было забутовано необработанными каменными блоками. На глубине около 20 см от водной поверхности, перпендикулярно базовой конструкции «причала», также располагались брёвна, которые с одной стороны предохраняли корабли от ударов о камень, с другой служили фундаментом для надводной поверхности причала, выложенной из обработанных камней. Конструкция завершалась некой прямоугольной «платформой» (рис. 25). А. Трезини полагает, что в этом месте завершался морской участок первого архаического вала (Tréziny, 2010, 561).

Глубина воды у набережной достигала 1,5 м, что было достаточно для кораблей того типа, которые были найдены и исследованы на площади Жюля Верна (рис. 26).

Уровень воды в бухте, где был сооружён первый греческий порт, быстро падал. К последней четверти VI в. до н.э. вышеописанный «причал» уже находился в тине и иле. Вскоре была сооружен новый причал из прямоугольных каменных блоков шириной до 1,2 м. Он был исследован в длину на 20 м и в ширину до 5 м. Его основание было выявлено у подножия лестницы, ведущей на ул. Кэссери. Многочисленные следы ремонта на её поверхности свидетельствуют о том, что она могла функционировать до конца V в. до н.э.

Активная посещаемость порта Массалии торговыми судами подтверждается множеством амфор и другой керамики, которые находили в воде. Назовём в качестве примера этрусскую амфору типа 3a по М. Пи (рис 27) произведённую в регионе Каэре. Примерно в 20 м от древней береговой линии были обнаружены остатки двух кораблей, затонувших около 500 г. до н.э. На них полностью отсутствовал груз, что может говорить о том, что они были разгружены и оставлены на мели. Дата их затопления указывает, что, вероятно, они были построены в середине VI в. до н.э., то есть вторым поколением жителей Массалии. Исследование остатков этих кораблей

продемонстрировало эволюцию в греческом кораблестроении. Это были корабли нового типа, отличающиеся большей грузоподъемностью и позволяющие увеличивать товарооборот (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 43-45).

В целом исследования в районе греческого порта косвенно могут говорить о том, что уже с периода основания колонии торговая деятельность имела большое значение для жизнедеятельности жителей полиса. Из ярких находок отсюда происходит аттическая чернофигурная амфора тиринфской группы второй четверти VI в. до н.э. (рис. 28, 1); аттический чернофигурный кубок 540-430 гг. до н.э. (рис. 28, 2), фрагмент крупной открытой чернофигурной вазы круга Лидоса второй четверти VI в. до н.э. (рис. 28, 5).

Как говорилось выше, ещё до основания греческой колонии этрусские предметы могли попадать на юг Галлии. Однако именно с начала VI в. до н.э. здесь увеличивается количество этрусского импорта параллельно с ввозом сельскохозяйственной продукции из Галлии в Италию. Возможно, именно фокейцы стали посредниками в этой торговле, и их корабли везли галльскую продукцию в Италию и возвращались назад с этрусскими амфорами. На начальном этапе Этрурия играла очень важную роль в торговле массалиотов (Gras, 2004, 228-230). В первой половине VI в. до н.э. от 80 до 90 % амфор на территории Массалии и окрестных галльских поселений были этрусскими (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 55). В настоящее время А. Трезини не отрицает возможности существования в архаической Массалии квартала, где могли проживать этрусские торговцы (Tréziny 2010, 509). Встречалась и другая этруская посуда - канфары, кувшины и ойнохой в стиле «буккеро неро». Другим типом импортной продукции была «этрusco-коринфская керамика» - этрусские подделки коринфских чернофигурных предметов. Среди ярких находок следует указать этрусский канфар второй половины VI в. до н.э. (Рис. 29, 1) и этрусско-коринфский кубок третьей четверти VI в. до н.э. (рис. 29, 5). Оба предмета происходят из Сан-Блез.

Подобные вещи во множестве находили на поселениях южной Галлии, а также в самой Массалии. При этом бронзовая этрусская посуда встречалась редко и только в богатых галльских погребениях. Б. Буломье писал на этот счёт, что бронзовые этрусские вазы являлись предметами роскоши, и были скорее предметами, сопровождавшими другие товары в качестве подарков (Boulomié, 1985, 173).

Этрусский импорт преобладал в регионе южной Галлии до 540-530 гг., после этого его объём существенно снизился.

Импорт из Греции на начальном этапе в регионе Марселя был незначительным. В основном он был представлен вещами из Коринфа, Восточной Греции (Хиос и другие центры) и Аттики (Афины). Среди этих предметов встречались и чернофигурные вазы высокого качества, которые могли принадлежать аристократии или находиться при каких-либо культовых сооружениях. Во второй половине VI в. объём греческого импорта значительно увеличился, и к 540-530 гг. до н.э. предметы из Греции, а также собственного производства Массалии стали преобладать над этрусскими. Можно привести в пример два краснофигурных аттических кубка 490-480 гг. до н.э. (рис. 28, 3) и 460-450 гг. до н.э. (рис. 28, 4), а также фрагмент краснофигурного аттического кубка 460-450 гг. до н.э. (рис. 30, 2) найденные на площади Жюль Верна.

Разнообразие торговли массалиотов в конце архаического периода хорошо иллюстрируется содержимым корабля, затонувшего на северном побережье острова Поркироль в 520-510 гг. На его борту находились амфоры из восточной Греции, «ионийские кубки», аттическая чернофигурная посуда (рис. 30, 1), а также бронзовая статуэтка Сатира и терракотовая голова кабана неизвестного происхождения.

Керамика же собственного производства появилась в Массалии с середины VI века до н.э. В основном она была представлена двумя типами. К первому - относилась *светлоглиняная* посуда с простым орнаментом. Большое количество бракованных светлоглиняных предметов, найденных

при раскопках на Бирже, свидетельствует о том, что она изготовлялась на месте. В основном эта керамика имитировала посуду из восточной Греции. Со второй половины VI в. до н.э. объём керамического производства данного типа значительно возрос. Среди же ярких предметов возможно местного производства следует сказать о фрагменте кратера второй четверти VI в. до н.э. с изображением головы крылатой женщины (рис. 31), найденного в Сан-Блез.

Наряду со светлоглиняной - в Марселе и окрестностях обнаружено много керамики из *серой однотонной* глины. Этот тип посуды часто встречался в Ионии в VII в до н.э. Долгое время считали, что на западе Средиземноморья она представляет собой импорт из Фокеи. Подробное исследование Арселина – Праделла показало, что на самом деле эту керамику изготовляли на юге Галлии, в Провансе и Лангедоке, на самых разных поселениях. Предположительно сначала она производилась в Массалии (хотя соответствующие керамические печи и не были найдены), потом на варварских поселениях. Поскольку в окрестных поселениях эта керамика встречалась чаще, чем в самом городе, можно предположить, что она изначально была предназначена для снабжения туземных рынков. В самой же Фокеи, в период после основания Массалии, такая керамика как будто бы не попадает (Bernard, Collin-Bouffier, Tréziny 2010, 138).

Вообще же, касаясь взаимоотношений Массалии со своей метрополией, нельзя не привести мнение А. Тревоора Ходжа. Автор полагал, что поскольку навигационный сезон длился в то время с мая по октябрь, то постоянное сообщение между Фокеей и Массалией вряд ли могло существовать, хотя отдельные корабли и могли проходить зимой (Trevor Hodge, 1999, 21).

С последней трети VI в. до н.э. массалиоты начинают чеканить свою *монету*. В 1867 г. фермер из Ориоля, в 30 км от Марселя, в долине реки Ювон, нашёл глиняную вазу с 2130 мелкими серебряными монетами. Впоследствии они попали в разные музеи Европы. На всех с одной стороны был изображён квадрат типичный для греческих архаических монет. На

оборотной стороне встречались изображения Геракла; головы Сатира; ойнохои; глаза; льва, пожирающего добычу; головы человека в головном уборе, украшенном жемчугом; головы барана (рис. 2). Среди множества других встречались экземпляры из разных полисов. По номиналу это были, вероятно, какие-то дробные части греческого обола. Были монеты из Фокеи, с изображением тюленя, а также из Массалии. На некоторых из них изображались божества, традиционно почитаемые в Массалии (Аполлон, Артемида, Афина), на других изображения не интерпретированы. Впоследствии массалийские монеты «ориольского» типа находили в самом Марселе и окрестностях, на поселениях между Роной и Дюранс и даже в Этрурии и Иберии. Они датировались 530-460 гг. до н.э., размер был разным, вес колебался от 0,15 г. до 0,72 г (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 60).

Ещё одним значимым этапом в развитии Массалии стало начало изготовления винных амфор со второй половины VI в. до н.э. Ги Бертуччи (Bertoucchi, 1990, 15-20) классифицировал массалийские амфоры по нескольким основным типам (рис. 32). Амфоры типа 1 (вторая половина – конец VI в. до н.э.) имели грушевидную форму и имитировали амфоры, производимые в Греции и греческих колониях в Италии и Сицилии. Они быстро распространялись в регионе. Почти все они были предназначены для перевозки вина и затыкались пробками, которые во множестве находили при раскопках. К концу архаики этих амфор стало уже больше половины в Массалии и регионах. Более того, их находят даже в Швейцарии и Бургундии (коммерческий путь к олову Бретани?). При этом этрусский амфорный импорт сокращается (до 10 %), количество же финикийско-пунических амфор остаётся незначительным. Но процент греческих импортных амфор по-прежнему остаётся высоким – около 25 % в портовой зоне и до 40-45 % в жилых районах города во второй половине VI в. до н.э. (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 58).

Таким образом, в течение VI в. до н.э. Массалия стала городом, имеющим фортификацию, чеканившим монету, производящим вино и

изготавливающим амфоры. Полис имел обустроенный порт и уже мог играть значительную роль в средиземноморской торговле, чему способствовало его выгодное географическое положение неподалёку от устья Роны.

Столь быстрому развитию Массалии способствовали и исторические события на средиземноморской арене в VI в. до н.э.

Как известно, Фокея была первым городом, осаждённым полководцем Кира Гарпагом в 546 г. При этом, как сообщает Геродот, жители покинули город и попытались поселиться на островах возле Хиоса. Затем они разделились, и часть людей вернулась в Фокею, часть отправилась на Корсику, где за 20 лет до этого фокейцами же была основана Алаллия. Далее Геродот пишет: «По прибытии на Кирн (Корсика) фокейцы пять лет жили там вместе с прежними поселенцами и воздвигли святилища богам. Так как они стали [потом] разорять окрестности и грабить жителей, то тирсены (этруски) и карфагеняне, заключив союз, пошли на них войной (те и другие на 60 кораблях). Фокейцы также посадили своих людей на корабли числом 60 и поплыли навстречу врагам в так называемое Сардонское море. В морской битве фокейцы одержали нечто вроде Кадмейской победы: 40 кораблей у них погибло, а остальные 20 потеряли боеспособность, так как у них были сбиты носы. После этого фокейцы возвратились в Алаллию. Там они посадили жен и детей на корабль и, погрузив затем, сколько могло на него поместиться имущества, покинули Кирн и отплыли в Регий.»³ (Herod. I, 165-166).

Сообщения о битве при Алаллии содержатся в текстах нескольких древних авторов (Strabo, VI, 1, 1, Fuc. I, 13, 6, Just. XVIII, 7, 1; XLIII, 5, 2, Pausan. X, 18, 7; X, 8, 6-7) и зачастую противоречат друг другу. Тем не менее, это сражение, противопоставившее греков этрускам и карфагенянам, является весьма существенным событием для истории Средиземноморья. Отметим, что в текстах Страбона и Фукидида, где говорится о сражении, Массалия упоминается косвенно. Юстин писал о том, что массалиоты

---

³Перевод Г.А. Стратановского.

нанесли морское поражение карфагенянам, а Павсаний сообщал о статуе Афины в Дельфах, которую массалиоты подарили храму Афины в честь их победы над карфагенянами.

Анализу письменных источников о битве при Алаллии посвящено множество работ. М. Гра пришёл к выводу, что в результате битвы массалиоты, в конечном итоге, получили преимущество на море (Gras, 1987, 166). Часть же исследователей полагает, что несмотря на то, что Массалия стала в какой-то степени изолирована от Востока, и после сражения в целом экспансия фокейцев в центральном Средиземноморье была остановлена, осада Фокеи, и битва при Алаллии в общем благоприятно повлияли на развитие экономики полиса (Berard, 1960, 132; Villard, 1960, 83). Отметим, что неизбежный приток беженцев на запад, после вышеозначенных событий, не мог не привести к демографическому подъёму в Массалии, а также и в других здешних колониях (Супренков, 2011, 343).

VI в. до н.э. ознаменовался для Массалии и внутренними событиями. Существует текст Юстина (Just. XLII, 4-5), прокомментированный в частности Б.Ю. Циркиным (Циркин, 2004, 54), согласно которому уже сын дружественного грекам Нанна попытался атаковать Массалию. Речь в нём идёт о том, что приемник Нанна Коман (Comanus), посчитав, что развитие Массалии может нести угрозу местным племенам, решил уничтожить город с помощью обманного «маневра». Однако благодаря случайности, греки раскрыли заговор, убили всех находящихся в городе лигуров, а затем уничтожили и их войско за стенами вместе с царём. При этом, согласно тексту, численность войска сегобригов (лигуров) составляла 7 тысяч человек. После этого события греки стали запирали ворота в праздничные дни и устанавливали стражу на стенах. Подробнее вопрос взаимоотношения греков и лигуров мы рассмотрим ниже.

События в Малой Азии в начале V в. до н.э., связанные с восстанием ионийских полисов, взятием Милета в 494 г. до н.э., а затем и начало войны с

персами в 480 г. до н.э. знаменуют для Массалии переход к классическому периоду истории.

Таким образом, мы можем констатировать, что в течение века после основания города, Массалия превратилась в полностью самостоятельную политическую и экономическую единицу, уже играющая роль в торговле Западного Средиземноморья.

Массалия в V – середине III вв. до н.э., до начала Пунических войн

Достаточно длинный этап с V по середину III вв. до н.э., вместивший в себя классический и эллинистический периоды развития полиса, не слишком подробно освещён в письменных источниках. Археология же говорит о том, что границы города, увеличившегося к концу VI в. до н.э., существенно не расширились. Вместе с тем, городская фортификация значительно меняет свой облик во второй половине IV в. до н.э. Раскопки на Бирже (рис. 33) показали, что была полностью перестроена внешняя городская стена. Конструкция новой стены была такова, что на основание из известняка из каменоломен Сан-Виктуар теперь клались не сырцовые кирпичи, а более прочные туфовые блоки. Городские ворота, через которые шёл путь в Италию, укрепляются двумя прямоугольными башнями (рис. 34), а также возводятся подпорные стены и ров (Euzennat, 1976, 529-552).

В северной части города строится ремесленный квартал, где активно осуществлялось керамическое производство. В частности, хорошо сохранившаяся печь для керамического обжига была найдена в районе ул. Водое. Возможно, на каком-то этапе этот квартал был расположен за оборонительными городскими стенами, как это иногда встречается в греческих городах. Анализ результатов раскопок в разных районах города позволяет предположить наличие большой индустриальной зоны на севере, от улицы Негрель до Биржи. Производственная деятельность могла здесь продолжаться до III в. до н.э., когда этот район оказался включённым в новый пояс городских укреплений. В IV – III вв. до н.э. часть этой

производственной зоны была реорганизована, и здесь были найдены остатки отапливаемых терм.

Тем временем жилые районы, появившиеся в квартале Панье в архаическую эпоху, продолжают функционировать в течение длительного времени. К архаической улице, ориентированной север-юг, пристраивается множество перпендикулярных улочек. Впоследствии данная ортогональная система будет существовать здесь до периода поздней античности. Помимо бытовых предметов, в ходе раскопок на этих улицах находили изделия ремесленного производства, а также вещи культового назначения. Среди них фрагмент крупной вазы ионийского стиля (рис. 35); фрагмент импортного канфара, декорированного рельефным изображением мужской головы и фрагментом массалийского аскоса с изображением Сатира (рис. 36); импортная терракотовая статуэтка ионического типа с изображением сидящей женщины с птицей (рис. 37, 1); две стеллы местного известняка с изображением богини, сидящей под крышей (рис. 37, 2-3).

На углу улиц Сант-Элизабет и Траганс были обнаружены хорошо сохранившиеся остатки большого помещения V в. до н.э. размерами 11 x 5 м, ориентированного по сторонам света (рис. 38). В IV в. до н.э. вдоль его стен появляются ямы, заполнение которых может свидетельствовать о культовой принадлежности помещения. Это металлические предметы, аттическая краснофигурная посуда, ракушки, а также глиняная головка статуэтки, покрытой чёрным лаком. В конце IV – начале III вв. появляются новые ямы, в одной из которых лежали три марсельские амфоры, при этом одна из них содержала жемчужину и бронзовую монету.

Само помещение делилось на две комнаты. На пороге одной из них мозаичными кубиками была выложена надпись «ΧΑΙΡΕ». В заполнении же самого помещения содержалось множество разнообразной посуды для питья. Данный объект является уникальным, ибо отражает сакральную жизнь обитателей города (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 74).

Касаясь этого вопроса, вспомним о том, что Страбон (Strabo, IV, 1, 4) сообщает о том, что в Массалии были воздвигнуты храмы Аполлона и Артемиды. Известно также, что массалиоты почитали Афину, однако на сегодняшний момент ни одного храма или большого святилища на территории города не локализовано (Hermay, 2005, 287).

Тем временем, зоной наиболее активной жизнедеятельности греческих колонистов остаётся район порта. В V в. до н.э. он подвергается капитальной реконструкции и архаические «причалы» разбираются. На берегу моря в глине выкапываются бассейны, соединяющиеся на юге с морем. С севера при этом в них поступала вода из ручьёв с возвышенностей. Вероятно, в них погружали дерево для строительства кораблей, в содержимом бассейнов находились недостроенные фрагменты судов. Эта «верфь» занимала прибрежное пространство на протяжении 150 м. Другие портовые постройки были перенесены, вероятно, к востоку, где они впоследствии были сильно деформированы римской внутренней гаванью. Безусловно, могла существовать и новая набережная, но она не была локализована. Среди знаковых находок портовой зоны – деревянная статуя с изображением неизвестного трёхрукого персонажа (рис. 39).

Параллельно с работами в порту, масштабные земляные работы велись и на востоке Лакидона. Здесь производилось террасирование и нивелировка поверхности. В частности были зафиксированы закладки естественных углублений амфорами. Вероятно, эти работы могли быть связаны с постройкой новой дороги, к югу от архаической, ведущей в Италию (Hermay, Hesnard, Tréziny, 1999, 79-80).

Что же касается некрополей Массалии, то место расположения городского кладбища в архаическую эпоху неизвестно – археологам попадались только единичные захоронения этого периода. В 1,5 км к северу от города, в Сан-Морон был найден небольшой некрополь второй половины V в. до н.э. Его удалённость от города говорит, впрочем, о том, что он мог относиться к какому-нибудь пригородному поселению или ферме, хотя среди

погребального инвентаря встречалась и импортная декоративная посуда – краснофигурная пелика и ойнохоя 430-420 гг. до н.э. (рис. 40, 1-2). Более существенную информацию о погребальном обряде массалиотов дали раскопки некрополя Сан-Барб (рис. 40, 3) в районе Бют де Карм. Это кладбище V-II вв. до н.э. содержало сотни захоронений, большая часть которых являлась ингумацией. Кремация получила широкое распространение позднее. Все могилы содержали в основном скромный инвентарь; можно предположить, что некрополь предназначался для рядового населения.

Совсем другие захоронения были выявлены на погребальных террасах IV в. до н.э., найденных на Бирже (рис. 41-42). Здесь в фамильных склепах хоронили кремированный прах. Одна терраса, более древняя, имеющая квадратную форму, находилась к северу от дороги в Италию. Её окружала по периметру стена из обработанных блоков белого известняка из Сан-Виктуар. Другая терраса «с триглифами» располагалась южнее и также имела прямоугольную форму. Для её сооружения использовался мелкозернистый камень, из которого делали блоки с низкими фризами с триглифами и метопами по тому же декоративному принципу, как был оформлен священный фонтан в Коринфе. В центре террасы стоял прямоугольный постамент для алтаря или статуи. На северной террасе было выявлено 19 погребений, на южной 9. Характер этих погребений и инвентарь могил, в частности аттическая краснофигурная гидрия середины IV в. до н.э. (рис. 40, 4) а также расположение некрополей, вблизи городских ворот, говорят о том, что здесь могли быть погребены представители нескольких семей городской элиты (Euzennat, 1976, 529-552; Hermary, Hesnard, Tréziny, 1999, 69-85; Tréziny, 2005, 230-244).

Таким образом, мы подошли к вопросу социально-политического устройства греческой Массалии, сведения о котором, для архаической эпохи крайне скудны, что делает наиболее актуальными в этом вопросе данные археологии.

Что же касается письменных источников, то Аристотель в «Политии» (Arist. V, 6, 2-3) писал о том, что в Массалии длительное время существовал аристократический режим, в котором вся полнота власти была распределена между несколькими семьями, возможно, потомками первых колонистов – Протиадами. В более позднее время Страбон (Strabo, IV, 1, 5) описывал это политическое устройство следующим образом: «Массалиоты придерживаются аристократического и строго законного образа правления. Они установили совет из 600 человек, занимающих эту почетную должность пожизненно; они называют их «тимухами». Во главе совета стоят 15 человек из числа тимухов; им вручена исполнительная власть в текущих делах. И три человека, обладающие высшей властью, председательствуют над этими 15. Однако из них никто не может стать тимухом, если не имеет детей или не происходит от лиц, бывших гражданами в течение трех поколений. Законы у них ионические и выставлены публично по постановлению государства».⁴

На основании этого и других источников в историографии давно существует предположение о том, что только первые переселенцы из Фокеи и их потомки обладали полными политическими правами, остальные жители города участвовали лишь в его экономической жизни (Clavel-Léveque, 1977, 116).

Информация о социально-политическом устройстве Массалии крайне важна для решения вопросов о распределении земельных участков, и, как следствие этого, для вопросов о *территории и хоре*, которые являются одними из основных в нашем исследовании.

Аристократическая форма правления, существовавшая в Массалии, могла сформироваться изначально. Некоторые исследователи проблем социального статуса людей, занимавшихся коммерцией в архаической Греции, выделяют два её основных типа. В первом случае, торговую деятельность инициировал крупный землевладелец, отправляя в плавание своих подчинённых (рабов, или находящихся в какой-либо форме

---

⁴Перевод Г.А. Стратановского.

зависимости). При этом капитаном корабля назначался также зависимый от землевладельца человек. О примерах такой форма организации торговли писал Гомер в Одиссее (Homer, VIII, 161-164).

Во втором случае, в плаванье отправлялись «бедные аристократы», не имевшие достаточных средств, для поддержания аристократического образа жизни, и стремившиеся разбогатеть, чтобы не быть вытесненными за рамки своего класса (Bravo, 1977, 1-59; 1984, 66-160).

Не был ли предводитель первой группы массалийских колонистов таким представителем обедневшей аристократии? В.И. Козловская полагает, что первых колонистов связывали скорее узы товарищества, но очень быстро в их небольшом коллективе произошла дифференциация (Козловская, 1989, 230).

Увеличивающийся и развивающийся полис (рис. 43) необходимо было защищать. Как мы помним из письменных источников, отношения греков с окружающими племенами были не всегда дружественными. В частности, из текста Юстина (Just. XLIII, 4-5) мы узнаём о каком-то новом конфликте с галлами в начале IV в. до н.э., который вроде бы завершился мирно при божественном участии богини Афины. Страбон (Strabo, IV, 1, 5) о военном деле в Массалии пишет следующее: «Впоследствии их доблесть дала им возможность захватить несколько равнин в окрестности благодаря той же самой военной силе, с помощью которой они основали свои города; я имею в виду укрепленные города, основанные ими в Иберии против иберов. Они научили иберов отеческому культу Артемиды Эфесской, так что те совершают жертвоприношения по греческому обряду. Основали они также *Родануссию*, *Агатэ* — укрепление [для защиты] от варваров, живущих около реки Рона. Они построили *Торэс*, *Ольбию*, *Антиполис* и *Никею* для защиты от племён саллиев и лигуров, живущих в Альпах. У массалиотов есть верфи и арсенал. В прежние времена у них было очень много кораблей, оружия и инструментов, пригодных для мореплавания, а также осадные машины; с помощью всего этого они устояли против натиска варваров и приобрели

дружбу римлян; во многих случаях они не только сами оказывали полезные услуги римлянам, но и римляне помогали их усилению».⁵

Вышеуказанные полисы обладали автономией, однако, вероятно, были подконтрольны магистратам из Массалии. Наиболее ранним из основанных городов была Агатэ (конец V в. до н.э.). Рода была основана около 330 г. до н.э., Никея - в период с середины III до середины II вв. до н.э. В зарубежной историографии существует версия, что и Эмпорион был основан массалиотами, однако большая часть исследователей склонны видеть в этом городе на Пиренейском полуострове фокейскую колонию, попавшую затем на некоторый период под влияние Массалии (см. главу 4).

Ф. Вийар был склонен видеть в колониях Массалии, прежде всего, военные «аванпосты», предназначенные для борьбы с пиратством (Villard 1960, 114.). М. Батс отмечал, что этим колониям были свойственны три основные функции. *Социальная* могла заключаться в предоставлении жилищ и земельных участков гражданам-солдатам из класса *демоса*. Их *военная* роль состояла в качестве аванпостов и точек контроля над морскими путями. В этих колониях располагались военные гарнизоны, вероятно, из греков – известно о том, что в Массалии существовала воинская повинность. К периоду пунических войн, согласно письменным источникам, известно, что на службе Массалии появились галльские наёмники. По мнению автора, вышеуказанные колонии могли нести и *торговые* функции, вероятно, незначительные - их влияние на окружающие туземные племена было ограниченным (Bats, 2012, 145-156). Другие исследователи напротив, подчёркивали их торговое значение (Clavelè-Lévèque, 1975, 83; Garcia, 1995, 160).

В классический период в целом меняется облик экономики Массалии. В VI в. до н.э. основные её торговые интересы находились в долине Роны, где проходил оловянный путь. В первой же половине V в. до н.э. влияние греков в долине Роны значительно ослабевает – в течение столетия на многих

---

⁵Перевод Г.А. Стратановского.

галльских поселениях исчезает продукция из Массалии. Это может свидетельствовать о том, что массалиоты стали предпочитать морские пути для проведения торговых операций.

Письменные источники доносят до нас отрывочную информацию о дальних плаваниях массалиотов за оловом к Касетеридским островам, в Африку и северные регионы, вплоть до Балтийского моря (Strabo, II, 5-7, 8).

Сообщения эти зачастую носят легендарный характер, и, судя по всему, дальние путешествия не были распространены. Основной областью торговых интересов массалиотов оставалось Средиземноморье. Письменные источники и археологические сведения единодушно говорят о существенной роли, которую Массалия играла в местной морской торговле.

Колонии Массалии, о которых мы говорим кратко, как бы закрепляли за полисом зону его влияния. На востоке она доходила до современной Генуи, где в IV-III вв. амфоры из Массалии вместе со светлоглиняной керамикой начинают преобладать над другим импортом. В это же время на севере Италии появляются имитации массалиотских монет. На западе же влияние Массалии достигает поселений западного Лангедока, западнее которых уже начиналась зона торговли между Эмпорионом и иберами. На этом значительном пространстве, от границ, современной Испании до Италии, с точки зрения некоторых исследователей, в течение V-III вв. до н.э. фактически устанавливается массалиотская торговая гегемония (Bats, 2005, 272).

Дальнейшая история города выходит за рамки нашего исследования. Но всё же, кратко коснёмся её для логического завершения обзора о греческом периоде истории Массалии. С началом Пунических войн полис начинает интенсивно участвовать в общей средиземноморской политике. Он активный союзник Рима и всячески помогает ему в морских сражениях с Ганнибалом, а позднее и в войнах с лигурами и саллиями. В свою очередь Массалия пользуется поддержкой римлян, что позволяет ей увеличить как границы

города, закрепив их новым фортификационным поясом, так и зоны влияния на хинтерланд.

Ситуация меняется в I в. до н.э., когда в ходе противоборства Цезаря с Помпеем, горожане принимают сторону последнего. В 49 до н.э. войска Цезаря подступают к городу, и после шестимесячной осады тот капитулирует. В память о прежней дружбе римляне сохраняют полису независимость, но тот теряет большую часть своего политического влияния. Позднее римские купцы вытеснят массалиотов с торгового пространства. Начиная с новой эры этот греческий полис перестаёт быть самостоятельной политической и экономической единицей и растворяется в Римской Империи (Hermany, Hesnard, Tréziny, 1999, 155).

Массалия в контексте окружающих её племён. Проблемы полисной хоры.⁶

Вопрос о размерах территории Массалии как города, так и полиса, рассматривался исследователями в течение всего XX в. Учёные середины столетия, периода, когда набор археологических знаний был ограничен, в основном использовали для анализа имеющиеся древние письменные источники. Большой интерес в этом вопросе представляет сравнение текстов Юстина (Just. XLIII, 3-5), описывавшие победы массалиотов на суше, и Страбона (Strabo, IV, I, 5), подчёркивавшего их приоритет в морском деле. Проанализировав эти тексты и используя археологические сведения, доступные в то время, Ф. Вийар пришёл к определённым выводам. Согласно им территория Массалии в архаическую и классическую эпоху ограничивалась долиной реки Ювон на востоке и северо-востоке, а на запад простиралась полосой между Этан де Бер и морем, до Сан-Блез. В эллинистический же период и, особенно во II в. до н.э., после побед Секста Кальвина в 124-125 гг. до н.э., Массалия стала обладать действительно обширной территорией, которая включала область нижней Роны и берега

---

⁶ Говоря о территории города, мы подразумеваем территорию непосредственно греческой Массалии, оставляя за рамками его средиземноморские колонии.

Дюранс, в зоне её впадения в Рону, вместе с эллинистическими городами Гланум, Авиньон и Кавайон (рис. 44).

Ссылаясь же на текст Страбона (Strabo, IV, I, 5) сообщающий о том, что земля массалиотов бедна хлебом, и что это побудило их отдать предпочтение морской деятельности. Ф. Вийар приходит к выводу, что не обладание земельными территориями и природными ресурсами привели Массалию к успеху и богатству, а именно активная торговая деятельность и основание своих колоний (Villard, 1960, 107-112). Логика автора нам, безусловна, понятна, но следует помнить об ограниченности данных археологии, которыми он мог располагать.

Полтора десятилетия спустя другой исследователь, М. Клавель-Левек, в своём фундаментальном труде также говорит о том, что в VI – V вв. до н.э. хора Массалии ограничивалась непосредственно равниной, где был построен город. На возвышенностях же, окружающих равнину, располагались оппидумы, служившие наблюдательными постами массалиотов. Среди них важнейшим был оппидум Сан-Марсель, находившийся в 8 км к северу от Старого Порта.

Начиная с IV в. до н.э., территория владений города увеличивается. На западе она достигает Этан де Бер (оппидум Сан-Блез), на севере хребта Этуаль и оппидума Тест-Негр, а на востоке оппидумов массива Аллош. В III в. до н.э. хора расширяется ещё дальше к западу, и в период между Пуническими войнами и войнами римлян с салиями и лигурами в 124-125 гг. до н.э. включает в себя всю нижнюю Рону и нижнюю Дюранс (Clavel-Léveque, 1977, 85-87). Следует отметить, что в этой части книги автор полагалась в основном на письменные источники. Археологическая же интерпретация оппидумов в окрестностях Марселя далеко не так однозначна.

Ещё десять лет спустя, тема о территории греческой Массалии который был посвящён первый том «Массалийских этюдов» была рассмотрена наиболее выдающимися исследователями юга Франции.

Прежде всего, следует сказать о том, что нужно разделять понятие *хора* и *зона влияния*, так как в первом случае речь идёт о землях, которые находятся у граждан полиса в собственности. При этом, как правило, не граждане греческой общины не имеют права приобретать землю. Что же касается зоны влияния, то к ней относится область экономических интересов того или иного греческого полиса, но эта зона не предусматривает какого-либо политического участия греков в её жизни, в первую очередь военного.

Однако между двумя вышеуказанными «явлениями» существует множество промежуточных форм связи полиса и его окрестностей. К примеру, там могут находиться варварские поселения, зависимые от города в какой-либо форме. Что же касается земель, относящихся непосредственно к хоре города, то, как правило, они делятся на земли пригодные для земледелия, скотоводства, приграничные земли, земли расположенные далеко от города, а также общественные участки земель для некрополей, карьеров и других видов не сельскохозяйственной деятельности.

Согласно традиционной точки зрения на греческую колонизацию, существуют аграрные колонии, для которых земельные территории стоят превыше всего, и являются прямым продолжением городов - их основные улицы зачастую продолжают оси разделения участков. Фокейские же колонии (как Массалия и Эмпорион) опять же традиционно относились к тому типу, где территория играет вспомогательную роль по отношению к городу и порту. Следует сразу оговорить, что разделение условно, так как существует множество промежуточных вариантов колонизации, и сами колонии могут эволюционировать и менять свой облик (Tréziny, 1986, 7-15).

Что же касается Массалии, то в плане своего географического положения этот город примерно, соответствовал идеальной модели греческого полиса (по Аристотелю), согласно которой он должен иметь удобную гавань, и территория которого должна содержать равнины для выращивания злаковых, холмы с лугами, пригодными для скотоводства, леса. Важна также близость к рыбным озёрам.

При этом древние свидетельства, говорящие о бедности земель Массалии и о том, что эта бедность побудила их отдать предпочтение морским занятиям, плохо согласуются с его географическим положением. Совершенно очевидно, что город не мог существовать совсем без хоры, даже если её территория была меньшей, чем у полисов, ориентированных на сельское хозяйство. Как справедливо заметил М. Батс (Bats, 1986, 17-42), даже если ограничивать хору Массалии ранее предложенными границами долин рек Ювон и Жарре, то её размеры составляли около 300 кв. км, что не сопоставимо с 2650 кв. км хоры Аттики или 4700 кв. км хоры Сиракуз, однако близко по размеру к сельской территорией Эгины (85 кв. км), полисов Фокиды (1650 кв. км на 22 поселения), Крита (100 поселений на 8500 кв. км) или Лесбоса (6 поселений на 8500 кв. км).

Общеизвестно, что земли, находящиеся в собственности, должны иметь охраняемые границы (это актуально не только для Древней Греции). Для защиты сельской территории города обычно сооружался вал, на котором возводились башни (*pêrgoi*) и крепости (*phroûgia*), где могли укрываться сельские жители. Подобная система известна во многих регионах греческой ойкумены. Говоря о Массалии, Страбон упоминает о каких-то башнях в устье Роны, но считает их в основном ориентирами для навигации (Strabo IV, 8). К тому же он ничего не сообщает о датировке этих построек.

Также общеизвестно, что вокруг Массалии на возвышенностях располагались упоминаемые нами ранее оппидумы – укрепленные поселения. В том случае, если земли в окрестностях принадлежали массалиотам, в этих крепостях должен был находиться, либо греческий гарнизон, либо смешанное или ассимилированное дружественное грекам населения, готовое к обороне сельской территории. Таким образом, для выяснения статуса земель у города важна информация о степени эллинизованности этих оппидумов. Об этом мы скажем ниже.

Проанализировав степень влияния Массалии на окрестные варварские поселения в таких областях, как импорт, распространение монет, религии,

технических новшеств и письменности М. Батс выделил несколько периодов формирования хоры Массалии. В первый период греки были благосклонно приняты сегобригами на своей территории, и, согласно легендам, предводитель греков вступил в брак с дочерью туземного вождя. Для города колонистам была выделена некая земля, но она, скорее всего, не охранялась - сегобриги могли свободно находиться в греческом городе.

Конфликты, наступившие уже во втором поколении (согласно письменным источникам), привели к тому, что греки оградили город, и возможно, на этом этапе обзавелись собственной небольшой сельской территорией. Впрочем, в этот же период в приоритете была морская деятельность, и хора города ограничивалась его ближними окрестностями. Видимо, в V-III вв. до н.э. массалиоты не имели достаточной мотивации и сил для существенного увеличения земельных владений. Это компенсировалось созданием морских колоний.

Далее, с середины III в. до н.э., при поддержке римлян они захватывают обширные пространства в областях нижней Роны и нижней Дюранс. Это могло быть вызвано и естественном ростом городского населения – во времена Цезаря оно в Марселе достигало 20 000 человек (Bats, 1986, 17-42), а позднее, по мнению ряда исследователей, могло достигать от 30 до 50 тысяч человек (Trevor Hodge, 1998, 78).

В заключение, автор наносит на схему предполагаемые границы хоры во втором периоде развития полиса (рис. 45) и её увеличения в третьем.

Соглашаясь в целом с точкой зрения М. Батс, П. Арселин рассматривает затронутую проблему несколько шире и в контексте жизнедеятельности негреческого населения Южной Галлии.

Прежде всего, автор подчёркивает, что совершенно очевидно, что уже в с последней четверти VI в. до н.э. на землях вокруг Массалии (кому бы они не принадлежали юридически) существовало развитое сельское хозяйство. В том, что на начальном этапе основания, для Массалии были приоритетны морские занятия, солидарны разные древние авторы. Однако при этом, есть

сведения и о том, что греки занимались виноградарством и выращиванием олив в окрестностях Массалии. Со временем вино и оливковое масло смогли стать существенными экономическими факторами для греческого полиса, тогда как производство зерновых, вероятно, было важной частью туземного хозяйства.

При этом вокруг полиса должны были находиться земли, которые принадлежат горожанам в прямом смысле. Варварское население могло там обитать только в качестве рабочей силы. Эти земли – хора могли находиться как в частной, так и коллективной собственности. Помимо собственно «хоры» существуют удалённые территории: «*chôrademosia*», которые обычно не обрабатываются на ранней стадии развития полиса, а также пограничные территории «*eschatiai*», на которых, как правило, должны располагаться башни и крепости.

То, что находится за пределами этих земель, является уже зоной влияния. Население этой зоны может состоять в той или иной форме экономической зависимости от полиса.

Что касается Массалии, то в эту картину не вписываются укреплённые сельские поселения, расположенные от него в непосредственной близости. Они существенно отличаются по облику от греческих и мало вероятно, что их построили греки по принципам варварской архитектуры. Значительных греческих сельских поселений при этом в ближних окрестностях Массалии нет. Это можно объяснить тем, что массалиоты, могли проживать в городе и работать при этом на хоре. Однако, к примеру, в колониях на юге Италии было не так – урбанизация распространялась и на сельские территории.

По-видимому, организация хоры Массалии предусматривала в большей степени присутствие варварского элемента. Лигуры могли работать на греческих землях, и, возможно, даже существовала оборона этих земель совместными усилиями. Присутствие туземцев в непосредственной близости от города подтверждается ещё и находкой культовой для лигуров стелы в 1967 г. вблизи Марсея. Могли существовать и другие подобные сакральные

объекты. Что же касается статуса «фермеров», работавших на греческих землях, то П. Арселен считает их юридически свободными (Arcelin, 1986, 48).

В этой связи резонно задать и этнический вопрос. Заключались ли смешанные браки между греками и аборигенами? Письменные источники говорят о том, что это происходило, по крайней мере, в первом поколении колонистов. Известно, что и в греческих полисах южной Италии колонисты брали себе в жёны женщин из местного населения.

Впрочем, что касается Массалии, археологией эта информация однозначно не подтверждается. Хотя ещё Р.П. Шарль отмечал наличие альпийских антропоморфных черт в ранних захоронениях на некрополе Сан-Морон и на улице Тапи-Вер, но число этих захоронений было невелико для доказательства существования в данном полисе смешанного населения (Arcelin, 1986, 49). При этом в Эмпорионе, как мы покажем в дальнейшем, совместно используемые некрополи были в порядке вещей.

Распространение греческой продукции на поселениях Галлии тоже не доказывает факта смешения этносов. Серая «однотонная» керамика, которую во множестве находят на галльских поселениях, могла специально изготавливаться для потребностей местного населения. Но при этом в ранних слоях Массалии находят большое количество лепной керамики, что вроде бы говорит о том, что какое-то варварское население здесь в этот момент действительно находилось. Это могли быть как жёны первых колонистов, наёмники-солдаты, так и рабы.

Данные ономастики свидетельствуют, что большинство массалиотов носили греческие имена. Возле одного из святилищ I в. до н.э., на скале был найден список из 225 имён, среди которых около 200 были греческими, остальные варварскими, но в греческой транскрипции. Это может говорить о том, что ассимилированные варвары носили греческие имена и посещали греческие святилища, то есть, жили в непосредственной близости от города. Однако при этом ряд древних авторов подчёркивал консерватизм

массалиотов и их верность эллинским традициям и обычаям. Таким образом, в вопросах о характере населения Массалии существуют противоречия и неясности (Arcelin, 1986, 50).

В результате, автор предложил следующую периодизацию развития территории греческой колонии.

Первая половина VI в. до н.э. характеризуется условно эмпориальным периодом, нацеленным на укрепление контактов с местным населением. Торговые взаимоотношения начинают сразу охватывать достаточно широкий регион, достигающий на западе до Этан де Бер. Целью торговли был ввоз греческой и этрусской продукции в обмен на вывоз сырья. Через некоторое время греческая колония начинает самостоятельно производить предметы для обмена (в том числе и керамику). Параллельно с этим происходит и передача каких-то специальных греческих технологий в разных областях. Ассимиляция населения, вероятно, в этом процессе играла всё-таки вторичную функцию.

Со второй четверти VI в. до н.э. греческой общине, по всей видимости, потребовались какие-то территории для выращивания винограда и оливок

Существует достаточно смелая гипотеза, суть которой в том, что параллельно с поселением в Лакидоне возникла какая-то греческая или этруская колония на северо-восточном побережье залива Фос. Письменные источники об этом умалчивают, но на окрестных туземных поселениях Сан-Блез, Сан-Пьер, Арке и Тамари в районе 600 г. до н.э. уже появляются постройки с элементами архитектуры, и вроде бы соответствующие керамические находки. П. Арселэн полагал, что поселение там было основано с целью наиболее интенсивного коммерческого контакта с лигурийцами. При этом остальная территория побережья к югу от Этан де Бер не принадлежала Массалии, но что здесь находилась область её активных торговых обменов (рис. 46).

Далее, с третьей четверти VI в. до н.э. Массалия начинает производить вино и амфоры и поставлять их на поселения долины Роны, где до этого

преобладала этрусская продукция. К середине столетия земли вокруг Массалии стали, вероятно, уже собственно *хорой*, где выращивались виноград и оливки и была возможность для производства ремесленной продукции. Эта территория увеличилась к югу, на всю нижнюю долину Ювон до массива Марсельвейр. В её границах появляются и греческие сельские святилища на скалах, также возможный маркер городской территории. При этом большой процент лепной керамики (около половины) на поселениях Сан-Блез и Сан-Марсель говорит о том, что они сохранили лигурийский облик, хотя и стали активно участвовать в хозяйстве Массалии.

Следующий период: конец VI – V вв. до н.э. В конце VI в. до н.э. наблюдается резкий рост импорта из Массалии - он начинает распространяться на всю южную Галлию. В этот период, вероятно, аристократия Массалии полностью использует производительные ресурсы окружающих территорий в интересах торговли. Сам город в это время также активно развивается. Появляется монета, которая делает торговлю уже подконтрольной и облагаемой налогом. Для развития винного производства Массалия нуждалась в новых территориях. Тем не менее, варварская деревня Бау де Сан-Марсель продолжает существовать до конца столетия.

Скорее всего, расширение сельской территории города в этот момент могло произойти в сторону долины Обань. Именно там, по мнению автора, начала формироваться массалийская зона влияния. Воздействие экономики Массалии прослеживается здесь практически на всех поселениях.

Таким образом, к концу V в. до н.э. экономические интересы Массалии распространяются на всю нижнюю Рону. Ограниченный круг местного населения, безусловно, также пользовался плодами этой деятельности. Однако бесконтрольная продажа продуктов сельского хозяйства могла вызвать и продуктовый кризис, следствием которого было растущее недовольство, проявившееся позднее.

К следующему хронологическому периоду автор относит время от IV до II вв. до н.э. К концу IV в. до н.э. Массалия добивается полного

политического и экономического успеха не только в нижней Роне, но и во всём западном Средиземноморье, на значительной части которого город захватывает торговую монополию. При этом самое начало IV в. знаменуется событием, отражённым в письменных источниках, как дело «Катуманда» - попытка разрушения города варварами. Массалия не была захвачена, но, возможно, какие-то политические и экономические последствия для неё имели место. При этом в настоящее время археологам известно, что данное событие не было связано с движением галлов к юго-востоку. Захват города (если он имел место) осуществили местные племена лигуров, уже к тому времени значительно кельтизированные.

Возможно, как раз после «дела Катуманда» аристократия Массалии пришла к выводу о необходимости создания особой подконтрольной земельной территории.

В целом, по мнению Арселена, в IV в. до н.э. непосредственно территория Массалии - города существенно не увеличивается по сравнению с прошлыми столетиями. Какое-то расширение хоры, вероятно, имело место в сторону средней долины р. Ювон. Мы видим, что происходит снижение экономической активности на поселении Бау де Сан-Марсель. К северу эта территория могла расширяться в сторону хребта Эстак, где могла сформироваться пограничная хора. То же могло произойти и на южных берегах Этан де Бер, где с середины IV в. до н.э. присутствие Массалии ощутимо. И, наконец, апогеем формирования подконтрольной территории Массалии автор считает создание укреплённой усадьбы под Вердуроном – (рис. 47). Это прямоугольное в плане поселение площадью менее 1500 кв. м, окружённое стеной. С северной стороны над ним возвышалась башня. Археологический материал из этого поселения был в основном представлен местной лепной керамикой, однако некоторые особенности архитектуры вроде бы свидетельствуют об участии греков в его создании. Ниже мы подробнее скажем о нём. Что же касается находившихся рядом с ним Вердуроном поселений Майен и Сант-Антуан, то П. Арселен полагает, что

они входили в общую систему обороны этого участка сельской территории (Arcelin, 1986, 58-64).

К «подконтрольной территории» Массалии автор относит и прибрежные территории до устья Роны. Начиная с IV в. до н.э. здесь возникает множество карьеров, созданных, скорее всего, греками.

В это же время много поселений на хребтах Эстарк и Этуаль реорганизуется и перестраивается. Такие поселения как Бау-Ру, Мон-Гару, Сан-Пьер в Мартигю, Тест-Негр и Антремон обзаводятся укреплениями, конструкция которых свидетельствует о влиянии греческих строительных традиций. В то же время некогда крупные поселения Сан-Марсель и Сан-Блез приходят в запустение. Одновременно с этим на поселениях Тест-Негр и Нотр-Дам-де-Питье пропадают марсельские амфоры, что может быть связано с возникновением на них собственного винодельческого производства, свидетельствующего об их значительной эллинизации.

Таким образом, с середины IV в. до н.э. экономическое и политическое влияние Массалии начинает существенно ощущаться на всех поселениях, окружавших его хору. При этом ассимиляции местного населения вроде бы не произошло. Именно поэтому, автор предлагает считать данные земли не хорой Массалии, а как бы её «подконтрольной территорией», более сложной политической и юридической формой влияния. Создание такой территории с одной стороны укрепило позиции Массалии в окрестностях, но с другой стороны, могло стать и причиной возрастающей агрессии со стороны внешних пространств к III в. до н.э. (Arcelin, 1986, 62).

В это время в западном и центральном Провансе варварские племена организуются в конфедерацию саллиев, названную так по наименованию одного из племён в неё входивших. Археологически это выражено появлением у границ массалийской «подконтрольной территории» кельто-лигурийских святилищ Рокепертюз и Сан-Блез. Какое-то время эта территория и вновь сформированный союз племён находились в мирном

равновесии, которое было нарушено походом Ганнибала в области нижней Роны в 217 г. до н.э.

В целом автор подчёркивает, что, несмотря на сообщения Страбона о приоритете морских занятий для массалиотов, уже с начала VI в. до н.э. на землях лигуров начинает формироваться производительная хора. Сами же лигуры попадают в орбиту греческой экономической деятельности. Именно они поставляют сырьё в эмпорий, который очень быстро превращается в город. Они же становятся и первыми реципиентами ввозимой и производимой в полисе продукции. При этом довольно скоро начинаются конфликты между Массалией и лигурами, что приводит в IV в. до н.э. к смене периода «дикий экономики», основанной на неэквивалентных обменах, на период формирования производственной территории. Она разделена на земли, принадлежавшие Массалии и составляющие только небольшую часть, остальные же пространства, вероятно, находились под контролем дружественной грекам кельто-лигурийской знати. Физическое же присутствие греков на хоре было выражено крайне слабо, здесь отсутствовали греческие усадьбы, фермы, святилища и крепости.

Позднее, в III в. до н.э. начинается период греко-варварских конфликтов (Arcelin, 1986, 43-105).

С П. Арселеном согласен и Б. Буломье, посвятивший работу краткому анализу материала из оппидумов в окрестностях Марселя. Рассмотрев их хронологию, он пришёл к выводу, что поселения, окружавшие территорию марсельской равнины (к югу от массива Этуаль), с разными временными промежутками в целом оставались обитаемы как в архаическую и классическую, так и в эллинистическую эпохи. Это говорит о том, что до II в. до н.э. к хоре Массалии относились только территории, непосредственно её окружавшие, в независимости от дружественного или враждебного отношения обитателей этих оппидумов (Boulomié, 1986, 113-116).

Таким образом, к концу 80-ых годов XX в. точка зрения по интересующему нас сюжету о хоре Массалии в целом была сформирована.

При некотором различии мнений ведущие исследователи Юга Франции отметили факт отсутствия греческих поселений в окрестностях Массалии, за исключением «фермы» под Вердуроном, о которой писал Арселен, и то имевшей преимущественно варварский инвентарь. На наш взгляд, указанный факт ставит под сомнение возможность непосредственной принадлежности грекам земель, удалённых от города (Супренков, 2012, с. 56). При этом, признавая определяющее значение сельского хозяйства для всех древних обществ в целом, и, помня об упоминании древних авторов о высоком уровне виноделия в Массалии, мы не можем признать возможность отсутствия земельных территорий у полиса вообще. Однако обратимся к данным новейших археологических исследований в окрестностях Массалии.

За последние десятилетия результаты многочисленных академических и охранных раскопок и разведок на территории Марсея и его окрестностей позволили существенно расширить информационную базу о сельской округе Массалии. К примеру, С. Колен-Буфье (Collin Bouffier, 2005, 217-224) полагает, что, территория, предоставленная сегобригами грекам, изначально ограничивалась бухтой Старого порта. Поселения же, найденные за пределами этой бухты, в бассейне реки Ювон или на окрестных возвышенностях однозначно являются варварскими. При этом наиболее древнее и близко расположенное поселение Бау де Сан-Марсель имело тесные связи с Массалией. Об этом говорит большое количество импортной керамики на его территории. Поселение Майен, расположенное в 10 км к северу от Массалии, возникло позже и датируется второй половиной VI – первой половиной V вв. до н.э. Оно было укреплённым, и его возникновение может свидетельствовать как о желании местного населения поселиться ближе к греческому эмпорию – центру торговли, так и, наоборот, о том, что варвары решили таким образом себя обезопасить. Что же касается поселений Лимит, Рок де ла Круа и Вальбарель, то их фортификация и трудная доступность скорее говорят о настороженном отношении их обитателей к греческой колонии. Разведки на Рок де ла Круа выявили на этом оппидуме

греческий, иберийский и пунический импорт, что свидетельствует о его торговых контактах со Средиземноморьем в первой половине VI в. до н.э. При этом материал из Массалии на нём отсутствует. Видимо, по каким-то причинам это поселение довольно быстро пришло в запустение.

Другим интересным показателем являются следы размежевания земельных участков у Марсея, выявленные при раскопках на его территории. На начальном этапе это разделение было привязано к направляющим, образованным дорогами и водотоками. В его основе находились земельные полосы, образованные базовыми квадратами со стороной 17,5 или 17,75 м – это 50 ионийских футов по 35 см или 60 аттических по 29,6 см. При этом в основные линии, согласно которым было организовано это разделение, укладывались и некоторые городские постройки внутри стен (бани и улицы). Если это верно, то значит, что как и в колониях Италии, городские строения и хора в Массалии изначально организовывались по единому принципу. При этом отличие Массалии заключается в том, что делились не участки земли, пригодные для занятий сельским хозяйством, а участки насыщенные глиной, необходимой для производства керамики, то есть, для интересов торговли. Это может говорить в пользу того, что изначально город мог управляться аристократической элитой, которая руководила торговой деятельностью колонии (Collin Bouffier, 2005, 219).

С середины VI в. до н.э. приток беженцев из Фокеи мог привести к тому, что городу понадобились новые земли. Глиняные карьеры переделывают под виноградники. При этом сам «кадастр» должен был расширяться – в эллинистическую эпоху его следы наблюдают уже на поселении Сан-Жан-дю-Дезер. Это, возможно, и приводит к конфликтам с местным населением, в результате которых часть туземных поселений, таких как Майен, запустевает, а сельская территория Массалии продолжает расширяться (в основном на побережье). Впоследствии конфликты между греками и

лигурами постоянно вспыхивали вплоть до 49 г. до н.э. (Hermany, Hesnard, Tréziny, 1999, 113.; Bernard, Collin-Bouffier, Tréziny, 2010, 134).

К III в. до н.э., по предположению автора, территория владений города могла увеличиться до долины Обань на востоке и достигнуть Пенн-Мирабо, Мартигю и Мариньян на севере и западе (Collin Bouffier, 2005, 218-219). Данное сообщение интересно тем, что в нём учтены результаты исследований *кадастров* – что крайне важно для изучения вопросов, связанных с организацией сельской территории и земельными межеваниями. Позднее Ф. Буассино также предложил косвенно связать формирование «кадастра» на Сан-Жан-дю-Дезер с притоком беженцев из Фокеи, что хронологически совпало и с началом амфорного производства в Массалии (Boissinot, 2010, 151-153.).

Анализ результатов раскопок, проведённых за последние годы на нескольких оппидумах в окрестностях Марселя, а также разведок в долине Ювон позволяет получить новую информацию как непосредственно о хоре Массалии, так и о различных формах влияния греческой колонии на окрестные территории в целом.⁷

Известно, что в ранних слоях греческих колоний, в том числе и в Массалии, часто находили местную лепную посуду, при этом, в последующих стратиграфических горизонтах её количество сокращается. Объяснение этого явления может быть разным. Греки могли приобретать и использовать лепную посуду, либо она могла принадлежать туземным жёнам колонистов первого поколения, если смешанные браки имели место. При этом ответ на вопрос, свидетельствует ли эта керамика о наличии туземного жилья в непосредственной близости от греческого - затруднителен. К примеру, на улице Катедраль были найдены остатки жилищ на «несущих столбах», характерных для туземной архитектуры. Для греческих же

---

⁷Коллективный исследовательский проект «Население в районе Марселя от эпохи бронзы до настоящего времени» осуществлённый центром Camille Jullian (H. Tréziny, L. Bernard, A. Corpetti, V. Dumas) при участии Института Исследований Древней архитектуры (S. Collin Bouffier), Бюро Наследия (А.-М. D'Ovidio), le LAMPEA (J.-P. Bracco) и l'INRAP (P. Chevillot).

архаических жилищ были более свойственны кладки из сырцовых кирпичей на каменных фундаментах. Однако, греки могли использовать технику «несущих столбов» для неких вспомогательных помещений.

Каких-то других серьёзных оснований полагать, что город мог возникнуть на месте какого-то туземного поселения, либо, что имело место совместное проживание, как в Эмпорионе (см. далее), по мнению авторов, нет. Следовательно, происхождение лепной керамики может объясняться наличием каких-то поселений недалеко от Массалии (Bernard, Collin-Boufier, Tréziny, 2010, 138).

Ранее бытовало мнение, что «до-массалийские» варварские поселения могли располагаться к западу от города, в сторону Роны, например, на территории Сан-Блез. Однако материал, подобный находкам из шурфов на Сан-Блез, появляется в это время и в самой Массалии. Поселения, обследованные на хребте Нерт, также не содержат находок, датирующихся до 600 г. до н.э. К востоку от города наиболее масштабное из обследованных поселений - Бау де Сан-Марсель, по-видимому, начало развиваться с 575 г. На севере этого поселения была найдена оборонительная стена из двойных каменных блоков, защищавших сырцовое жилище, а на юге и западе, в период предшествовавший 540 г., создаётся вал, отличавшийся типологически от предыдущего. Керамический материал распределялся здесь следующим образом: во второй четверти VI в. до н.э. местная лепная керамика составляла 54%, а во второй половины века уже только 40 %. Но надо отметить, что при этом круговая керамика была на 60-66 % представлена серой монохромной посудой, центр производства которой, как отмечалось выше, до сих пор с точностью не установлен. Некоторые же металлические предметы, по мнению Д. Гарсиа, датируются ещё VII в. до н.э. и, следовательно, данное поселение могло быть основано раньше Массалии (Bernard, Collin-Boufier, Tréziny, 2010, 134).

На южном склоне плато Туретт также был найден ранний материал. На самом плато, поверхность которого была сильно нарушена, не было

обнаружено никаких поселений, однако теоретически предположить здесь существование жилища, датируемого периодом до 600 г. до н.э., можно.

В ходе разведок на массиве Сан-Кир на юге Сан-Марсель было выявлено несколько архаических поселений. Среди них Рок де ла Круа, расположенное к югу от двух вершин Сан-Марсель (высотой около 290 м), на левом берегу р. Ювон было заселено с конца VII в. до н.э. При этом основной материал датируется здесь первой половиной VI в. до н.э. В ходе обследования этого поселения в 2004-2005 гг. в рамках проекта «Население бассейна Марсея» было установлено, что 75 % керамики - лепная посуда, остаток представлял собой импорт.

Новые разведки 2006-2007 гг. в целом подтвердили эти сведения. Находки на 80 % состояли из лепной посуды и на 20 % из импортной. Характерным было полное отсутствие амфор из Массалии, за исключением единственной находки фрагмента светлой массалиотской керамики. Это вроде бы подтверждает мнение о том, что к 550 – 540 гг. до н.э. поселение заустевает. На нём не было найдено никаких целых конструкций, за исключением большого количества сырцовых кирпичей на самой верхней террасе *Рок де ла Круа*. Видимо, дома были здесь построены из плохо сохраняющихся материалов. В материке также не выявлены углублённые конструкции. Присутствие тут оседлого населения подтверждается только находками базальтовых жерновов, что свидетельствует о том, что оно практиковало земледелие. В середине VI в. до н.э. поселение могло быть уничтожено, о чём говорит наличие множества ядер для пращ (Bernard, Collin-Boufier, Tréziny, 2010, 134).

Здесь же, на левом берегу Ювон известны и другие поселения, датировка и интерпретация которых затруднительны. Возможно, это были временные стоянки. Подобное «местонахождение» было обследовано на небольшом каменистом плато Вальбарель высотой около 250 м в верховьях реки Ювон, перед её впадением в Марсельский бассейн. Здесь была найдена керамика эпохи бронзы. На севере горы Лантен, на краю местечка Лимит

тоже было собрано несколько десятков черепков раннего железного века. (VI-V вв. до н.э.), а также фрагменты этрусских амфор. Три вышеуказанных поселения – Лимит, Рок де ла Круа и Вальбарель крайне выгодно расположены с географическо-стратегической точки зрения. Они стоят на высотах, на доступе к внутренним холмам склонов гор Сан Кир и Карпиан. Здесь находились территории, пригодные для занятия сельским хозяйством, для обработки террас и склонов, и для скотоводства. С этих же мест открывается доступ в среднюю долину Ювон, где можно было укрыться в случае опасности, исходящей из Массалии. При этом на других высотах, в промежутках между поселениями Лимит и Вальбарель, никаких следов застройки нет. Укрепленные поселения не могли исчезнуть бесследно, но можно предположить, что на этих высотах стояли какие-то пункты охраны, видимые один от другого. Таким образом, складывается впечатление, что население этих поселений опасалось какой-то внешней угрозы, которая могла исходить как из Массалии, так и от других местных племён, которые на этот период уже были достаточно организованны, если верить сообщениям Юстина (Bernard, Collin-Boufier, Tréziny, 2010, 139).

Обратимся к хронологии поселений, упомянутых выше. Жизнедеятельность на Рок де ла Круа прервалась к середине VI в. до н.э. Население, здесь проживавшее, могло переселиться в более выгодно расположенные географически Бау Сан-Марсель и Туретт. Поселение Бау Сан-Марсель находилось над долиной Ювон, между двумя плодородными равнинами в устьях Ювон на западе и Обань на востоке. На этих равнинах в течение VI в. до н.э. и к северу, и к югу от Марсея появляются и другие городища. Это опять же может говорить, как о желании населения поселиться вблизи Массалии, так и о том, что это население, проживавшее до этого рассеянно и в низинах, сгруппировалось перед лицом некоей потенциальной опасности.

Согласно письменным источникам, добрососедские отношения между греками и туземцами прекращаются при приемнике Нанна – начинаются

периодические конфликты, которые окончательно завершились только с приходом сюда римлян (Bernard, Collin-Boufier, Tréziny, 2010, 135).

Если же рассматривать территорию к западу от массивов Сан-Кирила Жинест, которые ограничивает с юга марсельскую равнину, то в ходе разведок здесь также были найдены поселения железного века (VI-II вв. до н.э.). При этом один из участков горы Рувьер, расположенной в этой зоне, также возвышается над окрестными равнинами, как Лимит или Рок де ла Круа. Складывается впечатление, что и поселения здесь формировались по такому же принципу. Датировка некоторых из них предшествует 540 г. до н.э. Старые разведки свидетельствуют о преобладании в этом регионе импортной керамики, лепная - была представлена только крупными сосудами. Импорт же на 75 % состоял из этрусских амфор, остальные центры фиксируются незначительно. При этом надо учитывать, что подсчёт вёлся на основании сбора подъёмного материала, а амфоры лучше видны и сохраняются, чем лепная керамика. Находки здесь ручных жерновов свидетельствуют об оседлом образе жизни их обитателей.

В ходе новых разведок в 2008 г, в шурфах были найдены остатки сырцовых кирпичей и столбовые ямы. Керамика в шурфах была в основном лепной, а небольшой процент импорта состоял из этрусской и светлоглиняной марсельской посуды. При этом архивные данные показывают, что здесь находили и массалийские амфоры, а также керамику из Лаконии.

В более поздний период на северном плато этой же горы возводится оборонительная стена, которая, возможно, укрывала какое-то не локализованное поселение. Если же предположить, что эта стена была более протяжённой и защищала несколько поселений массива Марсельвейр, то это в корне меняет наши представления об эпохе бронзы в данном регионе.

Таковой была ситуация в окрестностях Массалии до середины VI в. до н.э. С этого времени, вероятно, началась экспансия полиса на окружающие пространства. В частности, следы древних виноградников вокруг города в

последнее время находят всё чаще, но в основном они относятся к эллинистической эпохе и вписываются в рамки кадастра, который размежевал глиняные карьеры.

Материально же расширение хоры (округи(?)) Массалии вроде бы подтверждается следами террасирования территорий в квартале Фуражер, позволяющими предположить, что V-IV вв. до н.э. на юго-востоке от Бу де Сан-Марсель могло существовать греческое поселение (Bernard, Collin-Boufier, Tréziny, 2010, 135). Параллельно прекращается жизнедеятельность на Рок де ля Круа, а в 10 км к северу от современного Марселя возникает оппидум Майен (рис. 48). Он возвышается над марсельской бухтой и с него хорошо виден весь город. Его площадь не менее 1 га, и он имеет мощную фортификацию – здесь были выявлены остатки не менее девяти башен. Новейшая датировка этого городища – последняя четверть VI – начало V вв. до н.э. Далее, оно приходит в запустение без заметных следов разрушения. Любопытно, что башни на этом оппидуме были прямоугольными, тогда как на других поселениях этого времени (Сан-Блез, Сан-Марсель, Иль де Мартигю) башни и бастионы были образованы в основном криволинейными стенами, которые удобнее возводить при использовании местного материала. Прямоугольные же башни обычно относятся к более позднему периоду, или же существовали в тех поселениях, где ощутимо влияние Массалии. Подобные в основном находят уже в альпийском регионе. При этом оппидум Майен не считается греческим, если судить по количеству найденной на нём лепной посуды эпохи бронзы (50 % всей посуды, без учёта серой круговой керамики).

Можно ли вообразить, что непосредственно напротив греческой колонии располагалось независимое укреплённое местное (варварское) поселение? Или же это было как бы вспомогательное городище, задачей которого была охрана хоры? Такие же вопросы задают исследователи более поздних поселений – Вердурона или Сивителлы под Велией. Археология пока не даёт на них удовлетворительного ответа.

В V-IV вв. до н.э. число туземных поселений на возвышенностях увеличивается. Их находят на Шато-Комбер, Аллош, на северо-западном склоне холма Салетт. На склонах горы Сан-Кир были найдены фрагменты керамики неопределённой датировки.

В это же время на юге и востоке равнины Ювон часть поселений, известных с первой половины VI в. до н.э., исчезает. К ним относятся Бау де Сан-Марсель, Пти Сан-Марсель и Туретт. На наиболее исследованном из них – Бау де Сан-Марсель за это время несколько раз укрепляется вал: в периоды между 540 и 480 гг. до н.э., затем в 425-400 гг. до н.э. и, наконец, в начале IV в. до н.э. При этом находки свидетельствуют о тесной связи между Бау Сан-Марсель и Массалией на протяжении всего этого периода.

Что касается поселений на хребте Марсельвейр, то исследования в гротах показывают, что здесь постоянно находилось какое-то население. Находки отсюда имеют широкую датировку с VI по II вв. до н.э. В период же с 520 по 390 гг. до н.э. здесь преобладают греческие вещи – кубки, светильники, сосуды для питья, бальзамарии. Существует предположение, что эти предметы могли принадлежать туземной знати (Bernard, Collin-Boufier, Tréziny, 2010, 135).

Наконец, относительно оппидума Вердурон, авторы приходят к выводу, что это однозначно кельто-лигурийское поселение с укреплениями, расположенное в непосредственной близости (около 8 км) от Массалии (Bernard, Collin-Boufier, Tréziny, 2010, 142.)

Единственным же определённым свидетельством греческого присутствия на хоре является вышеупомянутый некрополь Сан-Морон. Таким образом, если за пределами городских стен и проживало греческое население, то на каких-то не выявленных археологически маленьких «фермах» или деревнях.

В эпоху эллинизма сельская территория Массалии, по-видимому, распространилась на весь марсельский регион. Следы кадастров прослеживаются на расстоянии 3 – 4 км от городских укреплений. Помимо

широко известного примера Сан-Жан дю Дезер остатки размежеваний территории выявлены в квартале Фуражер, на станции метро Луи-Арман (к востоку от античной Массалии), в парке Шано на юге города и вокруг вокзала Сан-Шарль на севере. Эти археологические артефакты, которые иногда сопровождаются находками предметов сельского труда и быта, являются наиболее верными доказательствами существования массалийской хоры (Bernard, Collin-Boufier, Tréziny, 2010, 131-145).

В этот же период исчезает и значительная часть местных туземных сельских поселений. Однако всё это происходит уже на фоне известных политических событий в Северо-Западном Средиземноморье и выходит за рамки собственно взаимоотношений между Массалией и лигурами.

В рассматриваемом же контексте крайне интересен анализ взаимосвязи между демографической ситуацией на поселениях юга Галлии и эволюцией объёма производства зерновых культур в этом регионе, проведённый Д. Гарсиа и Д. Исоарди (Garcia, Isoardi, 2010, 403-423). Прежде всего, эти авторы изучили вопрос о росте количества всех видов ёмкостей для хранения зерновой продукции на юго-востоке Франции с VI по I вв. до н.э. Среди местного населения в этот период, как правило, применялось два способа её хранения: на короткое или среднее время использовались лепные урны и пифосы, зерно же, оставленное для посевов, для домашних запасов, резерва на случай неурожая и для торговли хранилось в зерновых ямах. Наиболее наглядно развитие зернового хозяйства подтверждается увеличением числа пифосов для хранения зерна (ёмкость которых была больше, чем у лепных урн) и зерновых ям на туземных поселениях в период с VI по IV вв. до н.э. Параллельно с этими процессами, к примеру, на некоторых поселениях Лангедока в домах появлялись специальные помещения для хранения зерна. К середине V в. до н.э. на поселениях восточного Лангедока фрагменты пифосов для зерна составляли от 25 до 35 % всех керамических находок. В западном и центральном Лангедоке при этом сначала V в. до н.э. возрастает число зерновых ям, которые находят внутри, а также вне домов,

90

на специально отведённых на них участках а, иногда, и просто за внешними стенами поселений (Garcia, Isoardi, 2010, 412).

Развитие культивации зерновой продукции подтверждается и данными палинологии, согласно которым с конца VI и в течении V вв. до н.э. в Лангедоке возрастает площадь обрабатываемых земель, на которых находят остатки множества сельских поселений «рассеянного» типа.

Похожая ситуация наблюдается и в Провансе. Начиная со второй четверти VI в. до н.э. на юге Франции, вообще, резко увеличивается площадь обрабатываемых земель, в том числе и пригодных для выращивания зерновых культур. Этот процесс сопровождается вырубкой леса. На примере же поселений Сан-Блези Мон Гарувидно, как и в Провансе увеличивалось совокупное количество ёмкостей для хранения пищевой продукции, в том числе, для зерновых культур. На поселении Мон Гару в течении V в. до н.э. количество тары для хранения зерна увеличилось в 10 раз, а в середине этого столетия там появились специальные керамические «ванны» для этих же целей. К IV в. до н.э. все вышеуказанные процессы достигли своего максимального развития.

Таким образом, мы видим как в течении VI-V вв. до н.э. происходила интенсификация зернового хозяйства на сельских поселениях этой части Средиземноморья. Очевидно, что имел место избыток сельскохозяйственной продукции, который мог использоваться, как предмет торгового обмена со средиземноморскими партнёрами, в том числе и с Массалией.

Данный процесс особенно интересно рассмотреть в контексте изменения демографической ситуации в рассматриваемом регионе. Для приблизительного подсчёта возможной численности населения сельской территории исследователями использовался ряд специальных методов. При этом ими оговорилась их некоторая условность, и было предложено называть полученные сведения не собственно демографической ситуацией, а, скорее, архео-демографией, то есть, сведениями о количестве населения в том или ином поселении, полученными с помощью анализа археологической

информации. Регионом, где этими авторами был проведён археодемографический анализ был западный Прованс, а также поселения и оппидумы, расположенные в непосредственной близости от греческой Массалии (García, Isoardi, 2010, 418).

В результате сложной системы вычислений они пришли к некоторым любопытным выводам.

Первый демографический взрыв на поселениях у побережья или неподалёку имел место с VI по начало V вв. до н.э. В это время могло возникнуть множество достаточно густонаселённых поселений с числом жителей от 1 000 до 5 000 человек. Особенно заметен был рост населения в оппидумах. При этом общий демографический подъём, по подсчётам исследователей, превышал естественный рост. Вероятно, имела место миграция и переселение жителей из «рассеянных» селищ в организованные укреплённые поселения. Такие процессы могут объясняться множеством социальных, экономических, производственных и культурных факторов, которые дали знать о себе особенно ярко по сравнению с VII в. до н.э. Резкий рост числа жителей в отдельных поселениях (к примеру, в оппидуме Сан-Блез в этот период могло проживать до 3 000 жителей) должен был сопровождаться и внутренней иерархизацией общества, вернее конкретных общин. Для нормальной коллективной жизнедеятельности в таких больших поселениях должно было существовать централизованное управление. Это косвенно подтверждается инвентарем варварских некрополей этого периода, а также (как было сказано выше), на него отрывочно указывают и письменные источники.

Данные социо-экономические изменения отразились и на сельском хозяйстве. Неолитические навыки его ведения были оставлены, и сформировалось поликультурное земледелие средиземноморского типа. В этот же период возникли и первые технологии хранения больших объёмов продукции – на прибрежных поселениях появились пифосы и т.п.

При этом авторы исследований отмечают, что эти поселения нового типа, с большим числом жители располагались недалеко от побережья и в основном вокруг греческой колонии.

В следующий хронологический период, со второй четверти V в. до н.э., напротив, наблюдается резкое сокращение числа прибрежного местного населения. При этом заустевают не только оппидумы, но сокращается и число сельских жителей на всём пространстве до южных Альп. Население оппидумов не превышает теперь 2 000 человек, а в среднем поселения насчитывают до 150 домов (или около 750 жителей). При этом авторы исследования полагают, что данный процесс не может объясняться простой нехваткой жизненных ресурсов, быстро выработанных многочисленным населением в предыдущий период (Garcia, Isoardi, 2010, 420).

Как уже было сказано выше, на момент сокращения населения прибрежного Прованса приходится как раз рост числа ёмкостей для хранения продукции на остальной части Прованса и в Лангедоке. Таким образом, демографическая динамика начинает как бы не соответствовать сельскохозяйственной производительности. Следует отметить, что в этот же период происходит и замедление распространения продукции из Массалии на окрестные поселения. Следовательно, можно говорить и о каком-то снижении торговой активности. Таким образом, интерпретация процесса увеличения количества зерновой продукции в V в. до н.э. становится затруднительной.

Со второй половины III в. до н.э. вновь наблюдается рост населения, как в оппидумах, так и на прочих сельских поселениях. Причем темпы роста в этот период даже превышают предыдущий демографический подъём. Вероятно, вновь произошла какая-то социально-экономическая реорганизация жизнедеятельности населения этого региона. Возможно, это могло быть связано с формированием конфедерации саллиев. При этом с конца IV в. до н.э. сокращается число ёмкостей для хранения зерновой

продукции, что может говорить в целом о спаде сельскохозяйственного производства.

Далее всё теми же авторами рассматривается демографическая ситуация в аналогичные периоды собственно в греческой Массалии. Опять же, признавая всю сложность изучения демографии этого города, ранние постройки и слои которого сохранились в основном фрагментарно, и условность полученных результатов, исследователи, тем не менее, предположили, что периоды роста и спада зернового производства на поселениях лиуров примерно синхронны увеличению и уменьшению населения Массалии. Из этой взаимосвязи была выведена гипотеза, согласно которой производимое и хранимое на территории варваров зерно могло предназначаться для нужд греческого города. Этот тезис подтверждается и соотношением населения Массалии и предполагаемых размеров её хоры. Согласно расчёту П. Арселэна, в своём максимальном значении хора Массалии могла достигнуть 7 000 га, из которых не более 2 000 га были пригодны для производства зерновых (вспомним о характеристике Страбона земель вокруг Массалии). При населении 20 000–25 000 человек (по некоторым расчетам оно могло достигать и 40 000) такой площади едва хватало для обеспечения жителей необходимым количеством зерновой продукции (García, Isoardi, 2010, 422).

Таким образом, использование хозяйственных нововведений в сельском хозяйстве лигуров было вызвано, скорее всего, спросом Массалии на данную продукцию. Данный факт, по мнению авторов, может также косвенно подтверждать какую-то форму зависимости, в которой варварское население, обитающее в окрестностях Массалии, могло находиться от греческого города.

Относясь с большим интересом и вниманием к работе, проделанной авторами, мы склонны, тем не менее, с осторожностью воспринимать данные выводы. Очевидно, не следует забывать о большой условности археодемографического метода и о пробелах в информации, необходимой для

получения более точных сведений как по демографии греческой Массалии и варварских поселений, так и по расчету развития производства зерновых культур в окрестностях последних.

Таким образом, на наш взгляд, данные новейших археологических исследований принципиально не изменили представления о структуре сельской территории Массалии, за исключением информации о кадастрах. Исследователи последних лет, как и прежде, констатируют отсутствие в окрестностях Массалии каких-либо значительных греческих сельских поселений, при большом числе варварских, в том числе и укрепленных. Этот факт, на наш взгляд, мало соотносится с представлением о том, что земли, удаленные от города, могли принадлежать его жителям в прямом смысле слова. Однако при важнейшей роли сельского хозяйства для древних обществ в целом, мы не можем себе представить, чтобы многолюдная и могущественная Массалия, была лишена необходимых для жизнеобеспечения земельных ресурсов, даже при той значительной роли, которую для полиса играла торговля. Нельзя не вспомнить здесь о свидетельствах древних авторов о высоком уровне виноделия в Массалии. Другие виды сельского хозяйства также должны были иметь место. По мнению ряда исследователей трудно себе представить, что какая-нибудь греческая колония, не могла бы получить доступ к такому количеству земли, которого было бы достаточно для того, чтобы обеспечить себя при помощи ее интенсивной обработки необходимыми продуктами питания. Даже когда сельская территория какой-нибудь колонии была по материковым понятиям невелика, ни одна апойкия не нуждалась в импорте зерна на регулярной основе. (Arafat, Morgan, 1994, 128).

По-видимому, в случае Массалии, имели место какие-то другие земельные отношения в отличие от классического полиса, вызванные множеством как внешних, так и внутренних факторов.

К общему анализу приведённой выше информации мы вернёмся в заключительной части данной работы, после рассмотрения аналогичной ситуации с другой известнейшей колонией запада – Эмпорионом.

Глава 4

Греческий Эмпорион и окрестности в VI-III вв. до н.э.

Основная задача данной главы схожа с предыдущей – охарактеризовать основные этапы развития греческого Эмпориона в период от основания до Пунических войн. При этом, как и ранее в основном будут рассматриваться вопросы, необходимые для раскрытия сущности греко-варварских взаимоотношений, а также проблемы сельской территории. Отметим, что в Эмпорионе фактор влияния местного населения всегда был сильнее выражен, чем в Массалии, поэтому мы уделим данному аспекту больше внимания.

Греческий Эмпорион один из примеров древних городов точно локализованных археологически. Этот город располагался в южной части залива Росас, на территории современного муниципалитета Сан-Мартин-д'Эмпурьес в Каталонии, к северу от испанского города Ла-Эскала (рис. 49). Долина, где была основана греческая колония, носит название Ампурдан. Она ограничена Пиренейскими горами на севере, Гаваррами на юге, невысокими холмами на западе и Средиземным морем на востоке. Она пригодна для распашки и наполнена третичными осадками и четвертичными аллювиальными отложениями трёх рек - Мугиа на севере, Флувиа и Тер на юге. Непосредственные же окрестности Эмпориона – то есть Нижний Ампурдан находится под влиянием бассейнов двух рек – Флувиа и Тер. Здесь имеет место тектоническое оседание, которое увеличивает речной нанос обломочными отложениями, поднимающими дно водных бассейнов. Внутри этой гидросистемы сложилась дельтовая равнина. Сток рек с горных массивов Гароткса и Гаварры встречает два типа препятствий – меняющаяся береговая линия, где формируются лагуны и известковый барьер, образованный сбросом горных пород. Именно эти породы и сформировали холмы, образующие высокий мыс, на котором возник Эмпорион. Несколько больший по площади массив Монтгри препятствует впадению в море реки

Тер, разделяя её на два рукава, один из которых присоединяется к устью Флувиа, а другой течёт к южной части долины.

С запада весь этот район огорожен отрогами горных хребтов Асперс и Тетрапримс, с которых реки несут потоки аллювия и коллювия. К северо-западу от долины находятся базальтовые обнажения с незначительным содержанием оливина. В целом, наиболее благоприятным природным фактором Нижнего Ампурдана, являлось в древности наличие дельты с обширными богатыми землями, требующими, однако, ирригационных работ в связи с затруднением выхода воды (Vignot, 1991, 234-236).

В древности побережье здесь было заболоченным и пригодными для обитания были только возвышенности. Одна из них - Сан-Мартин д'Эмпурьес, в древности островок, изолированный от берега, и стал приютом первых греческих колонистов. Здесь ими был основан Палеаполис – предшественник Эмпориона. В настоящее время тут расположен одноимённый населённый пункт.

Предшественники фокейских греков в Испании и в регионе Эмпориона.

Основание греками северо-востока Пиренейского полуострова произошло относительно поздно в общем колонизационном контексте Западного Средиземноморья. Финикийцы появились на полуострове уже в конце IX – начале VIII вв. до н.э. (рис. 50). Направление финикийской колонизации в большей степени было направлено на юг полуострова, где ими основывается множество поселений на побережье Андалузии, среди которых преобладали ремесленно-торговые. Колонисты могли быть, в частности, привлечены на эти берега металлургическими богатствами Тартесса (Циркин, 2011, 81). Колонизационные процессы закономерно повлияли в том числе и на социальное расслоение среди местного населения. На некрополях аборигенов в это время появляются «монументальные» надгробия, возможно относящиеся к захоронениям местной власти (Planas-Mallart, 1994, 46). Согласно рассказу Геродота (Herod., IV, 152; I, 163) о

путешествии самосца Колея в Тартесс, чуть позднее финикийцев побережье северо-западного Средиземноморья могли посещать и мореплаватели из восточной Греции. Греческую керамику VIII в до н.э. находят, к примеру, в Хуэльве – эмпории Тартесса (Plana-Mallart, 2012, 157-160). Однако такие находки редки, и исследователи полагают, что греческие предметы, как на варварские, так и на финикийские поселения, были привезены финикийскими моряками (Rouillard, 1991, 87-90; Cabrera, 2003). Только в VII в. до н.э. рост числа находок может свидетельствовать о появлении на полуострове греческих торговцев. Однако в период с середины VII по середину VI в. до н.э. на участке побережья от Пиренеев до реки Эбро повсеместно преобладала финикийская продукция, в большей степени на юге, в речной долине. Финикийские находки были представлены в основном амфорами, в меньшей степени столовой посудой. В этот же период в долине Эбро возникают укрепленные варварские поселения, где количество финикийского импорта уже достигает 22% (Sarmarti, 2010, 94-96). На севере, в окрестностях Эмпориона, финикийский импорт также присутствует, хотя и в меньшей степени. О посещении финикийцами на северо-востока полуострова говорят и письменные источники (Циркин, 2011, 115).

К моменту появления фокейских греков окрестности Эмпориона были обитаемы. К югу от островка, на котором возникло первое греческое поселение, существовала ещё одна возвышенность, окружённая в древнее время болотами, с тремя вершинами, простиравшимися с запада на восток: Портиколь, Туро д'Эмпурьес, и Туро д'Эль Кор (рис. 51). На двух из них: Портиколь и Туро д'эль Кор, а также и в Сан-Марти д' Эмпурьес была обнаружена керамика эпохи бронзы. Раскопки показали, что поселение Сан-Марти д' Эмпурьяс было обитаемо ещё с середины VII в. до н.э. (Aquilué et al., 1999) В ходе работ 1994-1998 гг. здесь были исследованы строительные остатки туземной деревни. Она состояла из хижин со стенами из самана, имевших в плане форму, близкую к прямоугольной, и расположенных друг напротив друга (Moret, 2010, 329-332). Внутри этих жилищ находили

глинобитные полы, а также очаги, а в одном из них исследовали небольшую домашнюю печь (рис. 52).

Если, судя по всему, в VII в. до н.э. размеры этой туземной деревни были незначительны, то в начале VI в. до н.э. она увеличилась в основном за счёт организации хозяйственной территории – участков для помола и другой обработки зерновых культур (в основном ржи) (Aquilué, Castanyer, Santos, Trémoleda 2010, 67).

Несколько меньшие поселения этого же времени и похожего типа были исследованы южнее - у Мас-Гузо и в Ульястретте (Casas, Soler, 2004 ; Martin, Plana, 2012), однако они располагались не на морском побережье, а у рек, возле торгового пути «*sami d'Empûries*», игравшего, по-видимому, важную роль в организации территории (рис. 53) (Plana-Mallar, 2012, 157-178).

В настоящий момент туземная деревня в Сан-Марти д'Эмпурьес является единственным выявленным поселением данного хронологического периода в непосредственной близости от Эмпориона. При этом вполне можно допустить и существование других, так как согласно данным карпологии в это время в данном регионе имело место уже достаточно развитое сельское хозяйство (Вихо, 2001, 72-76). Морское расположение этой деревни свидетельствует о том, что её жители могли заниматься и соответствующей деятельностью – рыбной ловлей, а возможно и торговлей со средиземноморскими партнёрами. Находки в археологических слоях Сан-Марти д'Эмпурьяс, а также на расположенном неподалёку могильнике Виланера могут свидетельствовать о существовании уже с середины VII в. до н.э. торговых контактов с финикийцами (Aquilué, Castanyer, Santos, Trémoleda, 2010, 67). Впрочем, до начала VI в. до н.э. доля импортной продукции на поселении Сан-Марти д'Эмпурьяс не превышала 20% (Plana-Mallart, 2012, 157-178).

Неподалёку от Сан-Марти д'Эмпурьяс на вышеуказанных холмах были обследовано несколько туземных могильников.

Материалы из старых раскопок на некрополе Портиколь не дают абсолютно ясной хронологической картины. Известно только, что здесь были найдены захоронения в лепных урнах перекрытых камнем или тарелкой (Rouillard, 1991).

Могильник Паралли на Туро д'эль Кор, относящийся к тому же типу, был исследован лучше и опубликован М. Альмагро (Almagro, 1955). Несмотря на то, что он был перекрыт некрополем III-II вв. до н.э., удалось установить, что захоронения первого этапа его бытования датируются началом VI в. до н.э., т.е., временем прибытия первых греческих колонистов. Впоследствии была предложена идея и о существовании поселения эпохи поздней бронзы близ этого некрополя (Plana-Mallart, 1994, 17).

Таким образом, греки выбрали для своего первопоселения обитаемую территорию, что говорит о готовности к контакту с аборигенами уже на самом раннем этапе колонизации. Следует отметить и то, что побережье залива Росас предоставляло массу возможностей для альтернативы. Южная часть залива является наиболее низменной, и отсюда открывается множество путей для доступа во внутренний регион. Выбрав её, греки отказались от хорошо защищённых территорий на севере залива, где они могли бы поселиться в изолированных от туземного мира местах.

Что касается этноса, населяющего данный регион, то северо-восток Пиринейского полуострова был населён народами «иберийской культуры», исследованиям истоков которой посвящено как зарубежных, так и отечественных работ (Циркин, 2011; Коротких, 2003). Не вдаваясь в детали, приведём мнение Л.М. Коротких, что данный этнос оформился на основе глубоких неолитических традиций с последующим влиянием индоевропейских, и, возможно, североафриканских племён (Коротких 1983, 136-137). Племена же, населявшие территорию непосредственно Ампурдана, упоминаются у древних авторов, как индикеты (Strabo, III, 4, 8) и относятся к иберийским. Их наиболее яркая археологическая характеристика – это вышеописанные захоронения в лепных урнах. Они проживали от Пиренеев

до реки Тордера с севера на юга и от морского побережья, до континентальной Серралады с запада на восток.

На момент, предшествующий появлению фокейских греков на побережье, индикеты находились на стадии перехода от поздней бронзы к раннему железному веку. В этот период к югу от Сан-Марти д'Эмпуриес, возникает сеть поселений. Это Ла Фонорелла, Каstell, Илья д'эн Рейсак и Пуйг де Сант-Андреу, расположение которых неподалёку от побережья опять же может свидетельствовать о заинтересованности их жителей в морской торговле. При этом именно в VII-VI вв. до н.э. меняется, в целом, облик туземных жилищ на севере Испании. Если до этого времени иберийские деревни характеризуются в основном рассеянной застройкой, состоявшей из небольшого числа овальных или продолговатых в плане хижин, построенных из лёгких строительных материалов, то в рассматриваемый период дома начинают сооружаться из сырцовых кирпичей на каменном цоколе и располагаются более упорядоченно. Современными исследователями этот процесс трактуется как возможное следствие финикийского влияния, но также и внутренних процессов, которые в любом случае были вызваны эволюцией в обществе иберов, привлечённых торговыми интересами, к морскому побережью (Plana-Mallart, 1994, 46).

С середины VI в. до н.э. меняется и состав импорта на иберийских поселениях. Финикийские предметы исчезают и сменяются этрусской продукцией – на ряде поселений в конце VII – начале VI вв. до н.э. появляются «*bucchero nero*» (вид черноглиняных сосудов с рельефными украшениями (рис. 54)) а также этрусские винные амфоры, хотя до начала VI в. до н.э. этрусское влияние было, по-видимому, незначительным (Plana-Mallart, 1994, 45-46). Позднее здесь появляется и греческая продукция из Коринфа и полисов Восточной Греции, а затем и из Массалии (Sanmarti, Asensio, Martin, 2002, 74). При этом в целом период с середины VI в. до н.э. – по середину V в. до н.э. характеризуется снижением импортной продукции. К

примеру, на Сан Марти д'Эпурьяс она была представлена только 10% находок (Aquilué, Castannyer, Santos, Tremoleda, 2002, 293-294).

Следует указать на имевшую место ранее точку зрения о до-фокейском освоении северо-востока Пиренейского полуострова родосцами, но она так и не нашла убедительного археологического подтверждения (Циркин, 2011, 96-99).

Мореплавателей могли привлекать к этим берегам плодородные земли и рудниковые ресурсы Пиренеев. Что касается аборигенов, то для осуществления торговой деятельности они должны были обладать достаточно развитым хозяйством, позволявшим создать избыточный продукт. Какая-то правящая группа при этом должна была контролировать как торговые операции, так и использование природных ресурсов. Наличие такой прослойки подтверждается и дифференциацией захоронений в туземных некрополях. К примеру, на некрополе Виланера находили финикийские вазы, а могилы с ингумацией были расположены вокруг двух фундаментальных захоронений – к сожалению, не раскопанных, но вероятно принадлежавших представителям местной знати (Aquilué, Castannyer, Santos, Tremoleda, 2008).

Дата основания Палеаполиса и происхождение первых колонистов.

В вышеописанном контексте на Сан-Марти д'Эпурьяс возникает греческое поселение Палеаполис. Существует две основных версии об основателях этой колонии. Спор о том основан ли Эмпорион непосредственно фокейцами из Фокеи или массалиотами был вызван разночтениями на сей счёт у древних авторов. Силий Италик (Silius Italicus, III, 368-369), Тит Ливий (Tit. Liv. XXIV, 9), и Плиний Старший (Plin. M. NH, 3, 22) писали о том, что Массалия и Эмпорион были параллельно основаны фокейцами. У Псевдо-Скилака (Ps. Scilac, 2) же и Страбона (Strabo, III, 4, 8) сказано, что Эмпорион был основан Массалией. Дата основания города также точно не отражена в письменных источниках, и ни у Гекатея, ни у

Геродота Эмпорион не упоминается. Впервые поселение с этим названием встречается только у Эфора (FHGI 128, 172-177, 207) – автора IV в. до н.э.

В настоящее время археологические исследования позволяют относительно уверенно ответить на эти вопросы. При раскопках на Палеаполисе была выявлена керамика с ленточным орнаментом из Восточной Греции и с островов, которая датируется 590-580 гг. до н.э. Первую четверть VI в. до н.э., как дату основания первого поселения на Палеаполисе, предлагали разные исследователи фокейской колонизации (Villard, 1960, 116; Rouillard, 1987, 68; Aquilué, Castanyer, Santos, Trémoleda, 2002, 301-327). Существовали версии и о более ранней дате основания Эмпориона, предшествующей основанию Массалии, но они остались только гипотезами. Впрочем, некоторые исследователи середины XX в. писали об Эмпорионе, как о колонии Массалии (Grenier, 1949, 323-329). Однако, отсутствие какой-либо массалиотской продукции в слоях и комплексах, относящихся по времени к обоснованию греков в Нижнем Ампурдане (самые ранние монеты из Массалии датируются 560-540 гг. до н.э.), заставляют нас присоединиться к мнению Пьера Руйара, полагавшего, что первое поселение на Палеаполисе было образовано группой фокейцев непосредственно из Фокеи (Rouillard 1991, 250). И лишь в последствие оно попало под влияние Массалии.

Характерно, что между греческими и туземными постройками Палеаполиса не существует сколько-либо существенного хронологического разрыва. Ряд археологов полагает, что на начальном этапе в колонии действительно проживало смешанное греко-варварское население, хотя стратиграфический контекст здесь неоднозначен (Plana-Mallart, 2012, 161). К тому же, с приходом фокейских греков существенно поменялся облик самого поселения (Aquilué, Castanyer, Santos, Trémoleda, 2010, 68).

Первые выявленные греческие постройки представляли собой ряд прямоугольных помещений, расположенных вдоль улицы, сориентированной с запада на восток, которая существовала без перестроек до начала V в. до

н.э. (Рис. 55). Эти строительные остатки плохо сохранились. Чёткую планировку застройки удалось проследить только в следующий строительный период, начавшийся примерно с 540 г. до н.э. Дома теперь располагались по обе стороны улицы шириной 2,9 м. Их стены были сооружены из сырцовых кирпичей в сочетании с камнями, а ширина домов колебалась от 2,75 до 2,9 м, то есть примерно соответствовала ширине улицы. При этом их длина составляла около 7 м. Возможно, каждый из домов являлся отдельным жилищем, либо они представляли собой комнаты какой-то более крупной постройки. Такое тесное расположение узких помещений необычно для греческой архитектуры в архаическую эпоху, и подобные строения не встречаются в других греческих колониях на западе. В то же время П. Море (Moret, 2010, 329-332) проследил практически идентичную планировку в южном регионе Пиренейского полуострова, в некоторых иберийских деревнях долины Эбро (рис. 56). Естественно, возникает вопрос: вызвано ли это сходство влиянием, оказанным греками на своих торговых партнёров, либо же, напротив, необычность построек Палеаполиса - следствие того, что греки использовали иберийские строительные приёмы. Рассмотрев этот феномен, автор пришёл к выводу, что внешнее сходство построек не является достаточным доказательством существенного взаимного влияния. Прежде всего, площадь исследованных архаических строительных остатков на Палеаполисе невелика. В других частях городка планировка и структура домов могла быть иной. Раскопанные греческие строения точно нельзя интерпретировать, как жилые дома, они могли нести и другие функции. Схожесть построек греков и иберов может объясняться близкой топографической ситуацией. Иберийские деревни, как правило, располагались на вершинах небольших холмов, и на Палеаполисе, ограниченном по размерам островке, греки были вынуждены использовать всю имеющуюся площадь и застраиваться тесно. К тому же, постройки туземных деревень всё-таки не были спланированы так чётко и структурировано, как греческие. И наконец, упомянутые иберийские

поселения были расположены на большом расстоянии, не менее 100 км от Эмпориона. Поселения же в окрестностях Эмпориона, как правило, находились либо в гротах, либо представляли собой деревни с домами из дерева либо самана. В целом, по-видимому, вышеописанная схожесть первых греческих построек с туземными всё-таки была случайной (Moret, 2010, 329-332).

Вторым ярким показателем перемен на поселении с приходом греков является изменение типов керамики и эволюция керамического производства. Если в период 580-560 гг. до н.э. местная керамика представляла 43-57% находок, то последующие двадцать лет её число сокращается до 15-32% (Plana-Mallart, 2012, 160-162). Импорт в этот период роста представлен в основном массалиотской керамикой. Другие находки происходят из Ионии, Коринфа, Аттики, Великой Греции, а также Этрурии. Важным показателем развития колонии является и начало производства собственной керамической посуды, имитирующей массалийскую однотонную. По-видимому, эта керамика изготавливалась для внутреннего потребления.

Для многих эмпориев характерной особенностью является наличие святилищ. На Палеаполисе была раскопана постройка определённо сакрального назначения, хотя и неизвестной атрибуции, где был найден рельеф с изображением сфинксов друг напротив друга, а также ионийская капитель (Santos, Sourisseau, 2011, 241-242).

Возникновение греческой колонии отразилось и на близлежащих к Сан-Мартин д'Эмпурис поселениях - на них тоже появляется импортная керамика. Однако коммерческая активность первого греческого поселения невелика, она охватывает только крайний северо-восток Пиренейского полуострова. В это время колония, вероятно, выполняла собственно эмпориальные функции (то есть, в узком значении – функции торгового порта, при том, что понятие «эмпорион» является многогранным (Gras, 1993, 103-112)), и её жизнедеятельность контролировалась другой крупнейшей

фокейской колонией на Западе – Массалией. Об этом может свидетельствовать и название города. Употребление нарицательного названия *эмпорион* в качестве имени собственного может говорить о той основной роли, которую данное поселение играло в первый период существования (Bresson, 1993, 210).

Создание Неаполиса и превращение эмпория в полис.

Письменные источники не сообщают точной даты, когда греки поселились в нескольких сотнях метрах к югу от Палеаполиса на Туро д'Эмпуриес. В качестве отправной точки историками предлагается несколько значимых фактов: разгром Фокеи Гарпагом и связанный с этим приток фокейских беженцев на запад (Bérard, 1960, 132.), затем битва при Алаллии (результаты которой оцениваются историками неоднозначно (Gras, 1987, 161-181)), а также усиление влияния Массалии в северо-западном Средиземноморье.

Так или иначе, но это произошло где-то в середине VI в. до н.э. (Aquilué 2008, 15). Возможно, важную роль здесь сыграли и внутренние причины – рост числа колонистов, обретением торговой независимости и расширение торговой деятельности, появление у эмпория функций, свойственных городу. Город, основанный на новом месте и получивший название Неаполис (искусственное название, присвоенное историками в противовес Палеаполису), хорошо изучен археологически (рис. 57-58, 85-93), хотя большая часть его видимых строительных остатков датируется II в. до н.э. (Plana-Mallart, 2012, 164). По сравнению с другими греческими колониями северо-западного Средиземноморья его размеры были невелики и составляли 4-5 га или 6 га вместе с Палеаполисом.

Строительство Неаполиса началось с его северной, прибрежной части, где были исследованы самые ранние постройки. (рис. 59). Уже в V в до н.э. в городе появляется фортификация (рис. 60). Она представлена в этот период прямоугольной башней и какими-то остатками куртины (рис. 60.1), снаружи которой осталась терраса (рис. 60. 2), на которой были найдены развалины

святилища V в. до н.э. (возможно Артемиды) и, скорее всего, туземного жилища (рис. 60. 3). Это является ещё одной иллюстрацией к ситуации, отражённой в письменных источниках, о непосредственном соседстве греческой и иберийской общин.

Прослеживая эволюцию оборонительной системы, мы видим, что для IV в. до н.э. она исследована лучше (Sanmarti-Grego, 1992), хотя и не исчерпывающе. Возникает оборонительная стена на западе, внутри которой расположено святилище Асклепия, и южная куртина, оформленная двумя четырёхугольными башнями (рис. 60. 4-5). Возле западной башни имелся проход во внутренний двор, ограниченный с севера другой стеной (рис. 60. б), которая перекрыла какие-то строительные остатки предыдущего периода (V в. до н.э. (?)). Позднее перед стеной IV в. до н.э., ориентированной по оси восток-запад, сооружается ров (рис. 60. 7), который уничтожил некие туземные постройки V в. до н.э., а за ним, который впоследствии укрепляется стеной (рис. 60. 8). Этот вал, был датирован Е. Санмарти II в до н.э. (Sanmarti, 1986, 81-110). В этом же веке городская фортификация приобретает более классический вид – южная часть города огораживается стеной с воротами, укрепленными двумя прямоугольными башнями (рис. 60. 9). Особенности фортификации Эмпориона – довольно тонкие стены. В IV в. до н.э. их толщина в среднем составляет около 2 м и около 1,4 м во II в до н.э. По мнению А. Трезини, это может косвенно отражать тезис об относительно мирном сосуществовании греков и иберов (Trézini, 1994, 115-135).

Среди прочих письменных свидетельств - два текста античных авторов достаточно подробно описывают разные стороны жизни Эмпориона. Приведём их здесь целиком, так как они лаконичны и крайне информативны. Первый из них принадлежит Страбону (Strabo, III, IV, 8): «Побережье от Столпов до Тарракона имеет мало гаваней, но следующая его часть — от Тарракона до Эмпория — имеет хорошие гавани, и страна отличается плодородием (как область леетанов, так и лартолеетов и других народностей). Эмпорий был основан массалийцами; он находится на

расстоянии около 200 стадий от Пиренеев и от общей границы между Иберией и Кельтикой; и это побережье все плодородно и имеет хорошие гавани. Здесь есть Родос, городок, принадлежащий эмпориотам, хотя некоторые говорят, что он был основан родосцами. И в Родосе, и в Эмпории почитают Артемиду Эфесскую; причину этого я изложу в моем рассказе о Массалии. Эмпориты прежде жили на островке, лежащем напротив, который теперь называется Старым Городом, но в настоящее время они живут на материке. Это двойной город, так как он разделен надвое стеной; в прежние времена соседями города были какие-то индикеты, которые, хотя и имели собственное правительство, хотели ради безопасности иметь общую стену укреплений с греками, с двойными ограждениями, так как город разделен стеной, проходившей через центр. С течением времени обе народности объединились в одну общину с одинаковым государственным устройством, которое представляло некоторое смешение из варварских и греческих установлений, что имело место и у многих других племен".⁸

Автор другого текста - Тит Ливий (Tit. Liv. XXXIV, 9, 1-13). «Уже тогда Эмпории представляли собой два города, разделенных стеной. В одном жили греки, переселившиеся из Фокеи, как и массилийцы, в другом — испанцы. Греческий город выдавался в море и был окружен стеной протяженностью менее четырехсот шагов; испанский же город, более отдаленный от моря, окружала сплошная стена длиною в три мили. Римские колонисты (третий род жителей Эмпории) поселены здесь были божественным Цезарем после его победы над сыновьями Помпея. Ныне все они слились в единое целое, после того как все жители того города, сначала испанцы, а потом и греки, получили права римских граждан. А в те времена можно было подивиться, как обеспечивали свою безопасность те, кто был открыт с одной стороны морю, а с другой — испанцам, племени свирепому и воинственному. Охраняло их то, что обычно составляет защиту слабых — строжайшая бдительность, поддерживаемая страхом в окружении более сильных. Часть

---

⁸ Перевод Г.А. Стратановского.

стены, обращенная к полям, была очень хорошо укреплена, и в ней были только одни ворота, которые всегда охранял кто-либо из должностных лиц. Каждую ночь треть граждан проводила на стенах; дозор и обходы делали не просто по обычаю или потому, что так полагалось, а с таким тщанием, как если бы враг стоял у ворот. Ни одного испанца в городе не принимали, и сами жители не выходили за стены без важного на то повода. Со стороны моря, однако, все выходы были открыты. Через ворота, которые вели в испанский город, греки ходили только сразу по многу человек, и это обычно была та треть граждан, что несли стражу на стенах прошлой ночью. Ходили же они туда потому, что испанцы, мало сведущие в мореплавании, с охотой покупали привозимое на чужих кораблях, и рады были продавать плоды своих полей. Ради этой взаимной выгоды испанцы и открыли грекам вход в свой город. Греки и оттого еще не слишком опасались, что жили как бы под сенью дружбы с римлянами. Дружбу эту они хранили столь же истово, как и превосходившие их могуществом массалийцы. И в тот раз греки приняли консула и его войско со всем гостеприимством и радушием. Катон пробыл у них несколько дней, пока не разузнал, где находится противник и сколько у него войска. Не желая терять время в бездействии, он использовал его для обучения солдат. Стояло как раз то время года, когда испанцы собирают зерно в риги; Катон запретил подрядчикам закупать хлеб для войска и отослал их обратно в Рим, сказавши: «Война сама себя кормит». Выступив из Эмпории, опустошает он вражеские поля, жжет урожай, все вокруг преисполняет ужасом и обращает в бегство».⁹

Эти тексты отчасти противоречат друг другу, к примеру, в вопросе о происхождении колонистов, который мы уже обсудили, и в вопросе о взаимоотношениях между общинами. Но оба они говорят о соседском проживании греков и иберов. Более того, у Стефана Византийского (Steph. de Byzance, s.v. Indike) есть указание на то, что это туземное поселение, соседствующее с Эмпорионом, было городом Индикой – столицей

---

⁹ Перевод Г.С. Кнабе.

индикетов. При этом, несмотря на неплохую изученность Эмпориона, абсолютного археологического подтверждения эта информация не нашла. В историографии бытовало мнение, будто бы остатки туземной Индики были перекрыты и разрушены постройками римского Эмпориона, расположенного к западу от греческого. Однако работы на территории римского города показали, что он был заселён не ранее конца III в. до н.э. (Marcet, Sanmarti 1990, 121-140). Раскопки же к югу от Эмпориона, на месте нынешней автомобильной стоянки, также не выявили каких-то следов города индикетов. При этом с востока Эмпорион ограничен морем, к северу от него в древности был древний порт, к западу - некрополи Марти и Бонхоан, которые отделяли римский город от греческого. В результате отдельные исследователи пришли к выводу, что города индикетов у греческих стен не существовало, и, говоря о двойном городе, древние авторы подразумевают более позднюю эпоху, когда был построен римский город (Péna, 1985, 71-75).

Принимая во внимания эту несколько революционную гипотезу, нельзя отрицать теснейшей связи между греческой и иберийской общинами, которая прослеживалась во всех формах экономической деятельности, о которой мы подробнее скажем ниже. Отечественные исследователи древней Испании Ю.Б. Циркин и Л.М. Коротких пишут об Индике, как о реальности, (Коротких, 2003, 292; Циркин, 2011, 115.) полагаясь в основном на письменные источники. Археологически же существование столицы индикетов вплотную к греческому городу на сегодняшний момент не доказано.

По результатам новейших работ (Plana-Mallart, 2012, 162-166), небольшое поселение индикетов могло располагаться у южной границы греческого города, неподалёку от святилища, построенного за городскими стенами в V в. до н.э. Само существование этого святилища, занимавшего, по-видимому, наиболее возвышенную часть местности и при этом расположенного как бы на нейтральной территории, может свидетельствовать о мирных отношениях между двумя общинами,

регулярности торговых обменов и культурных контактов. Позднее туземные постройки были разрушены стеной первой половины IV в. до н.э., о которой мы говорили выше, сооружённой при реконструкции новых греческих ворот. Возведение стены на этом месте также может свидетельствовать о том, что квартал индикетов был включен в греческую оборонительную систему (Aquilué, Castanyer, Santos, Trémoleda, 2010, 68). Это может косвенно доказывать правоту Страбона, и существование в Эмпорионе *диполиса* в буквальном смысле (Santiago, Gardennes, 2012, 12). Что касается идентификации святилища, то традиционно, Артемида и Асклепий (рис. 61) считаются божествами, особо почитаемыми в Эмпорионе, хотя атрибутику вышеописанного храма археологически определить не удалось (Pena, 2000, 59-68). Вообще говоря, местом расположения святилищ Эмпориона традиционно считался юго-западный район Неаполиса. Здесь были исследовано несколько храмов неизвестной атрибуции (Dupré, 2005). Относительно недавно ещё одно святилище было найдено в северо-западном секторе города (Santos, Sourisseau, 2011, 247-248).

Возвращаясь к тексту Тита Ливия, следует отметить мало реальную разницу в размерах греческого и иберийского городов, им указанную. Согласно автору вал, окружавший город индикетов, имел длину в 3 мили (4500 м), и, таким образом, площадь этого города должна была составлять около 105 га, то есть город занимал всю территорию Туро д'Эмпуриес вместе с возвышенностями Ле Кор и Портиколь (Rouillard, 1991, 254).

Что касается экономического развития колонии, то, по-видимому, в начале V в. до н.э. Эмпорион становится независимым от Массалии. В V в до н. э. Массалия переживает экономический кризис, который характеризуется резким сокращением экспорта. К примеру, если в начале V в. до н.э. амфоры из Массалии составляли 15 % от амфорного импорта в Эмпорионе, то к середине века этот показатель снизился до 6 % (Sanmarti, Castanayer, Trémoleda, 1990, 165-170). В это же время в Эмпорионе появляется большое количество аттической керамики (рис. 62, 83-84), что говорит о

возникновении прямых или опосредованных торговых связей между Эмпорионом и Афинами (Villard, 1960, 117-118). Типы аттической керамики Эмпориона схожи с типами в колониях Великой Греции и Сицилии. Возможно, полисы этих регионов были торговыми посредниками. В VI в. до н.э. фокейский торговый путь из Северо-Западного Средиземноморья проходил через Мессинский пролив – территорию, находившуюся под влиянием Халкидских колоний. Однако в V в. до н.э., после разрыва халкидо - фокейского союза, возрастает влияние сицилийских полисов, в особенности Сиракуз. Схожесть некоторых эмпорионских монет с сиракузскими также может свидетельствовать о влиянии сицилийских полисов на афино - эмпорионскую торговлю. Динамику этой торговли можно проследить на эволюции типов афинского импорта в Эмпорионе. Если в 540-500 гг. до н.э., в период зависимости от Массалии, чернофигурная керамика представлена относительно слабо (около 500 фрагментов из погребений и жилищ Неаполиса (Jully, 1976, 27)), то краснофигурная, период распространения которой в западном Средиземноморье начинается с первой четверти V в. до н.э., представлена во множестве и самыми разными типами (Jully, 1982, 134). Интенсивный импорт аттической керамики продолжается вплоть до середины IV в. до н.э., в то время как для Массалии это период снижения торговой активности. Ещё одно подтверждение обретения Эмпорионом торговой независимости – резкое сокращение в течении V в. до н.э. числа массалиотской керамики (Sanmarti, Castanayer, Termoleda, 1990, 165-170).

В это же время в Эмпорионе появляется собственная монета. Массалиотские монеты типа Auriol сменяются серебряными монетами без надписей, на которых затем появляется легенда EM. Впоследствии эти монеты начинают имитировать афинские с изображением головы Афины на аверсе и совой на реверсе. В IV в. до н.э., эмпорионские монеты приобретают, как уже писалось, сходство с монетами полисов Великой Греции и Сицилии (рис. 63). Начало монетного производства

свидетельствует о политическом укреплении Эмпориона (Plana-Mallart, 2001).

Многочисленные находки в городе и окрестностях пунической керамики свидетельствуют и об активном торговом обмене между Эмпорионом и Карфагеном. Эмпорион находился на пересечении важных морских путей и, возможно, играл роль свободного порта. Греческая и карфагенская торговля имели точки пересечения, о чём говорит содержимое трюма корабля, найденного близ острова Майорка, где находилась пуническая керамика, аттические амфоры с пуническими граффити и греческие амфоры (Plana-Mallart, 1994, 30).

Что касается предмета этой торговли, то Афины поставляли в основном аттическую посуду, а Эмпорион, вероятнее всего, сельскохозяйственную продукцию. В V-IV вв. в окрестностях города появляется множество ям для хранения зерна (рис. 64). Другими статьями экспорта также могли быть лён и дрок, упоминаемые Страбоном (Strabo, III, IV, 8). Нельзя забывать и об относительной близости Эмпориона к Пиренеям, богатыми рудой.

Помимо торговой деятельности, в городе, безусловно, существовало и ремесло, о чём свидетельствуют, в том числе, и постройки, выявленные на территории города и связанные с производством керамики (Marcet, Sanmarti, 1990, 113-115).

Таким образом, в течение V-IV вв. до н.э. Эмпорион становится небольшим (Пьер Руйяр полагает, что в классическую эпоху его население не превышало 500 человек (Rouillard, 1991, 257)), но независимым городком, имевшим укрепления, выпускавшим собственную монету и уже игравшим определённую роль в средиземноморской торговле. Население его уже чётко идентифицировало себя, как эмпориоты (Plana-Mallart, 2004, 245).

Политическая система в Эмпорионе и переход полиса к римскому периоду истории.

Нам практически ничего неизвестно о политической структуре Эмпориона. Традиционно он считался аристократическим полисом, как и

Массалия. При этом письменные источники ясно указывают на то, что Эмпорион являлся двойным – иберо-греческим городом, что плохо сочетается с аристократической системой управления. Археологически, как мы упоминали выше, в V в до н.э. непосредственно близ стен Эмпориона были зафиксированы какие-то постройки индикетов. Впоследствии, если верить Страбону, обе общины смешались в единое сообщество с общим государственным устройством. Это единство прослеживается на материалах некрополя Марти, располагавшемся к западу от города, где иберийские кремации соседствуют с греческими погребениями. Об этом же говорят и несколько надписей, найденных в Эмпорионе. Одна из них – на свинцовой пластине на ионийском диалекте, опубликованная Е. Санмарти-Грего (Sanmarti-Grego, Santiago, 1988, 3-17) последней четверти VI в. до н.э. представляет собой коммерческое письмо, написанное каким-то фокейцем из западных колоний. В нём идет речь о торговом грузе, который был куплен человеком по имени Баспедас. Владелец этого туземного имени мог быть одним из иберов, проживавших в Эмпорионе, учитывая, что в письме есть ссылка на эмпориотов. Существует и ещё одна надпись на ионийском диалекте, плохо читаемая, но в которой используется слово «закон» и говорится о каких-то двух группах населения. Возможно, это остатки документа, который мог регламентировать отношения в этнически смешанном полисе (Plana-Mallart, 1994, 35). Нельзя забывать и о тексте Тита Ливия, согласно которому отношения греков и индикетов не всегда были мирными.

Таким образом, археология вроде как не даёт однозначного ответа о совместном греко-иберийском проживании в Эмпорионе, как на это указывают письменные источники, однако в любом случае совместное использование некрополей и следы экономической деятельности говорят о теснейшей связи между общинами (Plana-Mallart, 2012, 157-178).

Жизнь колонии в III в. до н.э. плохо изучена археологически в связи с массовыми перестройками в римское время. В это время она находилась под

воздействием противостояния Карфагена и Рима. Если в течение IV в. до н.э. торговые связи между Эмпорионом и Карфагеном укрепляются, то в III в. до н.э. наблюдается сокращение в Эмпорионе пунического импорта. В текстах Аппиана сказано, что Эмпорион обращается за помощью к Риму против Карфагена (Appian, Iber. 6). Напомним, что и Массалия была последовательным римским союзником. В 218 г до н.э. в Эмпорионе впервые высаживается римская армия, а в 197 г. до н.э., с прибытием в город армии Катона для подавления восстания иберийских племён, для полиса вообще наступает римский период истории. На вершине холма, к западу от греческого Неаполиса, строится постоянный римский лагерь, который становится основой для римского города, появившегося в первой половине I в. до н.э. Впоследствии Цезарь селит в него ветеранов, которые сражались в Иберии против мятежных войск Помпея, и город становится *municipium Emporiae* (Menulis, 2010, 62-63).

Топография и эволюция поселений индикетов вокруг Эмпориона.

Как писалось выше, историю греческого Эмпориона, в особенности экономическую, невозможно рассматривать вне контекста развития окружавших полис варваров - индикетов. Иберийские поселения интересующей нас эпохи в хронологическом плане традиционно подразделяются на древний иберийский - середина VI – середина V вв. до н.э. и средний иберийский периоды - середина V в. до н.э. – римское время. Для первого периода в основном характерны равнинные поселения с землянками и поселения с каменными постройками на возвышенностях, возле морского побережья или рек. Поселений древнего иберийского периода в окрестностях Эмпориона немного, среди них наиболее значимые: Илья д'эн Рейсак и Пуйг де Сант-Андреу в Ульястрете (Plana-Mallart, 1994).

Основная масса населённых пунктов возникает здесь в средний иберийский период, и они в основном представлены *оппидумами* и «группами зерновых ям». Оппидумы – поселения на возвышенностях с укреплениями, прямоугольными домами в основном на каменных

фундаментах и стенами из сырцовых кирпичей, в которых для снабжения водой использовались водосборные цистерны. Что касается второго типа поселений, то это были равнинные населённые пункты сельскохозяйственного назначения, которые в основном состояли из групп ям и одной или нескольких землянок. Основными центрами заселения в окрестностях Эмпориона становятся в среднюю иберийскую эпоху, кроме вышеуказанных поселений близ Ульястрета, ещё Понтос к западу от Эмпориона и Пералада к северо-западу, вокруг которых формируется множество сельских поселений с зерновыми ямами.

Наиболее значительными и исследованными среди иберийских памятников округа Эмпориона являются вышеупомянутые поселения возле Ульястрета. Их раскопки дали обильную информацию о греко-варварских отношениях в этом регионе (Martin, Codina, Plana, Prado de, 2010, 89-104). Ульястрет характеризуется своими внушительными размерами, и его особенность в том, что он включает в себя два отдельных поселения, расположенных на расстоянии 500 м один от другого. Это вышеназванные Пуйг де Сан Андреу (рис. 65) и Илья д'эн Рейсак (рис. 66). Они возникли в раннем железном веке и к середине IV в. до н.э. достигли общей максимальной величины в 15 га. Сама их масштабность говорит о той значительной роли, которую они играли в данном районе. Остальные поселения побережья, включая Эмпорион, уступают им по размерам. При этом в средне-иберийский период вокруг них существовало и множество неукреплённых сельских поселений (рис. 67).

На Ульястрете, расположенном на западном берегу большого пруда в 5 км от морского побережья (рис. 68), первые находки относятся ещё к эпохе энеолита. Однако активное развитие поселения начинается с раннего железного века, когда формируются два вышеуказанных центра застройки из хижин, углублённых в скале. Постройки сооружались в основном из лёгких материалов, каменные конструкции встречаются редко (Martin, 1998, 50-52). При этом некоторые исследователи отмечают известную схожесть этих

жилищ с ранними постройками Эмпориона (Aquilué, 1999, 471-472). Результаты раскопок показывают, что первоначально площадь поселения на Илья д'эн Рейсак достигала 6000 кв. м, поселение на Пуйг де Сан Андреу было меньшим по размеру – около 2000 кв. м. (Martin, 2005, 325).

Развитие и эволюция поселения Ульястрета разделяется исследователями на несколько хронологических периодов. Ранний период – Фазу Ульястретт I - 625-550 гг. до н.э. в свою очередь можно разделить на два этапа. Первый характеризуется появлением на поселении средиземноморского импорта, в основном представленного финикийскими амфорами из окрестностей Гибралтара. На втором этапе (575-550 гг. до н.э.) импорт уже более разнообразен, появляются этрусские «буккоро неро» и первые греческие находки – фрагмент коринфского арибалла, ионийские кубки типа В2 по Валле и Вийару, а также ионийские амфоры с цилиндрическим горлом и миндалевидным венчиком, которые сосуществуют с финикийскими амфорами Круга Гибралтара (Sanmarti, Asensio, Martin, 2002, 76-78, 95). А при раскопках небольшого поселения ля Фонорелла, расположенного неподалёку от Ульястрета, был найден также этрусский канфар «буккоро неро» и амфоры из Массалии. По мнению исследователей, это может говорить о том, что рядом существовал небольшой порт, служивший опорным пунктом в каботажной торговле между Эмпорионом и Ульястретом (Sanmarti, Asensio, Martin, 2002).

В следующий хронологический период - Фазы Ульястретт II-III - 550-450 гг. до н.э. облик поселений в Ульястрете существенно меняется (Martin, Codina, Plana, Prado de, 2010, 92). С середины VI в. до н.э. дома приобретают квадратную в плане форму и строятся из камней и сырцовых кирпичей, а также повсеместно появляются керамические трубы. Именно с этого времени на обоих поселениях возникает организованное градостроительство, жилища строятся вдоль главных улиц-осей. Число исследованных построек этого периода невелико, но по обнаруженным жилищам можно сделать вывод, что дома в основном были прямоугольными, почти квадратными, и площадь

помещений составляла в среднем 19 – 21 кв.м. Стены строились на цоколях из камней, скреплённых глиной, высотой около 60 см, верхняя часть стен сооружалась из сырцовых кирпичей. В некоторых помещениях были найдены столбовые ямы, что может говорить о том, что крыши домов поддерживались центральным брусом. Сами же эти крыши были двускатными, черепичными. Внутри домов иногда находили перегородки из самана. Полы были глинобитными, и могли иметь в основании «подушку» из гравия (рис. 69).

Возможно, уже с середины VI в. до н.э. вокруг поселений строятся и оборонительные стены.

Что касается керамического материала на поселениях, то в это время наряду с лепной посудой начинает появляться окрашенная иберийская керамика, а также греческий импорт: кубки, амфоры из Массалии (число которых, впрочем, не было значительным), сероглиняная однотонная керамика с запада и светлоглиняная из Массалии или Эмпориона. Как и прежде, здесь продолжают встречаться «буккеро неро» и финикийские амфоры.

К концу VI в. до н.э. на поселении Пуиг де Сан Андреу сооружается стена с семью массивными башнями, которые впоследствии были соединены прямолинейной куртиной (рис. 67). Площадь самого поселения уже составляет 3 га. Башни располагаются друг от друга на расстоянии 28,5 - 29,5 м, что свидетельствует об их упорядоченном местоположении и может даже говорить о том, что архитектор, их соорудивший, был знаком с фортификационной греческой практикой.

Поселение на Илья д'эн Рейсак при этом было лучше укреплено естественным рельефом, и, видимо, развивалось быстрее в ранний период. Мощная стена, выявленная в восточной его части, может предположительно относиться ещё к древнему иберийскому периоду (рис. 70).

При этом, несмотря на все строительные нововведения в Ульястрете, в его округе продолжали существовать хижины, заглублённые в скале. Группа

таких жилищ была выявлена на Пуйг де Серра, всего в 800 м от Илья д'эн Рейсак и в 1,5 км от Пуйг де Сан Андреу. Здесь эти постройки датируются VI – началом V вв. до н.э. Возможно, существование этих жилищ связано с карьером, расположенным поблизости. На этом карьере добывался строительный материал для построек Илья д'эн Рейсак (Garcia-Vallès, 1999, 223-224). Позднее, на его месте возник некрополь (Martin, Genis, 1993, 8-10).

С развитием поселений типы керамической тары на них остаются теми же, но меняется их количественное соотношение. Сокращается число лепной посуды, она теперь представлена только кухонной, украшенной стандартным орнаментом. При этом появляется круговая столовая посуда, в том числе греческая из Массалии и Эмпориона. Местная же круговая керамика на 65 % представлена иберийскими кувшинами для хранения продукции. Интересным показателем является и начало имитации серой однотонной керамики на местных мастерских (рис. 71). Подобная посуда производилась из того же вида глины, что и иберийская окрашенная керамика. Параллельно с этим в большом количестве производились урны – форма весьма распространённая у жителей Каталонии этой эпохи, а также кубки обтекаемой формы. В небольшом числе в Ульястрете появляется и аттическая керамика – чернофигурная и чернолаковая конца VI – начала V вв. до н.э. Что касается амфор, то наибольшее их число, по-прежнему, иберийского производства, а среди импорта встречаются массалиотские типов Ру 2 и Ру 3 и пунические амфоры с Ибицы форм PE 12 и PE 13 последней четверти VI в. до н.э., причём по количественному соотношению последний тип преобладает.

В период с середины V до конца III вв. до н.э. (Фазы Ульястрет IV-V) поселения Ульястрета продолжают эволюционировать. Илья д'эн Рейсак, представлявшее ранее собой поселение с несколькими центрами застройки, перестраивается в общий комплекс почти прямоугольной формы. Некоторые улицы при этом остаются криволинейными, что обусловлено особенностями рельефа.

Похожие процессы происходят и на Пуйг де Сан Андреу. Раскопками на нём были исследованы четыре дома. Один был пристроен к стене толщиной 2-2,5 м, сооружённой из крупных блоков, и ограничивавшей центральную дренажную систему (García, Gracia, Munilla, 2000, 63-67). Все эти дома могли принадлежать одной семейной группе. В комнате, пристроенной к стене, было найдено 25 аттических чернофигурных и краснофигурных ваз. Вместе с ними были найдены и другие виды элитной посуды. Эти признаки свидетельствуют о том, что в центральной части оппидума могли проживать представители сформировавшейся иберийской аристократии (Martin, Codina, Plana, 2012, 96).

Большая часть домов этого периода на Пуйг де Сан-Андреу имеет прямоугольную в плане форму, их площадь составляет от 18 до 26 кв. м, и часто в их планировке выделяется центральная комната со вспомогательным помещением. К северу от оборонительных стен Пуйг де Сан-Андреу был выявлен и исследован ремесленный квартал, где были найдены металлургические печи и керамические мастерские (Martin, Plana, Caravaca, 2000, 249-256).

В этот же период начинают осваиваться и окрестности Ульястрета, вокруг него возникает множество сельских поселений и ферм.

Одновременно с ними появляются и первые захоронения на некрополе Пуйг де Серра. Это единственный известный некрополь Каталонии средне-иберийского периода. На нём было найдено 87 кремаций, датирующихся серединой V – последней третью IV в. до н.э. (Martin, Génis, 1993).

С последней четверти V в. до н.э. на Ульястрете наблюдается значительное увеличение импорта аттической столовой посуды, что приводит и к эволюции местного керамического производства – иберийские мастера начинают копировать аттические формы по образцу посуды из Массалии и Эмпориона. На посуду при этом зачастую наносится орнамент, также напоминающий собой аттический. При этом сокращается количество

кувшинов для хранения, которые ранее преобладали среди других видов домашней посуды (рис. 71).

По-видимому, Улястрет становится своеобразным центром производства керамики индикетов, которая доставляется и в другие регионы. Местные мастерские изготавливают скифосы, килики и ойнохои. Параллельно увеличивается количество пунического импорта, что может говорить об интенсификации торговли между Эмпорионом и Карфагеном, а также наблюдается некоторое сокращение импорта амфор из Массалии (Martin, Codina, Plana, 2012, 97).

В период со второй четверти по середину IV в. до н.э. вновь реорганизуется фортификация поселения Пуйг де Сан Андреу. Новые стены теперь покрывают периметр 1200-1300 м, и укреплённая площадь поселения достигает своей максимальной величины. Стены были снабжены воротами, а также квадратными и прямоугольными башнями.

На Илла д'ен Рейсак в это же время также возводятся мощные стены. В западной части этого оппидума появляется квартал из больших домов, пристроенных к общей стене. Эти дома состоят из нескольких комнат, где иногда присутствует аванзала с портиками. Они были снабжены сложной дренажной системой для вывода дождевой воды (Prado, 2008, 185-200). При этом некоторые особенности планиграфии поселения говорят о том, что этот квартал мог возникнуть на том месте, где раньше находились общественные здания.

Таким образом, Улястрет превращается в настоящий город и его поселения достигают максимальной величины. Скорее всего, именно здесь могла проживать правящая прослойка индикетов. Вокруг Улястрета формируется экономическая система, в основе которой лежит торговля зерном. Возникает множество сельских поселений от внутренних регионов Каталонии до побережья. Изучение этих поселений в радиусе 5 км вокруг Улястрета свидетельствуют о том, что их население занималось сельским хозяйством, продукты которого были предметом торгового обмена, в том

числе и с греческим Эмпорионом. При этом Ульястрет мог выполнять в этой торговле координирующие функции.

Во второй половине III в. до н.э. на поселении Пуйг де Сан-Андреу возводятся два больших храма. (рис. 72). В слоях периода запустения поселения было найдено много каменных блоков со скульптурными рельефами, которые украшали один из них. Стены храмов были каменными, но крыша состояла из лёгких материалов. Раскопки одного из них в 1995-1996 гг. показали, что, хотя его облик, безусловно, был иберийским, но в нём «читались» многочисленные греческие (рис. 73) и пунические элементы, среди которых влияние последних было заметнее (Casas et al., 2005, 989-1001).

Что касается вопросов водоснабжения, то на поселении были выявлены водосборные цистерны III в. до н.э. эллинистического типа (рис. 74). Они были сконструированы на месте цистерн предыдущих строительных периодов, и их совокупное водоизмещение составляло 111 куб. м. Самая большая цистерна была расположена возле храмов и могла иметь отношение к культовой деятельности обитателей поселения (Prado, 2008, 185-200.)

Интересную информацию об организации сельской территории Ульястрета дали раскопки поселения Кам д'эн Гау, расположенного неподалёку от оппидума (Martin et al., 2008). На раннем этапе его существования здесь находились зерновые ямы, датирующиеся серединой IV в. до н.э., вокруг которых к концу этого века сформировалось само сельское поселение. Помимо жилых помещений здесь были выявлены многочисленные конструкции, свидетельствующие о некоей производственной деятельности. В том числе население занималось металлургией, о чём свидетельствуют находки железного шлака, а также несколько металлургических печей. К югу от этого поселения ещё в начале XX в. были найдены остатки керамической печи (Martin, Codina, Plana, 2012, 101).

В целом, в период рассвета Ульястрета вокруг него располагалось немало сельских поселений, причём в некоторых местах плотность их распределения была весьма высокой. Всего на территории окрестностей Ульястрета было найдено около 200 зерновых ям (Plana-Mallart, 2012, 157-178). Способ хранения в ямах использовался ещё в позднем бронзовом – раннем железном веках, но приобрёл массовый характер с середины V в. до н.э. Согласно традиционной гипотезе, в этих ямах накапливали зерно для продажи – этим объясняется их большое количество на побережье. Другой возможной целью их использования могло быть создание резервных запасов зерна перед угрозой неурожая. Версия о хранении, как о накоплении богатств аристократией, не очень правдоподобна, так как подобные ямы встречались и вдалеке от крупных иберийских центров. Большое же количество ям у Ульястрета может свидетельствовать о том, что сельскохозяйственная деятельность иберов этого района позволяла создавать значительное количество избыточного продукта, и о том, что именно к поселениям Ульястрета свозилось зерно с окрестных территорий.

На последней стадии существования Ульястрета (он был покинут в начале II в. до н.э.) заметно меняется характер керамического импорта. Аттическая керамика встречается теперь редко, и её сменяет в основном посуда из западных центров производства, сопровождавшаяся первыми греко-италийскими амфорами. По-прежнему высок процент фрагментов импортных пунических амфор, хотя большая часть керамики всё-таки местного производства. Иберийская круговая керамика в целом сохраняет свой облик, незначительно видоизменяясь при этом под влиянием внешних связей.

В конце III в. до н.э. Ульястрет попадает в полосу политической и экономической нестабильности, вызванной прибытием римлян в 218 г. до н.э. на Пиренейский полуостров. В самом начале II в. до н.э. оба поселения приходят в запустение. Вероятно, это произошло в 195 г. до н.э. в результате репрессивной политики, проводимой Катонем против индикетов (Martin et al.

2004, 280). Несмотря на это сельское население региона в этот момент даже увеличивается, возникают новые неукреплённые поселения, и возобновляется жизнедеятельность на покинутых ранее (Plana, Crampe, 2004, 262).

Таким образом, раскопки Ульястрета значительно увеличили информационную базу об иберийском населении северо-востока Каталонии в период от раннего железного века до римского времени. Расположение этого поселения на стратегическом пути из Иберии в Галлию привело к тому, что оно стало играть важнейшую роль в торговле в этом регионе. Само же поселение обладало значительным экономическим потенциалом - рядом с ним располагались плодородные равнины и удобный доступ к металлургическим ресурсам Пиренеев.

Благодаря этим факторам, жители Ульястрета завязали торговые контакты со средиземноморскими партнёрами уже со второй половины VII в. до н.э. – в первую очередь с финикийцами, а затем с греками с конца этого столетия.

С возникновением Эмпориона греки стали играть важную роль в торговле в данном регионе, что, однако, не препятствовало притоку пунической продукции и собственному иберийскому производству. При этом местные мастерские имитировали в основном как раз пунические амфоры.

Следует отметить, что планировка Ульястрета приобрела упорядоченный облик с регулярной застройкой и прямоугольными в плане домами именно после возникновения Эмпориона. По-видимому, данные строительные нововведения могут объясняться именно греческим влиянием, так как фортификация Ульястрета имеет уже явно греческие черты, при том, что в остальном их облик остался иберийским.

Значительное греческое воздействие испытало на себе и керамическое производство мастерских Ульястрета. Что же касается пунического влияния и объёма пунического импорта, то его показатели были настолько значительны, что возникает вопрос о прямых торговых контактах между

Ульястретом и Карфагеном без посредничества Эмпориона. В пользу этой гипотезы говорит и большое количество пунических монет, которые появляются на Ульястрете с середины III в. до н.э.

Культурный же облик рассматриваемых поселений представляет собой сложное сочетание греческого и пунического влияния на иберийские традиции. Нельзя забывать и о контактах проживавших здесь индикетов с кельтским, «запиренейским» миром. Следует отметить и то обстоятельство, что, по-видимому, на протяжении всего периода торговых и культурных контактов с самыми разными партнёрами в самом Ульястрете использовалась практически только иберийская письменность (Martin, Codina, Plana, Prado de, 2010, 89-103).

Важную роль в организации сельской территории индикетов играло и другое укрепленное поселение – Сан-Хулия де Рамис, площадью около 4 га. Оно располагалось на вершине холма, на высоте 203 м над уровнем моря. Этот холм являлся в древности стратегическим пунктом, откуда открывался обзор на нижнюю долину реки Тер, которая протекала к востоку от оппидума, на равнины на юго-западе, а также на некоторые дороги. К тому же холм был хорошо укреплен естественным образом, а окружающие равнины и леса предоставляли обитателям оппидума необходимые жизненные ресурсы.

Традиционно считалось, что оппидум Сан-Хулия де Рамис возник в IV в. до н.э. Однако в результате исследований последних лет, проводимых в его окрестностях, на некрополе Пла де л'Орта, расположенном неподалёку, был найден материал первой половины VI в. до н.э. (Burch, Nolla, Sagrera, 2010, 121). Это заставило предположить, что и Сан-Хулия де Рамис мог возникнуть примерно в тот же период, когда в целом формировалась иберийская культура на северо-востоке Пиренейского полуострова, и когда возник Эмпорион. В ходе же самых последних исследований на оппидуме были выявлены остатки жилищ, которые могли датироваться периодом, предшествовавшим началу IV в. до н.э. Эти жилища характеризовались

фундаментами из сланцевых камней, которые добывались на месте, а также стенами из сырцовых кирпичей. Крыши этих домов представляли собой строения из сложенных деревянных жердей, обмазанных глиной, которую поддерживали деревянные балки – технология, широко распространённая у южных иберов (Belarte, 1997, 242). Опорные стены этих жилищ также зачастую сооружались из валунов. Число таких построек было невелико и не позволяет определить предположительную планировку поселения. Однако найденный инвентарь – керамика из Западной Греции, а также поясные кольца VI-V вв. до н.э., определённо говорят о ранней датировке поселения в целом. Первые жилища располагались на самой верхушке холма, которая была искусственно террасирована. Выявленная площадь застроенной площадки была, как было сказано выше, невелика: 18 м с запада на восток и 15 м с севера на юг (Burch, Nolla, Sagrera, 2010, 122).

Возле этого небольшого поселения существовал некрополь, находки из которого были представлены несколькими предметами роскоши, содержащимися в одной из урн, что может свидетельствовать уже на этом этапе о наличии социального расслоения среди индикетов.

С V в. до н.э. по начало IV в. до н.э. оппидум Сан-Хулия де Рамис значительно эволюционировал. Его площадь существенно увеличилась и стала достигать 3-4 га. Поселение при этом распространилось на всю вершину холма, что и привело к уничтожению древнего некрополя. Дома теперь располагались вдоль длинных улиц, которые соединялись между собой короткими перпендикулярными переулками. При этом при застройке учитывались особенности микрорельефа (Llorens, Mataró, 1990, 35-38).

Некоторые дома имели сложную планировку и состояли из нескольких комнат, хотя присутствовали и простые жилища с одним помещением. Внутри домов зачастую жилые помещения соседствовали с производственными (рис. 75).

В V в. до н.э. на южной стороне оппидума была перестроена оборонительная стена, а на северной - воздвигнута новая. Она состояла из

двух панцирей шириной по 1,2 м с забутовкой посередине. Общая толщина стены составляла, таким образом, 5,1 м (рис. 76) (Burch, Nolla, Sagrera, 2010, 123).

Об организации сельской территории оппидума Сан-Хулия де Рамис наглядно говорит участок площадью 2000 кв. м, на котором было найдено 119 зерновых ям, датированных IV-I вв. до н.э. Этот участок располагался возле р. Тер, в зоне прямого доступа к Эмпориону. При этом удивляет небольшое количество импортных предметов, найденных в ходе его обследования. В целом присутствие иберийского населения в непосредственных окрестностях оппидума хорошо прослеживается археологически (Alberch, Burch, 2002, 131-211).

С наступлением римского времени оппидум не был покинут, как Ульястрет, но напротив продолжал развиваться вплоть до 3-его десятилетия I в. до н.э. Затем большая часть населения ушла, переселившись, скорее всего, в основанный рядом город Жирона. Однако какая-то жизнедеятельность продолжалась на Сан-Хулии де Рамис вплоть до конца I в. до н.э. (Burch, Nolla, Sagrera, 2010, 127).

Другие иберийские поселения также переживали эволюцию в эту эпоху. На поселениях Понтос и Перелада укрепленные постройки возникли в V в. до н.э. Оба этих небольших поселения (около гектара каждое) находились в долинах рек и имели непосредственный доступ к побережью. Затем в конце V в. до н.э. укрепления на Понтосе разбираются, и приоритетной деятельностью его жителей становится производство зерна с хранением его в ямах. То же самое происходит и в Переладе. Нельзя не отметить близость расположения Понтоса к Эмпориону, а Перелады к другой греческой колонии – Роде. Начало V в. до н.э. как раз соответствует периоду активного развития этих колоний. В III в. до н.э. жизнедеятельность на обоих иберийских поселениях продолжается, и в Понтосе было исследовано четыре жилища этого времени (Plana-Mallart, 2004, 249). Два из них имеют по несколько комнат, и в них было найдено много греческих предметов

роскоши, а также фрагменты ионийской колонны (рис. 77), что может свидетельствовать об определённой эллинизации иберийской аристократии, проживавшей там. Исследования же зерновых ям у Понтоса показали, что если их совокупная вместимость составляла в V в. до н.э. около 3000 куб. м, то к IV вв. она достигает 5000 куб. м. (Plana-Mallart, 2004, 247). В ходе новейших археологических исследований было предположено, что в III в. до н.э. вместимость отдельных зерновых ям Понтоса могла достигать 7 000 литров (Pons, Asensio, Fuertes, Vouso, 2010, 116).

Помимо крупных поселений в районе Эмпориона было выявлено множество отдельных селищ, характеризующихся наличием групп зерновых ям и иногда землянок (рис. 64). Рядом с зерновыми ямами не всегда располагались собственно поселения. Иногда небольшому количеству жилых построек соответствует большое количество ям, что может говорить о том, что определённая часть иберийского населения могла специализироваться на добычи и хранении зерна. Такая система застройки особенно характерна для участков близких к греческим колониям, южнее - группы ям сконцентрированы в основном возле оппидумов.

Успеху культивации зерновых культур на северо-востоке Каталонии способствовало наличие плодородных земель, сформированных речной дельтой. Очевидно, что земледелие было основой деятельности индикетов, хотя, безусловно, существовали скотоводство, охота и рыболовство. Попадающиеся повсеместно разнообразные орудия труда свидетельствуют о том, что местные жители обладали навыками развитого сельского хозяйства с использованием сохи и ирригации. Палеокарпологические исследования показали, что среди сельскохозяйственных культур у иберов первенство принадлежало пшенице и ржи, а также выращивались просо, полба, и овощные культуры - горох, чечевица, бобы. Следы льна, который упоминал Страбон, находили при исследованиях в самом Эмпорионе (Plana-Mallart, 2004, 243-265).

Коснёмся в целом вопроса о зерновых ямах, которые играли важную роль в сельском хозяйстве северо-запада Каталонии в древности.

Наиболее ранние из зерновых ям окрестностей Эмпориона датируются концом VII в. до н.э., а их использование, как способ хранения зерновой продукции, продолжался вплоть до эпохи Августа. Большое количество этих ям и их повсеместная распространённость в окрестностях Эмпориона принято объяснять тем, что здесь удавалось получить значительный избыток зерновой продукции (Burch, Nolla, Sagrera, 2010, 391). Для хранения зерна, как и других продуктов, иберы, обитавшие в окрестностях Эмпориона, использовали самые разные технологии. Известно, что при хранении в яме зёрна выделяют некоторое количество диоксида углерода, которое препятствует проникновению кислорода. Это сохраняет его пищевую ценность и способность к прорастанию. Известно, что этим свойством пользовались и римские агрономы. При этом если внутри ямы резко не менялась температура и влажность, зерно могла в ней храниться длительное время, вплоть до нескольких лет. Важнейшим фактором сохранности зерновой продукции являлась почва, в которой выкапывали яму. Разумеется, затапливаемые участки, а также почвы, хорошо пропускающие влагу, для этих целей не годились. Лучше всего подходили склоны, где не задерживалась вода, а также водонепроницаемые почвы. К примеру, у поселения Сан-Хулия де Рамис ямы были выкопаны на склоне, недалеко от р. Тер, в глинистых почвах. Однако этот фактор учитывался не повсеместно, известны случаи, когда зерновые ямы выкапывались в известковых или гранитных породах и других «неудобных» почвах (Burch, Nolla, Sagrera 2010, 393).

Единой формы для зерновых ям не существует. Среди них встречаются с вогнутыми или вертикальными стенками, иногда форма ямы аморфна. Дно некоторых ям было плоским, у других вогнутым, кое-где в основании встречались небольшие ямки (15-20 см диаметром и 15-20 см глубины).

Способы перекрытия зерновых ям также были разнообразны. Иногда для перекрытий небольших ям использовались сланцевые крышки округлой формы диаметром 40-60 см. Были зафиксированы и случаи использования более сложных перекрывающих конструкций. Например, вблизи Эмпориона была обследована яма с крышкой из известняка серповидной в разрезе формы с отверстием по центру. Это отверстие закрывалось камнем, и через него можно было наблюдать, за тем как хранится зерно (рис. 78). Некоторые ямы большого диаметра вовсе не имели постоянного перекрытия. Казалось бы, в небольшой яме, которую можно перекрыть, зерно должно было сохраняться лучше. Но при этом в больших ямах процент зерна находящийся на поверхности или близ стенок и, соответственно, подвергающийся внешним воздействиям, был меньше (Burch, Nolla, Sagrera, 2010, 394). Известны случаи, когда рядом располагались две ямы примерно одного диаметра, но разной глубины. Возможно, в этом случае глубокая яма использовалась для хранения зерновой, а мелкая - для какой-то другой продукции.

Что касается вместимости зерновых ям, то возле оппидума Понтос она колебалась от 306 до 8 500 литров (Asensio, Pons, Furtes, 2007, 127-128).

Хранение зерна в ямах практиковалось в тех случаях, когда продукт надо было законсервировать на средний или длительный срок. Зерно для ежедневного потребления хранилось, вероятно, в амфорах, пифосах и других типах сосудов, которые, скорее всего, находились внутри помещений. То есть зерно, находящееся в зерновых ямах, являлось неким «резервом». Этот запас мог служить для посевов, пищевых запасов или для торговых обменов.

В целом на северо-востоке Пиренейского полуострова было найдено около сотни групп зерновых ям и около 1000 ям было раскопано. Большинство из них располагались рядом с жилищами, иногда внутри поселений, иногда занимая специально отведённое для них пространство.

Исследователями выделяется несколько периодов эволюции в формировании групп зерновых ям (Asensio, Francès, Pons, 2002, 129-130). В рамках нашей работы нас интересуют первые два хронологических периода.

В первый из них (конец VII – конец V вв. до н.э.) зерновых ям было немного, и зоны их концентрации практически не выделялись. Несколько ям этого периода было найдено в Понтосе (одна из них датировалась серединой VII – серединой VI вв. до н.э.; три - серединой VI – серединой V вв. до н.э.; четыре - серединой - концом V в. до н.э. (Pons, Asensio, Bouso, Fuertes, 2005, 363-366)) и около 15 в Ульястрете (средняя датировка – V в. до н.э. (Burch, Nolla, Sagrera, 2010, 397)). В последнем случае ямы располагались внутри внешних стен поселения. Характерно, что в ранний период ямы находились возле тех поселений, особенности построек и инвентаря которых могут свидетельствовать о том, что в них проживала местная аристократия. Из этого можно вывести предположение, что именно правящая прослойка индикетов осуществляла контроль над избытком сельскохозяйственной продукции, и, возможно, над торговлей этой продукцией. Хотя в этот ранний период объём торгового обмена мог быть невелик.

Второй период (начало IV – конец III вв. до н.э.) характеризуется резким ростом как числа зерновых ям, так и их групп. При этом очевидна тенденция к тому, что они группируются возле ограниченного числа поселений. Всего количество выявленных ям этого периода колеблется от 200 до 300. Это число условно, так как зачастую известна датировка только поселений, возле которых были расположены ямы. При этом в ямах возле Ульястрета и Понтоса было найдено значительно большее количество импортной продукции, чем в ямах у других иберийских поселениях (Martin, 2005, 323-345).

Увеличения числа ям в этот период может объясняться в целом интенсификацией сельского хозяйства в регионе. При этом зерновые культуры составляли важную часть в этом процессе, хотя культивировались и другие растения.

Избыток продукции, как уже предполагалось выше, мог служить предметом торгового обмена с греческим Эмпорионом. Со стороны индикетов обмен тоже, скорее всего, контролировался представителями местной знати. Именно в руках правящей группы населения могли концентрироваться импортные предметы роскоши, другие же товары распределялись среди рядового населения. Впрочем, все детали этой торговли, а также её масштаб на сегодняшний день полностью не определены.

С конца III в. число зерновых ям в очередной раз возрастает, но затем в конце II в. до н.э., в связи с изменением политической обстановки в регионе, часть поселений индикетов приходит в запустение. Тем не менее, хранение продукции в ямах продолжало практиковаться вплоть до эпохи Августа, когда в новых политических и экономических условиях данная сельскохозяйственная традиция себя изжила (Burch, Nolla, Sagrera 2010, 391-401).

В целом появление множества зерновых ям в V в. до н.э., рост их числа в IV – III вв. до н.э., существование отдельных групп ям и групп ям при небольших поселениях, а также множество ям вблизи речных торговых путей и возле греческих колоний говорят о том, что значительная часть иберийского населения занималась земледелием, ориентированным, по всей видимости, на торговлю с греческими колониями. Процессы формирования избыточного продукта управлялись предположительно иберийской аристократией, проживавшей в поселениях на возвышенностях – оппидумах. Хронологически видно, как росту торговой активности греков из Эмпориона соответствует и развитие иберийской общины северо-востока Каталонии (Plana-Mallart, 2004, 243-265).

К вопросу о сельской территории греческого Эмпориона.

Традиционно греческий Эмпорион считался городом без своей сельской территории, игравшим основную роль города-порта, что отражено и в его названии (Vallet, 1967, 137). Такая черта предписывалась и другим

фокейским колониям, которые не имели политического и военного контроля над окружающими пространствами. Р. Мартин относил Эмпорион к типу торговых городов, для которых наличие хоры было несущественным (Martin, 1973, 99). Пьер Руяр разделяет понятия «хора» и «зона влияния» и считает, что собственно хорой может считаться только территория, принадлежащая жителям города в прямом смысле слова. Что касается понятия «влияния», то его можно разделить на такие типы как экономическое, ремесленное, культурное, религиозное и военное. Автор проанализировал различные типы «влияния» Эмпориона на свои окрестности (Rouillard, 1991, 263). Есть известный текст Страбона, (Strabo, III, IV, 9), вроде бы говорящий о хоре Эмпориона:

«Поблизости протекает река, которая берет начало в Пиренеях; ее устье служит гаванью эмпоритам. Эмпориты довольно искусны в обработке льняных тканей. Они занимают область внутри страны, одна часть которой плодородна, тогда как другая поросла дроком или разновидностью еще более бесполезного болотного тростника. Эта часть страны называется Юнкарийской равниной. Некоторые эмпориты обитают даже на пиренейских высотах вплоть до Победного памятника Помпея, через который проходит дорога из Италии в так называемую Внешнюю Иберию и в Бетику.»¹⁰

У Страбона говорится о том, что существует две категории земель – плодородные и не плодородные, но не сказано, кому они принадлежат. В окрестностях Эмпориона не найдено ни одной греческой усадьбы, то есть, нет прямой информации о том, что они в какой-либо форме принадлежали грекам. Экономическое влияние было в основном посредническим – распространение монет Эмпориона было ограниченным. Злаки и лён из Ампурдана экспортировались в Средиземноморье, но неизвестно, насколько греки принимали непосредственное участие в их производстве.. Помимо злаковых культур и льна, другие статьи экспорта мало известны, нет никаких сведений о том, чтобы Эмпорион торговал вином или оливковым маслом. В

---

¹⁰Перевод Г.А. Стратановского.

туземных сельских поселениях, расположенных непосредственно вокруг греческого города, сложно проследить какое-то влияние греческой строительной техники. Отсутствие греческих святилищ за территорией Эмпориона не позволяет поднять вопрос о каком-либо религиозном влиянии, равно как и нет никакой информации о политическом, юридическом или военном влиянии.

Таким образом, Пьер Руйяр пришёл к выводу, что в вопросах связи Эмпориона с окружающими его территориями говорить о существовании хоры нет оснований. Было только влияние Эмпориона на окружающие пространства в основном в области торговых обменов (Rouillard, 1991 266-268).

Казалось бы, концепция экономической деятельности в Эмпорионе VI-III вв. до н.э. ясна. Город основывается на территории, где проживают дружественно настроенные индикеты, имевшие достаточный уровень социально-экономического развития для участия в активной торговой деятельности. Освободившись от влияния своего более могущественного соседа Массалии, Эмпорион развивает активную торговлю, где одним из главнейших партнёров выступают Афины. Предметом этой торговли со стороны Эмпориона являлись в основном злаковые культуры, которые культивировались с помощью существующей системы хозяйства индикетов, которая начинает активно развиваться одновременно с ростом и развитием греческого города. Одновременно на территорию иберийских оппидумов поставлялась различная керамика и греческие предметы роскоши. Эта традиционная в течение долгого времени концепция Эмпориона, как образца чисто торговой колонии, была оспорена исследованиями кадастра (Planas-Mallart, 1994 ; Guy, 1999).

При обработке фотографий из космоса и данных аэрофотосъёмки вокруг Эмпориона чётко видно существование какого-то прямоугольного деления территории, называемого условно «кадастром». (рис. 79). Методология изучения кадастров была предложена Ж. Бенуа. Этот

исследователь определяет античный кадастр, как некое разбитое на квадраты пространство, где параллельные и перпендикулярные физические линии образуют квадратные или прямоугольные формы (Benoit, 1985, 25). Он же подчёркивает, что отличить античный кадастр от какого-то другого можно зачастую только по метрическим признакам. При этом неизбежны ошибочные интерпретации. При исследовании Эмпориона, традиционно использовались топографические карты разных масштабов, аэрофотографии и оптическая скамья – устройство для обработки негативов, позволяющая выявить прямоугольные формы на снимке. Другим известным методом было наложение «сетки» – при нём на кальку наносились известные античные единицы длины, и её пробовали совместить с топографическими картами исследуемых районов. В дальнейшем к традиционным методам исследований кадастров добавились исследования космических снимков высокого разрешения при помощи «преобразований Фурье» и сегментаций фотографий (Délézir, 1998, 40-41).

Изучение кадастра около Эмпориона впервые было предпринято в 1987 г. Ж.Е. Борао Монтео, который пришёл к выводу, что он был создан в римскую эпоху (Boraо-Montero, 1987, 277-326). Затем М. Ги, исследования которого носили в основном технический характер, предположил, что этот кадастр частично мог возникнуть и в доримское время (Guy, 1999). Это предположение изменило традиционный подход к Эмпориону, как к городу без территории, так как косвенно доказывало наличие у него хоры. Р. Плана-Маллар посвятила исследованию кадастра и «хоры» монографию и несколько статей (Plana-Mallart, 1994). Прежде всего, автор связывает ориентировку этого кадастра со структурой города. Известно, что в разных регионах греческой ойкумены зачастую можно наблюдать связь между городской топографией и разделением сельской территории (Favory, 1980, 93).

Глядя на строительные остатки Неаполиса, можно констатировать наличие единой строительной ориентировки. Вероятно, она существовала

уже в V в, так как известные постройки этого времени не выходят за её рамки. Ориентировка северной части города отличается от южной небольшим уклоном к западу. Такое часто встречается и в других греческих колониях, иногда это связано с разными функциями у разных районов города.

Город пересекают две основные оси, одна из них соединяет побережье с тем участком, где впоследствии возник римский город, вторая соединяет северную припортовую часть с южной, где была выявлена оборонительная система. Укреплена была только южная часть города, что не удивительно, так как с востока город омывался морем, к северу от него были болота, и территория к западу от холма, на восточном склоне которого возник греческий город, также была заболочена.

Изучая расположение некрополей и карьеров в греческий период (рис. 80), автор пришла к выводу, что они находились к югу от города, вроде бы по сторонам какой-то линии, которая примерно соответствует оси север-юг Эмпориона. Это навело её на мысль о существовании какого-то пути в южные окрестности. Если действительно существовала такая дорога, связывавшая город с его сельской территорией, то видно, как градостроительная структура как бы продлевается за пределы города (Plana – Mallart, 1999, 202-204).

Что касается кадастра, то территорию, где он выявляется, условно можно разделить на три зоны. Первая из них, это холмистая область к югу от Эмпориона. В настоящее время эта площадь застроена, но на картах середины XX в. следы прямоугольного разделения ещё были видны (рис. 81). Это разделение территории осуществлялось с помощью небольших каменных стенок. Точную их датировку определить крайне затруднительно, они могли нести как разграничительную, так и хозяйственную функцию. Некоторые из этих стенок, идущие параллельно склонам, могли служить для удержания почв от эрозии. Тщательно исследовав метрологию этих стенок, автор увидела, что их длина повторяется и обычно она равна 33, 17, 18, 70, 35

м. Учитывая длину ионического фута, равную 0,35 м, расстояние 33-35 м равно линейному плетру, мере длины, использовавшемуся в греческом мире. Соответственно 70 м это 2 плетра, а 17-18 м - полуплетр. Таким образом, автор пришла к выводу, что данная разделительная структура возникла в греческий период. Учитывая большое количество сельских поселений в этой области, она предположила, что здесь мы наблюдаем следы какой-то сельскохозяйственной зоны, зависимой от греческой колонии (Plana-Mallart, 1994, 154).

Вторая зона, где видны остатки кадастра – это некоторые участки речной долины к северо-западу от города до реки Флувия. Здесь существующие грунтовые дороги, каналы и границы земельных участков вроде бы вписываются в реконструированную схему кадастра. Однако интерпретация и датировка этих разделительных элементов сложна, неясно происходят ли они из древней системы. Все эти земли долгое время подвергались колонизации и обработке, и то, что эта структура соотносится с древним кадастром, и причислить эту систему к греческой можно только на основе метрологии.

Третья зона, где прослеживаются следы кадастра – склоны холмов к западу от Эмпориона, ограничивающие речную долину на западе. Характер этих земель схож с землями к югу от Эмпориона – это пологие склоны, пригодные для сельскохозяйственной обработки. Остатки кадастра здесь хорошо выражены, хотя и представлены не повсеместно. Гнёзда концентрации этих остатков заметны в основном на нетронутых дорогами участках. Кадастровые следы здесь, как и на юге, в отличие от равнины, выражены сильнее, поскольку перегородки, их образующие, могли служить и для террасирования.

При этом общие метрические значения для следов кадастра во всех трёх зонах вроде бы укладываются в круглое число ионийский шутов по 0,35 м. Они в основном составляют 210 м (600 футов), 105 м (300 футов), 90 м (250

футов), 60 м (170 шагов). Встречаются ещё величины в 120 м (340 футов), 140 м (400 футов), 150 м (430 футов), 240 м (680 или 690 футов).

Чаще всего встречающиеся значения в 600 и 300 футов, отсылают нас к ионийскому стадию и полу-стадию. Р. Плана-Маллар выдвинула теорию, согласно которой кадастр Ампурьяса мог быть сформирован с помощью квадратных клеров со стороной в 600 футов и площадью в 50 плетров. Он мог делиться на две половины по 300 футов, на 4 части по 150 футов или на 8 по 75 футов. Вторая возможная форма деления – на 6 полос по 100 футов, то есть, по линейным плетрам (Plana-Mallart, 1999, 208-210)

Общая площадь, затронутая древним кадастром, составляет 250 кв. км (25 000 га), следы его прекращаются на расстоянии около 10/15 км от колонии. Проанализировав область распространения этих следов и особенности расположения иберийских оппидумов, которые как бы маркируют границы кадастра, Р. Плана Маллар делает вывод о возможных размерах и границах Эмпорионской хоры (рис. 82). По мнению автора, она ограничена на юге массивом Монгри и рекой Тер, на западе иберийским поселением Понтос и на севере рекой Муга, которая протекает по заболоченным землям (Plana-Mallart, 1994, 112).

В целом, исследователь полагает, что устройство греками кадастра вокруг Эмпориона говорит о принадлежности земель, им затронутым, греческому полису. При этом отсутствие греческих усадеб в окрестностях Эмпориона она объясняет тем, что эти земли обрабатывались, скорее всего, индикетами, которые были теперь втянуты в новую хозяйственную схему. Непосредственно сельскохозяйственный процесс мог управляться иберийской аристократией, проживавшей в укрепленных поселениях – оппидумах. При этом греки привнесли свои навыки по наиболее рациональному использованию земельных ресурсов. Какая-то часть земель могла обрабатываться и греками, проживавшими в городе. Кроме зернового сельского хозяйства, имевшего, вероятно, первостепенное значение, могли существовать и другие его отрасли, такие как скотоводство, и, вероятно,

культивация льна на заболоченных землях, о которой писал Страбон (Plana-Mallart 1999, 211-215).

Теория Планы Маллар встретила определённую критику. Так М. Ги, проведя скрупулёзный анализ всех измерений кадастра, написал, что и Плана-Маллар и Борао Монтео были несколько тенденциозны в своих исследованиях, и что одна метрология не может точно ответить на вопрос о происхождении кадастра вокруг Эмпориона (Guy, 1999, 327-388).

С нашей точки зрения, наличие следов деления, межевания или иного способа разграничения земли, даже если принять версию о греческом происхождении кадастра, вряд ли может служить прямым доказательством принадлежности всех земель, им затронутых, греческому полису. Небольшая группа колонистов, попав на крайний запад греческой ойкумены, оказалась в окружении иберийских племён, уже достаточно исторически развитых. Факт основания колонии возле иберийских поселений, а также скорое переселение с острова Сан-Марти д'Эмпурис на материк свидетельствует, скорее всего, о мирном отношении иберов и об их заинтересованности в торговых отношениях с представителями греческой цивилизации. Многочисленные сведения о совместном проживании в Неаполисе греков и какой-то части индикетов подтверждают теснейшую связь жизни полиса с иберийской общиной. При этом наиболее благоприятным фактором окрестностей Эмпориона являлось наличие плодородных земель, пригодных для выращивания зерновых. Мы видим, как с ростом греческой колонии вокруг неё появляется множество сельских поселений и зерновых ям, служивших для накопления зерна. Сельскохозяйственные работы, связанные с производством избыточного продукта для обмена, были крайне трудоёмки и требовали привлечения людских ресурсов, которыми греки не обладали. Напомним, что все поселения вокруг колонии были иберийскими (Супренков, 2006 ,с. 26). Дифференциация жилищ на этих поселениях и захоронений в некрополях, а также наличие оппидумов – укрепленных поселений на возвышенностях, как и другие сведения, подтверждают факт

существования в иберийской среде правящей прослойки – аристократии. С нашей точки зрения, именно ей и принадлежали основные земли вокруг Эмпориона, и обрабатывались они рядовым иберийским населением, возможно, находившимся в какой-то форме зависимости. При этом греки, безусловно, могли привнести навыки сельского хозяйства, обработки земель и ирригации. Продукты сельскохозяйственного производства обменивались иберийской аристократией на импортную керамику и предметы роскоши, поступающие через Эмпорион, связанный морскими путями с самыми разными торговыми партнёрами. По имеющимся косвенным сведениям Эмпорион был аристократическим полисом, и морская торговля, основной вид городского дохода, должна была находиться в руках аристократической верхушки. При этом рядовым жителям полиса всё-таки должны были принадлежать какие-то земельные участки. Отсутствие греческих сельских поселений в округе Эмпориона наводит на мысль о наличии подобных «наделов» в непосредственной близости от города, то есть так называемой ближней хоры. Хотя нельзя забывать и о письменных источниках, в частности, замечании Страбона, что эмпориты проживали вплоть до Пиренеев. Возможно, что в будущем археологические разведки и раскопки в Каталонии внесут новую информацию о хоре Эмпориона.

Таким образом, на сегодняшний день греческий Эмпорион видится в основном в образе колонии-посредника, удачно повлиявшей на формирование иберийской земледельческой (Домингес Мондеро, 2005, с. 106) общины и связавший её торговыми отношениями с греческим миром

Заключение:

Эллинский полис и его хора на краю ойкумены. Общее и особенное, модели развития.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ материалов изучения двух фокейских колониях Западного и Северо-западного Средиземноморья – Эмпориона и Массалии в период от их основания в VI в. до н.э., до начала крупных потрясений в III в. до н.э., связанных с Пуническими войнами, позволяет говорить о существовании двух моделей полисного развития в этих регионах греческой Ойкумены.

Оба города находились на значительном удалении от основных античных центров Средиземноморья, в окружении многочисленных варварских племён. При этом они смогли просуществовать длительный период и внести каждая свой вклад в историю Западного Средиземноморья, особенно в его, так называемый, греческий период. Но исторические судьбы этих двух городов, основанных общей метрополией – Фокеей примерно в одно время, сложились по-разному.

Что касается их отношений между собой, то, по всей видимости, период наиболее тесных связей приходится на вторую половину VI в. до н.э., а в течение двух последующих веков они в значительной степени сократились. Это видно на примере в частности по керамике Эмпориона: в последней четверти VI в. до н.э. около половины всей посуды здесь было представлено светлоглиняной посудой из Массалии, либо сероглиняной однотонной, которая могла производиться в её окрестностях. Немаловажным показателем является и наличие в ранних слоях Эмпориона массалийских амфор, представлявших почти четверть всего амфорного импорта. Это говорит о том, что во второй половине VI в. до н.э., особенно в его последней четверти, связь между двумя колониями была более прочной, чем во все последующие

времена. В дальнейшем, политически и экономически эти колонии развивались автономно.

Прежде всего, Эмпорион и Массалия существенно отличались по своим размерам. Надо отметить, что археологически Эмпорион изучен лучше, но масштабные археологические раскопки проводилось и в Марселе, и его окрестностях, да и город подробнее описан в древних текстах. Если точные размеры Массалия в архаическую и классическую эпоху нам известны только предположительно, то к эллинистическому периоду полис уже достигал площади в 50 га. Очевидно, что и раньше он превосходил Эмпорион, размеры которого никогда не превышали 5 га, учитывая площадь и Палеополиса, и Неаполиса. Население же Эмпориона, в раннем периоде развития колонии, по-видимому, не превышало 1 500 человек против минимальных 20 000 – 25 000 человек, проживавших в Массалии. Эмпорион был даже меньше соседнего с ним иберийского оппидума Ульястрета.

Эта разница, вероятно, определяется тем, в каких условиях два города оказались в окружении варварских племён, и как сложились их взаимоотношения с ними. Обладающие большим населением, а также военным и техническим превосходством над аборигенами массалиоты, безусловно, могли проводить более самостоятельную и «агрессивную» внешнюю политику, чем колонисты из Эмпориона. Основание Массалией средиземноморских суб-колоний демонстрирует насколько высокий людской и технический потенциал был у данного города. Очевидно, что и коммерческая позиция Массалии также была значительно уверенней. Город мнению ряда исследователей город практически установил в своём регионе торговую монополию; местное население вынуждено было идти на какие-то уступки, действуя в интересах Массалии.

Эмпорион же, судя по всему, имел с окружающими племенами партнёрские и равноправные отношения, включавшие, возможно, даже совместное проживание и смешанные браки. Ситуация враждебности, описанная Титом Ливием, скорее всего, имела место уже с начала общих

политических и экономических потрясений в Средиземноморье в III в. до н.э., когда отношения между греками и аборигенами обострились.

Из-за такого различия в характере взаимоотношений между греками и варварами, можно сделать вывод, что и культурное влияние, которое оказывали греческие колонии на своих географические регионы, в этом случае было разным. При этом, например, греческая письменность, по всей видимости, стала раньше использоваться на иберийских поселениях у Эмпориона, чем на лигурийских у Массалии, что свидетельствует о большем культурном взаимодействии.

Более того, различалось содержание не только культурного, но торгового влияния у этих двух городов. Наиболее наглядно это подтверждается на примере аттической продукции, которую находят во множестве как в Эмпорионе, так и в иберийских оппидумах. По данным Санмартин-Грегора, в первой четверти V в. до н.э. в этом городе 38% изысканной столовой посуды было представлено аттической керамикой. Во второй четверти этого столетия этот показатель составлял 30%; во второй половине V в. до н.э. - 72 %, и, наконец, в первой четверти IV в. до н.э. - 92%. То есть, налицо практически полное её преобладание (Sanmartin-Gregori, 1992, 30). Более того, в период до начала чеканки собственной монеты, аттическая керамика могла служить эквивалентом греко-варварского обмена. При этом известно, что в Галлии эта керамика была представлена слабо, что говорит о более изолированной и самостоятельной политике Массалии, нежели посреднической.

В вопросе о торговых взаимоотношениях между самими рассматриваемыми полисами интересен тот факт, что амфоры из Массалии начиная с V в. до н.э. были обнаружены в Эмпорионе и окрестностях в незначительном количестве, и оно сокращалось. К примеру, если доля амфор из Массалии и иберо-пунических в Эмпорионе было 15% против 65% в первой четверти V в. до н.э., во второй четверти это соотношение было уже

6% против 69%, а во второй половине столетия - 8,45 % против 73,24 % (Sanmarti-Grego, 1992, 36).

Данная динамика подтверждается и исследованиями в Ульястрете, где амфоры из Массалии представлены слабо. При этом, как известно в восточном Лангедоке и Провансе, эти амфоры преобладали над остальными.

Таким образом, судя по всему, в V-IV вв. до н.э. существовали две отдельные экономические зоны, на которые соответственно распространялось торговое влияние Массалии и Эмпориона.

Что касается географии этих зон, то можно предположить, что греческий импорт, который находят на Балеарских островах, а также на юге Испании может объясняться тем, что зона влияния Эмпориона распространялась вплоть до этих территорий. Среди импортных предметов здесь находки амфор из Массалии крайне редки, зато во множестве встречается аттическая керамика.

Относительно же зоны влияния Массалии известно, что в восточном Лангедоке и Провансе с V по II вв. до н.э. находки фрагментов её амфор, серебряных массалиотских оболов и столовых ваз, произведённых в Массалии или её окрестностях, значительно преобладали над всеми другими импортными изделиями.

Однако эти зоны экономического влияния не были полностью разделены, и имели какие-то участки пересечения. К примеру, в Агатэ широко представлены как иберо-пунические амфоры так и серая однотонная керамика из Массалии.

Сказав коротко о торговом влиянии, попробуем рассмотреть теперь крайне важный для нас вопрос о социально-политическом устройстве двух колоний.

Это сравнение затруднено, поскольку определённые письменные сведения мы имеем только о Массалии. Устойчивая аристократическая система этого полиса описывалась неоднократно. Что же касается Эмпориона, то, по мнению специалистов, подобная система могла

существовать в этом городе только в течение первого столетия жизнедеятельности колонии. Далее, она должна была эволюционировать. Сама малочисленность города могла привести к тому, что все граждане стали полноправными – это должно было консолидировать население, проживающее среди варварских племён. Это утверждение находит и археологическое подтверждение. С превращением эмпория в полис должны были сформироваться новые социальные слои, и структура, существовавшая в эмпориальном периоде, должна была нарушиться. Именно эта демократизация общества способно была позволить образоваться в IV в. до н.э. смешанному полису, где проживало греко-варварское население и существовали общие законы, о чём нам говорит Страбон. (Нечто похожее происходило и в более позднем, но хорошо знакомом нам Танаисе. Сходство последнего с Эмпорионом очевидно и ещё по ряду «параметров».) Археологически этот тезис может находить своё отражение в том, что в некрополях классического времени не было найдено захоронений, сильно отличающихся по богатству инвентаря от прочих. В основном они содержали предметы, характерные для рядового населения. Домашняя архитектура на примере исследованных построек также характеризовалось единообразием. Для VI-V вв. до н.э. мы не имеем об этом исчерпывающих археологических сведений, но, по крайней мере, в IV в. до н.э. жилые дома Эмпориона не превосходили по величине и удобствам домов на иберийских поселениях. Судя по всему, жизнь в греческом городе отличалась простотой и суровостью, и, скорее всего, социально-политическое устройство Эмпориона было ближе к демократическому (Sanmarti-Grego, 1992, 27-40).

Что же касается внешней политики, то, безусловно, Массалия была политически более активной. Город не только противостоял своей военной силой варварам, но и участвовал в крупных войнах Средиземноморья, в отличие от затерянного на далёком западе Эмпориона.

Тем не менее, рассматривая эти города в контексте их сельской территории, мы видим как различия, так и общие черты. В окрестностях

Массалии, как и Эмпориона отсутствуют (или не найдены) какие-либо крупные греческие поселения, храмы, крепости, усадьбы. Напротив, и тот и другой города окружали укрепленные варварские поселения. Это, на наш взгляд, мало соотносится с тезисом о том, что удаленные от городов территории могли напрямую принадлежать грекам. По всей видимости, как и в окрестностях Эмпориона, за стенами Массалии греки практически не проживали. Тезис о том, что лигурийские оппидумы могли охранять (от кого?) территории, принадлежавшие Массалии, так же на наш взгляд не убедителен. Эти оппидумы, действительно, были эллинизированы в значительной степени, но на сегодняшний день исследователи считают их всё-таки варварскими. Думается, именно лигуры и обрабатывали плодородные земли устья Роны, пусть это было, в том числе, и в интересах торговой деятельности, инициатором которой была массалиотская аристократия. Принадлежать же грекам непосредственно могли виноградники в окрестностях Массалии, не слишком удаленные от города (ближняя хора). Все остальные пространства устья Роны и Дюранс, лишь входили в зону влияния Массалии или даже, как предложил П. Арселин, составляли его «зону влияния».

Положение существенно изменилось только во второй половине III в. до н.э., когда взаимоотношения массалиотов и лигуров стали подвергаться внешним мощным воздействиям.

В целом же, успеху и богатству Массалии способствовала именно торговая деятельность и, как и в случае с Эмпорионом, (повторяя слова П. Левека (Léveque, 1992, 387)), удачный взаимовыгодный симбиоз с варварскими народами.

Разумеется, нельзя полностью отрицать, что для рассматриваемых колоний, как и для древних обществ в целом, сельское хозяйство играло важнейшую роль. В Эмпорионе его основой было выращивание зерновых, в Массалии наряду с ним важную роль играло и виноградарство. Очевидно, что наличие земельных ресурсов – ключевой показатель для аграрной

экономики. При этом эти полисы Западного Средиземноморья не стали или не смогли осуществлять прямой захват окрестных территорий, их раздел и обустройство. Объясняться это одними внешними факторами может в случае с Эмпорионом – там греки просто не обладали для этого достаточными ресурсами. Однако, военная мощь существенно более многочисленной Массалии хорошо отражены в античной письменной традиции.

На наш взгляд, данное различие в организации хоры может объясняться и «внутренними» причинами, то есть, разницей в устройстве полисов. По-видимому, Массалия и Эмпорион не имели такой значимой потребности в создании сельских греческих поселений, как, скажем, полисы Великой Греции. И это не может быть обусловлено только большей нацеленностью этих полисов на торговую деятельность. Важнейшую роль играла и социально-политическая организация городов. Античная традиция, как уже неоднократно отмечалось выше, подчёркивает аристократический характер полисной структуры Массалии, что отчасти подтверждается и сильной дифференциацией его некрополей. Казалось бы, налицо некое противоречие: ведь, так сказать, классический греческий аристократ, это, прежде всего, крупный землевладелец. А что если соответствующая социальная структура и организация этих городов просто не предусматривала наделения всех граждан земельным наделом? (Что, опять-таки, просто немыслимо, «с точки зрения» классического полиса.) Их жители, безусловно, могли обладать небольшими земельными участками вблизи городов, не проживая на них постоянно. Но часть рядового население Массалии могло в первую очередь работать в интересах торговли, находившейся в руках аристократической верхушки. Вспомним о следах виноградников, которые находят на окраинах современного Марсея, а также о большом ремесленном квартале Массалии, предназначенном для керамического производства и расположенном в северной части античного города. Не значит ли это, что в этом районе греческой ойкумены действительно полноправное население аристократических по форме организации власти полисов в принципе не

являлось крупными землевладельцами и не проживало за пределами городов?

Впрочем, вполне возможно, что результаты будущих разведок и раскопок на территории Каталонии и Прованса, регионов, исследованных археологически не исчерпывающе, полностью поменяют эту, действительно, несколько необычную на сегодняшний день точку зрения.

Итак, отвечая на задачи, поставленные нами в настоящей работе, мы можем констатировать следующее. На рассмотренном нами историческом примере продемонстрировано, что в ряде случаев, разные модели организации хоры греческих городов на краю ойкумены являются следствием в том числе и разных вариантов адаптации их жителей к множеству внешних и внутренних факторов.

Мы рассмотрели историю двух греческих колоний, расположенных на крайнем Западе эллинского мира в период с VI по III вв. до н.э. В это время здесь имело место основание городов, их развитие и становление, как полисных организмов, игравших определённую политическую, экономическую и культурную роль, каждый в своём регионе. Завершается этот хронологический период серьёзными потрясениями, вызванными разными, но по большей части внешнеполитическими событиями, в ходе которых хозяйственный потенциал, политический статус, социальная структура, этнический состав, да и жизненный уклад населения Массалии и Эмпориона поменялся и они вступили в новую историческую эпоху, выходящую за рамки данного исследования.

Ключевой темой для нашей работы стал вопрос о взаимоотношениях греков с местным населением и, как неизбежное следствие – о характере, форме и организации сельских территорий этих колоний. Попутно, более или менее подробно в разных случаях, были рассмотрены и общеисторические вопросы, необходимые для понимания основной проблематики. В том числе – динамика развития самих указанных городов.

В результате, мы познакомились с разными способами адаптации полисов к тем условиям, с которыми они столкнулись в своём историческом развитии. В этом играли роль такие факторы, как географическое положение колоний, степень их удалённости от центров античного мира, численность колонистов, близость туземных поселений и их характер, степень «развитости» аборигенов и эволюция греко-варварских отношений. Оказали воздействие на судьбы местных греческих колоний и глобальные события, происходившие в рассматриваемый период в античном мире, а также их внутренняя социально-политическая организация. Все указанные факторы повлияли и на то, каким образом происходило взаимодействие греческих городов с их ближней и дальней округой. Это взаимодействие напрямую связано с вопросом землевладения, важнейшим в принципе для древних обществ, основой экономики которых было сельское хозяйство. В результате возникли модели «хоры», которые, по-видимому, не предусматривали активного, а главное непосредственного расселения на сельской территории собственно греческого населения. В окрестностях Массалии и Эмпориона не известно сколько-либо масштабных сельских поселений. Напротив, в непосредственной близости от них расположены варварские «оппидумы», занимающие, в том числе, и господствующие высоты. В случае с Эмпорионом соседствующий с ним оппидум Ульястретт и вовсе существенно превышал по размерам греческую колонию. Для регионов, расположенных ближе к центру античной ойкумены, подобная ситуация весьма нетипична.

Таким образом, проведённый нами опыт историко-археологического сравнения показывает, в том числе и то, что традиционные виды «торговой» или «территориальной» колонизации имеют переходные формы. Несмотря на общие закономерности исторического развития античного общества, в каждом конкретном случае на него влияют внутренние и внешние факторы, под воздействием которых могут формироваться индивидуальные модели, в частности: организации сельских территорий греческих колоний.

1. Список литературы:

- 1) *Домингес Монедеро А.Х.* 2005: Греки в Иберии и их контакты с туземным миром // ВДИ 4 .с. 88-108.
- 2) *Козловская В.И.*, 1990: Эвбейско-ионийская колонизация Центрального Средиземноморья VIII-VI вв. до н.э. Сущность, типология, значения. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.
- 3) *Козловская В.И.*, 2006: Фокея и Западный Лангедок. Агата: От туземного Эмпория к западно-ионийскому полису // Античная цивилизация и варвары. М., с. 73-88.
- 4) *Козловская В. И. , Коротких Л. М.* 2011: Греки и иберы в районе Галльского залива: механизм их взаимодействия и его особенности (К вопросу о новых подходах и перспективах). Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 2. Выпуск 8.
- 5) *Коротких Л.М.*, 1983: Фокейская колонизация Испании, Эмпорион. Диссертация на соискания ученой степени кандидата исторических наук, Л.
- 6) *Коротких Л.М.* 1999: Древняя история и археология Западного Средиземноморья. Воронеж.
- 7) *Коротких Л.М.*, 2003: Древняя история иберийского полуострова, формирование иберийской культуры. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук, Воронеж.
- 8) *Супренков А.А.* 2006: Новая информация о хоре города Эмпорион. Проблемы истории, филологии, культуры № 16 том 1, Москва-Магнитогорск-Новосибирск, с. 23-28.
- 9) *Супренков А.А.* 2011: Эмпорион: греко-варварский симбиоз на крайнем западе эллинского мира // ПИФК 4 (34) Москва-Магнитогорск-Новосибирск, с. 337-358.

- 10) *Супренков А.А.* 2013: Сельская территория Массалия в VI-III вв. до н.э.: по данным археологии // *Российская археология*, № 4. М. с. 45-57.
- 11) *Циркин Ю.Б.*, 1990: Аристотель и основание Массалии // *Античная история и культура*. Выпуск 8. Саратов, с. 11-21.
- 12) *Циркин Ю.Б.*, 2004: Основание Карфагена и Массалии: некоторые аналогии. // *Studiahistorica*. Вып. 4. М., с. 44-61
- 13) *Циркин Ю.Б.* История Древней Испании. СПб. 2011.
- 14) *Alberch X., Burch J.*, 2002 : El mon antic // *Història de Girona*. Girona, p.131-211.
- 15) *Almagro. M.*, 1951: Les inscripciones ampuritanas griegas, ibéricas y latinas // *Monographiques d'Empuries II*. Saragosse.
- 16) *Almagro. M.*, 1953, 1955 : Las necropolis de Ampurias. Barcelone.
- 17) *Almagro. M.*, 1958: Ampurias. Histoire de la cité et guide des fouilles. Barcelone.
- 18) *Arcelin P.*, 1986: Le territoire de marseille greque dans son contexte indigène // *EM 1*, pp. 43-104.
- 19) *Aquilué X., Santos M., Buxo R., Trémoleda J.* 1999 : *Intervencions arqueològiques a Sant Martí d'Empúries (1994-1996). De l'assentament colonial a l'Empúries actual* // « Monografies Emporitanes » 9, Barcelone.
- 20) *Aquilué X.*, 2008: Cent anys d'exavationes archeologiques a Empúries. *Annals de l'institut d'Estudis Empordanesos*. V. 39, pp. 15-39.
- 21) *AQUILUE, X., CASTANYER, P., SANTOS, M. et TREMOLEDA, J.*, 2000 : Les céramiques grègues arcaïques de la Palaiapolis d'Empúries // *Ceràmiques jònies d'època arcaica. Centres de producció i comercialització al Mediterrani Occidental* // *Monografies Emporitanes 11*. Barcelone, p. 285-346.
- 22) *Aquilué X., Castanyer P., Santos M., Trémoleda J.*, 2002: Nuevos datos acerca del habitat arcaico de la Palaia Polis de l'Emporion // *Pallas 58*, pp. 301-327.

- 23) *AQUILUE, X., CASTANYER, P., SANTOS, M. et TREMOLEDA, J., 2008 : Noves evidències del comerç fenici amb les comunitats indigènes de l'entorn d'Empúries // Contactes. Indígenes i fenicis a la Mediterrània Occidental entre els segles VIII i VI a. n. e., Simposi d'Arqueologia d'Alcanar. Barcelone, p. 171-190.*
- 24) *Aquilué X., Castanyer P., Santos M., Trémoleda J., 2010: Grecs et indigènes aux origines de l'enclave phocéenne d'Emporion. // BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008), pp. 65-78*
- 25) *Arafat K., Morgan C., 1994: Athens, Etruria and the Heuneburg: mutual misconceptions in the study of Greek–barbarian relations // Classical Greece: ancient histories and modern archaeologies, pp. 108–134.*
- 26) *Asensio D., Francès J., Pons E., 2002: Les implicacions econòmiques i socials de la construcció de reserves de cereals a la Catalunya costanera en època ibèrica // Cypsela 14 p. 125-140.*
- 27) *Asensio D., Pons E. Fuertes M., 2007: La darrera fase d'ocupació del mas Castelar de Pontós (Alt Empordà, Girona) // De kerunta a Gerunda. Els orígens de la ciutat, pp. 97-131.*
- 28) *Baillon J., Magnan F., 1908:Fouilles archéologiques dans le vieux Marseille // Bull. Soc. Arch. de Provence 11. pp. 23-26, 51-52.*
- 29) *Barthélemy L., 1889 : Histoire d'Aubagne, chef-lieu de baronnie depuis son origine jusqu'a 1789. Marseille.*
- 30) *Bats M., 1986: Le territoire de Marseille grecques - reflexions et problèmes // EM 1, pp. 17-41.*
- 31) *Bats M., 1992: Marseille, les colonies massaliètes et les relais indigènes dans le trafic le long du littoral méditerranéen gaulois (VI-I s. av. J.-C.) // EM, 3. pp. 263-278.*
- 32) *Bats M., 1998: Marseille archaïque. Etrusques et phocéens en Méditerranée nord-occidentale // MEFRA, Volume 110, Numéro 2 pp. 609 – 633.*

- 33) *Bats M., 2005: L'économie de Marseille antique, la période hellénistique (350-50 av. J.-C.) // CAG. Marseille et ses alentours. pp. 269-271.*
- 34) *Bats. M., 2012: Les Phocéens, Marseille et la Gaule (VII-III siècles av. J.-C.) // REA 89.*
- 35) *Bats M., Guyon J., Tréziny H., 2005: Corpus des principales sources littéraire sur Marseille antique // CAG. Marseille et ses alentours. Paris, pp. 145-149.*
- 36) *Belarte M.C. 1997 : Arquitectura doméstica i estructura social a la Catalunya protohistòrica. Barcelona.*
- 37) *Benoit F., 1936: Carte archéologique de la Gaule romaine. Carte (partie occidentale) et texte complet de département du Bouche-du-Rhône. Paris.*
- 38) *Benoit F., 1965: Recherches sur l'hellinisation du Midi de la Gaule. Aix-en-Provence.*
- 39) *Benoit J., 1985: L'étude des cadastre antiques : à propos d'Olbia de Provence // DAM 8, pp. 25-48.*
- 40) *Bérar J., 1960: L'expansion et la colonisation greque jusqu'aux guerres médiques. Aubier.*
- 41) *Bernard L., Collin-Bouffier S., Tréiny H., 2010: Grecs et indigènes dans le territoire de Marseille // BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008). pp. 131-145.*
- 42) *Bertoucchi G., 1990: Les amphores massaliètes à Marseille: les différentes productions // EM 2, pp. 15-20.*
- 43) *Boissino tPh. 2010: Des vignobles de Saint-Jean du Désert aux cadastres antiques de Marseille // BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008), pp. 147-155.*
- 44) *Borao Monteo J.E., 1987: Las posibles centuruaciones ampuritanas // Annals de l'Institut d'Estudis Empordanesos, 20, pp. 227-326.*

- 45) *Bosq P.-J. et Ch. L.*, 1854: Recherche sur les anciennes usines ou fabriques de poteries et de briqueterie dans le département du Bouche-du-Rhône // Rép. travaux Marseille 17, pp. 352-382.
- 46) *Bouloumié B.* 1985: Les vases de bronze étrusques et leurs diffusion hors d'Italie // *Il commercio etrusco arcaico*, pp. 167–178.
- 47) *Bouloumié. B.*, 1986: Le massif de l'étoile et les oppida au nord de Marseille // *EM 1*, pp. 113-116.
- 48) *Bravo B.*, 1977: Remarques sur les assises sociales, les formes d'organisation et la terminologie du commerce maritime à l'époque archaïque. // *DHA*, Volume 3, Numéro 1, pp. 1 – 59.
- 49) *Bravo. B.*, 1984: Commerce et noblesse en Grèce archaïque. À propos d'un livre d'Alfonso Mele // *DHA*, Volume 10, Numéro 1, pp. 99 – 160.
- 50) *Bresson A.*, 1993: Les cités grecques et leur emporia // *PP-26. L'emporion. Textes réunis par Alain Bresson et Pierre Roillard*, pp. 163-226.
- 51) *Buisson-Catil J.*, 200 : Periode préhistorique // *Préhistoire et protohistoire. CAG Marseille et ses alentours*. pp. 113-116.
- 52) *Burch J., Nolla J-M., Sagrera J.*, 2010: Le système de stockage en silos sur le territoire ibérique aux environs d'Emporion // *BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008)*, pp. 391-401.
- 53) *Burch J., Nolla J-M., Sagrera J.*, 2010: L'oppidum ibérique de Sant Julia de Ramis // *BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008)*, pp. 119-129.
- 54) *BUXO, R.*, 2001 : *L'origen i l'expansió de l'agricultura a l'Empordà, del Neolític a la Romanització*. Gérone.
- 55) *Cabrera P.*, 2003 : *Ceramicas griegas y comercio fenico en el Mediterraneo occidental. Contactos en el extremo de la oikoumène : los Griegos en Occidente y sus relaciones con los Fenicos. Treballs del Museu Arqueologic d'Eivissa i Formentera 51*. Ibiza p. 61-86.

- 56) Casas S, Codina F, Margall G, Martin A, Prado J, Patino S. 2005: Els temples de l'oppidum Ullastret. Apartocions al seu coneixement // Mon iberic al Països Catalans XIII vol. 2 pp. 989-1001.
- 57) CASAS J., SOLER V., 2004 :*Intervenciones arqueológicas en Mas Gusó (Gerona). Del asentamiento precolonial a la villa romana* // BAR International Series 1215, Oxford.
- 58) Chtcheglov A. 1992: Polis et Chora. Cité et territoire dans le Pont Euxin. Bésançon.
- 59) Clavel-Léveque M., 1977: Marseille grecque. La dynamique d'un impérialisme marchand. Marseille.
- 60) Clerc M., d'Angel A., 1904: Découvertes archéologique à Marseille. Marseille.
- 61) Clerc M., 1915: G. Vasseur, *L'origine de Marseille ; fondation des premiers comptoirs ioniens de Massalia vers le milieu du VIIe siècle. — Résultats de fouilles archéologiques exécutées à Marseille dans le Fort Saint-Jean (Annales du Musée d'Histoire naturelle de Marseille, t. XIII, 1914).* REA. Tome 17, 1915, n°4. pp. 300-303.
- 62) Clerc M., 1927-1929. Massalia. Histoire de Marseille dans l'antiquité dès l'origine à la fin de l'Empire romain d'Occident (476 av. J.-C.). Marseille.
- 63) Collin Bouffier S., 2005: Marseille pendant l'antiquité grecque et romaine // CAG Marseille et ses alentours. pp. 217-224.
- 64) Collin Bouffier S., 2009: Marseille et la Gaule méditerranéenne avant la conquête romaine // *Pallas* 80, pp. 35-60.
- 65) Décour J-Cl., 2005 : Inscriptions grecques de France. Lyon.
- 66) Décour J-Cl., Gascou J., Guyon J., 2005 : L'épigraphie // CAG Marseille et ses alentours. pp. 160-216.
- 67) Délézir J., 1998: Une approche du cadastre grec d'Ampurias/Emporion (Catalogne, Espagne) : La télédétection satellitaire appliqué à l'archéologie. // *Nouvelles de l'archéologie*, no 74, pp. 40-41.

- 68) *DUPRE, X.*, 2005 : Terracotas arquitectónicas prerromanas en *Emporion* // *Empúries*, 54, Barcelone, p. 103-123.
- 69) *Euzennat M.*, 1976: Les fouilles de la Bourse à Marseille // CRAI no 3, pp. 529-552.
- 70) *Favory F.*, 1980: Propositions pour une modélisation des cadastres ruraux antiques // Cadastres et espace rural. Approches et réalités antique. Table rond de Bésançon.
- 71) *Florez E.*, 1957: Medallas de las Colonias, municipios y pueblos antiguos de España.. Madrid.
- 72) *Forgasy P.*, 1883: Historia del Ampurdán. Barcelone.
- 73) *Gantès L.-F., Moliner M.* 1990: Marseille, itinéraire d'une mémoire. Cinq années d'archéologie municipale. Catalogue d'exposition. Musée d'histoire de Marseille.
- 74) *Gantès L.-F.*, 1992: La topographie de Marseille grecque. Bilan des recherches (1829–1991) // EM 3, pp. 71–88.
- 75) *Garcia D.*, 1995: Le territoire d'Agde greque et l'occupation du territoire en Languedoc central durant l'Age du fer // EM 4, pp. 137-167.
- 76) *Garcia D., Isoardi D.*, 2010 : Variations démographiques et production des céréales en Celtique méditerranéene: le rôle de Marseille grecque // BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008), pp. 403-424.
- 77) *Garcia F., Gracia D., Munilla G.* 2000 : Puid de Sant Andreu (Ullastrett, Girona). Zona univesidad de Barcelona. Interventiones 1997-1999. // V Journal d'archeologia et les Comarques de Girona. Olot, pp. 3-67.
- 78) *Garcia-Vallès M.T.* 1999 : El material lític : estudi petrographic // Excavations archeológicas a l'Illa d'en Reixac (1987-1992) // Monographies d'Ullastrett 1, pp. 217-224.
- 79) *Gras M.*, 1987: Marseille, la bataille d'Alalia et Delphe // DHA, volume 13 no 1, pp. 161-181.

- 80) *Gras M.*, 1993: Pour une Méditerranée des emporia // PP-26. L'emporion. Textes réunis par Alain Bresson et Pierre Rouillard, pp. 103-112.
- 81) *Gras M.*, 1995: Sur les pas des Grecs en Occident // EM 4, pp. 363-366.
- 82) *Gras M.*, 2004: Les etrusque vue de la Gaule. Echanges maririmes et implantations // DAM 27, pp. 213-235.
- 83) *Grenier A.*, 1949: La colonie marseillaise d'Ampurias et les fouilles archéologiques de Catalogne // CRAI no 4, pp. 323-329.
- 84) *Grosson J.-B. B.*, 1773: Almanach historique de Marseille, contenant les éphémérides, calculées sur son méridien, et l'état raisonné de l'église ; du gouvernement civil et militaire; de la marine; des tribunaux; de la municipalité; des académies et de tout ce qui peut servir à donner une notice exacte de ce qui se trouve en cette ville; avec les noms et les adresses des personnes constituées en dignités. Marseille.
- 85) *Grosson J.-B. B.*, 1773: Recueil des antiquités, et monumens marseillois, qui peuvent intéresser l'histoire et les arts. Marseille.
- 86) *Guy. M.*, 1999: Le parcellaire autour d'Emporion : colonisation et continuité de l'occupation. Pallas 50, pp. 327-338.
- 87) *Guyot-Rougemont C., Rougemont G.*, 2005: Marseille antique, textes littéraires grecques et latins // CAG Marseille et ses alentours, pp. 141-148.
- 88) *Hermery A.*, 2005: Les cultes grecques et romaines // CAG Marseille et ses alentours, pp. 287-291.
- 89) *Hermery A., Hesnard A., Tréziny A.*, 1999: Marseille grecque. La cité phocéenne (600-49 av. J.-C.). Marseille.
- 90) *Jacobsthal P., Neuffer E.*, 1933: Gallia Craeca. Recherches sur l'hellinisation de Provence // Préhistoire II, p. 1-64.
- 91) *July J.J.*, 1976: Importations attiques dans la Néapolis d'Empuries // Revue belge de philologie et d'histoire. Tome 54, fasc. 1, pp. 25-51.
- 92) *July J.J.*, 1982: Céramique grecque ou de type grecque et autre céramiques en Languedoc méditerranéen, Roussillon et Catalogne Vile - IVe s. avant notre ère et leur contexte socio-culturel. Paris.

- 93) *Léveque P.*, 1992: Les populations indigènes de la Gaule et les grecs // EM 3, pp. 383-288.
- 94) *Llorens J.M., Mataró M.*, 1999 : La trama urbana i les àrees de circulació // Excavatuions arqueològiques a l'illa d'en Reixac (1987-1992). Girona, p. 35-38.
- 95) *Marcet R., Sanmarti E.*, 1990: Empuries. Barcelona.
- 96) *Marca de P.*, 1972: Marca hispánica. Base.
- 97) *Marimonde J.M.*, 1803: Compendio histórico, resumen y descripción de la antiquísima ciudad de Empurias. Barcelone.
- 98) *Martin. R.*, 1973: Rapports entre les structures urbaines et les modes de division de l'exploitation du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne, pp. 97-112.
- 99) *Martin A., Genis M.T.*, 1993: Els gesiments hèberics del Puig de Sera (Serra de Daro), segles VI-IV Ac // Estudis del Baix Emporda 12, pp. 12-48.
- 100) *Martin A.*, 1998 : Les cabanes enfonsades d'en Illa d'en Reixac : et problema de la primera edat del Ferra a Ulliastret, Baix Emporda // Cypsela 12, pp. 47-61.
- 101) *Martin A. Casas S., Codina F., Margall J., Prado G de.*, 2004: La zona 14 de l'oppidum del Puig de Sant Andreu d'Ullastret. Un edifici dels segles IV i III aC. Cypsela 15, 265-284.
- 102) *Martin A.*, 2005 : Territoris i Habitat al nord-est catalana en època hèberica. Mon hèberic als Països catalans XIII, vol. 1. Puigcerda, pp. 323-345.
- 103) *Martin A., Plana R., Codina F., Gay C.* 2008 : El jaciment Camp d'en Gou/Gorge d'en Battle, un barri periurba de l'oppidum d'Ullastret (Baix Emporda). Cypsela 17, 161-183.
- 104) *Martin A., Codina F., Plana R., Pradode G.*, 2010: La site ibérique d'Ullastret (Baix Emporda, Catalogne) et son rapport avec le monde colonial méditerranéen // BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la

- mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008), pp. 89-104.
- 105)** *Martin A., Plana R., Caravaca J.* 2000 : Les activiras artesanals als poblats d'Ullastrett (Baix Emporda, Girona) i en el seu territori // Ibers aricultors artisans et comerciants /// III Reunio sobre Economia en el Mon Heberic, Valencia, p. 249-256.
- 106)** *Masdeu J. F.*, 1785 : Historia critica de España, y de la cultura española. Madrid.
- 107)** *Menulis F.*,2010: Les grandes sites de l'Antiquité : Ampurias Catalogne, Espagne : Ville grecque et romaine // L'Archéologue, Archéologie nouvelle, no 109, pp. 60-66.
- 108)** *More J-P.*,1975: L'expansion phocéenne en Occident: dix années de recherches (1966-1975). // Bulletin de Correspondance Hellénique, Volume 99, Numéro 2, pp. 853 – 896.
- 109)** *Moret P.*, 2010: La diffusion du village clos dans le Nord-Est de la péninsule Ibérique et le problème architectural de la Palaia Polis d'Emporion. // BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008), pp. 329-332.
- 110)** *Pasqualini M.*, 1997: Des îles côte à côte. L'histoire de peuplement des îles de l'antiquité à Moyen Age (Provence, Alpes maritimes, Ligurie, Toscane) // Actes de la table ronde de Bordighera.
- 111)** *Passa de J.*, 1823:Notice historique sur la ville et le comté d'Empuries. Paris
- 112)** *Pena. M.-J.*,1985: Le problème de la supposée ville indigène à côté d'Emporion. Nouvelles hypothèses // DHA volume 11, no 1, pp. 69-83.
- 113)** *Pena. M.-J.*,2000: Les cultes d'Emporion // EM-6, pp. 59-68.
- 114)** *Plana R., Crampe B.* 2004 : El poblament rural a l'entorn de l'oppidum d'Ullastrett: l'hàbitat de tipus polinuclear. Cypsela 15, 251-264.

- 115) *Plana Mallart R.*, 1994: La chora d'Emporion, Paysage et structures agraires dans le nord-est catalan à la période pré-romain. Paris.
- 116) *Plana-Mallart R.*, 1999: Cadastre et chôra ampuritaine // BCH, suppl. 34., Territoire des cités grecques. Acte de la table ronde internationale organisée par l'Ecole Française d'Athènes, pp. 199-215.
- 117) *PLANA-MALLART, R.*, 2001 : *D'emporion à Emporion : la colonie et son territoire, dans Problemi della « chora » coloniale dall'Occidente al mar Nero* // Atti del XL convegno di studi Sulla Magna Grecia. Taranto, p. 545-566.
- 118) *Plana-Mallart R.*, 2004: Grecs et peuples indigènes dans l'extrême Nord-Est de la Péninsule Ibérique: communautés agraires et économie rurale // Pallas-64, pp. 243-265.
- 119) *Plana-Mallart. R.*, 2012: La présence grecque et ses effets dans le Nord-Est de la péninsule Ibérique (VIIe – début du IVe siècle av. n. è.) // REA 89, pp. 157-178.
- 120) *Ponz A.*, 1788: Viage de España, En que se da noticia de las cosas mas apreciables y dignas de saberse que hay en ella. Madrid.
- 121) *Pons E., Asensio D., Bouso M., Fuertes M.*, 2005: Noves aportacions sobre la periodització del jaciment de Mas Castellar de Pontòs (Alt Empordà) // Món ibèric als Països Catalanas. Vol. I. Puigcerdà, 361-377.
- 122) *Pons E., Asensio D., Fuertes M., Bouso M.*, 2010: El yacimiento del Mas Castellar de Pontos (Alt Empordà, Girona): un nucleo indigena en la orbita de la colonia focea de Emporion // BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008), pp. 105-127.
- 123) *Prado G.* 2008 : La gestio de l'aigua a l'oppidum del Puig de Sant Andreu (Ullastrett) // Cypsela 17, 185-200.
- 124) *Pujades de J.*, 1609: Coronica universal del principat de Cathalunya. En casa de Hieronym Margarit.

- 125) *Py. M.*, 1993: Les Gaulois du Midi de la fin de l'Age du bronze à la conquête romaine. Paris.
- 126) *Quintanilla P.M.*, 1845. Ampurias (Castillo de San Martin de) // Diccionario geográfico-estadístico-histórico de España y sus posesiones de ultramar/por Pascual Madoz. Tome II. p. 258-262.
- 127) *Rothé. M-P.*,2005: Histoire des recherches à Marseille et son arrière-pays // CAG. Marseille et ses alentours, pp. 93-105.
- 128) *Rouillard P.*, 1991: Les grecs et le Péninsule Ibérique du VIII au III siècles avant Jésus-Christ // PP – 21.
- 129) *Rouillard P.*, 1993: Histoire et archéologie de la Péninsule Ibérique. Vingt ans de recherches 1968-1987. Paris.
- 130) *Ruffi A. et L. A. de* 1642: Histoire de la ville de Marseille contenant tout ce qui s'y est passé de plus mémorable depuis sa fondation. Marseille.
- 131) *Sanmarti E.*, 1986: La datation de la parti centrale du rempart méridional d'Emporion. // DAM, 9, pp. 81-110.
- 132) *Sanmarti E., Castanayer P., Termoleda J.*, 1990: Les amphores massaliètes d'Emporion du milieu du VI au milieu du IV s. av. J.-C. // EM 2, pp. 165-170.
- 133) *SANMARTI, J., ASENSIO, D. et MARTIN, A.*, 2002 : Les relations comercials amb el món mediterràni dels pobles indigènes de la Catalunya sudpirinenca durant el període tarδοarcaic (ca. 575-450 aC) // *Cypsela*, 14, p. 69-106.
- 134) *Sanmarti J.*, 2010 : Demografia y cambio socio-cultural : el caso de Iberia septentrional // *Arqueologia de la poblacion* // *Arqueologia Espacial* 28. Turuel, pp. 91-108.
- 135) *Sanmarti-Grego E., Santiago R.*,1988: La lettre grecque d'Emporion et son contexte archéologique in *Epygraphie et numismatique* // RAN vol. 21, pp. 3-17.
- 136) *Sanmarti-Grego E.*, 1992: Masalia et Emporion : une origine commune, deux destins différents // EM 3, pp. 27-41.

- 137) *SANTIAGO, R. A. et GARDENES, M.*, 2002 ; Interacción de poblaciones en la Antigua Grecia : algunos ejemplos de especial interés para el Derecho internacional privado. // *Faventia*, 24/1, p. 7-36.
- 138) *SANTOS, M. et SOURISSEAU, J.-C.*, 2011 : Cultes et pratiques rituelles dans les communautés grecques de Gaule méditerranéenne et de Catalogne // *Des rites et des Hommes* // Collection Archéologie de Montpellier Agglomération 2, Paris, p. 223-255
- 139) *Saurel A.*, 1877-1878 : Dictionnaire des villes, villages et hameaux du Département des Bouches-du-Rhône. Marseille.
- 140) *Sisoi J. B.*, 1879: Noticia historica y arqueologica de la antigua ciudad de Emporion. Madrid.
- 141) *Sternberg M., Tréziny H.*, 2006: Le terroir marseillais et les ressources naturelles // CAG. Marseille et ses alentours, pp. 244-251.
- 142) *Trevor Hodge A.* Ancient Greek France. 1998.
- 143) *Tréziny. H.*, 1986: Cité et territoire: quelques problèmes // EM 1, pp. 11-15.
- 144) *Tréziny. H.*, 1994: Les fortifications phocéennes d'Occident (Emporion, Vélia, Marseille) // REA, no. 1-2, pp. 115-135.
- 145) *Tréziny. H.*, 1996: Les fouilles de la Bourse à Marseille (1977-1994) // CRAI, p. 225-249.
- 146) *Tréziny. H.*, 2005: Topographie, urbanisme et architecture de Marseille pendant l'antiquité // CAG. Marseille et ses alentours, . pp. 230-244.
- 147) *Trézyni. H.*, 2006 : Urbanisme archaïque des villes ioniennes // REA T 108, no 1.
- 148) *Trézyni. H.*, 2010: Note sur les céramiques indigènes présentes à Marseille. // BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008), pp. 509-511.
- 149) *Trézyni. H.*, 2010: Fortifications grecques et fortifications indigènes dans l'occident grec. // BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses2 (2006-2008), pp. 557-567.

- 150)** *Vallet J.*, 1967: La cité et son territoire dans les colonies grecques de l'occident. // *Atti Taranto*, 7.
- 151)** *Vasseur G.*, 1914: L'origine de Marseille. Fondation des premiers ioniens de Massalia vers le milieu du VII siècle // *Annales du musée d'histoire naturelle de Marseille*. XIII.
- 152)** *Velissaropoulos J.*, 1977: Le monde d'Emporion. // *DHA* v. 3 no. 1, pp. 61-85.
- 153)** *Vignot. A.*, 1999: L'environnement des cités grecques d'Agdes et Ampurias. // *BCH*, supplément 34 –Territoire des cités grecques. Acte de la table ronde internationale organisée par l'Ecole Française d'Athènes, pp. 228-241.
- 154)** *Villanueva J.*, 1851: Viage literario á las iglesias de España. Madrid.
- 155)** *Villard F.*, 1960: La céramique grecque de Marseille (VI-IV siècle). Essai d'histoire économique. Paris.

2. Список электронных ресурсов

- 1) Библия онлайн: <http://bibleonline.ru/>
- 2) Античная литература <http://ancientrome.ru/antlitr/index.htm>
- 3) Фукидид. Древняя Греция. История <http://hronologia.narod.ru/index.html>
- 4) Juan de Margarit y de Pau. Episcopi gerundensis paralipomenon Hispaniae: libri decem antehac non excussi. <https://books.google.es>
- 5) Википедия <https://ru.wikipedia.org>

3. Список сокращений:

АГСП – Античные государства Северного Причерноморья.

ВДИ – Вестник древней истории.

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры.

Atti Taranto – Convegno internazionale dia studi sulla Magna Grecia.

ВАМА – Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine.

BCH - Bulletin de correspondance hellénique.

CAG – Carte archéologique de la Gaule.

CRAI - Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.

CNRS – Centre National des Recherches Scientifiques.

DAM - Documents d'archéologie méridionale.

DHA – Dialogues d'histoire ancienne.

EM – Etudes massaliètes.

FHA - *A. Schulten*. Fontes Hispania Antiquae. Barcelona. 1922.

FGrH – *F. Jacoby*. Die fragmente der griechischen Historiker. Munhen 1923-1943.

FHG - *C. Müller*. Fragmenta historicorum Graecorum. Parisiis. 1855.

GGM – *C. Müller*. Geographie Graeci Minores. Parisiis. 1855.

INRAP – Institut National des recherches archéologiques Préventifs.

LAMPEA - Laboratoire Méditerranéen de Préhistoire Europe–Afrique.

MEFRA - Mélanges de l'école française de Rome.

RAN – Revue archéologique Narbonnaise.

REA – Revue des études anciennes.

PP - Publications du centre Pierre Paris.

Список иллюстраций:

- Рис. 1 Регионы греческой ойкумены, описываемые в работе.
- Рис. 2 Массалия. Монеты из монетного клада в Ориоле. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 3 Марсель, 1972 г. Вид с севера на охранные раскопки при строительстве Биржи. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 4 Марсель, Статуэтка Кибелы найденная на рубеже XVIII-XIX вв. в районе Бют де Карм. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 5 Массалия. Терракотовый аскос массалийского производства второй половины VI в. до н.э., найденный в районе площади Вильнёв-Баржемон. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 6 Эмпорион. План южной части Неаполиса. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 7 Строительные остатки греческого Наполиса (Эмпорион). Вид с юга. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 8 Статуя Асклепия IV в до н.э., найденная в 1909 г. в южной части Неаполиса (Эмпорион) (по материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 9 Эмпорион. Схематический план Палеополиса и Неаполиса. (по материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 10 Окрестности Эмпориона. Древние поселения северо-востока Каталонии (по материалам К. Акилье, П. Кастанье, М. Сантос, Ж. Тремоледа).
- Рис. 11 Окрестности Эмпориона. Аэрофотография с видом с юга на основные поселения у Ульястрета (по материалам А. Мартен, Ф. Кодина, Р. Плана, Г. де Прадо).

- Рис. 12 Окрестности Эмпориона. Аэрофотография с видом с запада на поселения Сан-Хулия де Рамис. (по материалам Ж. Бурш, Ж-М Нолла, Ж. Сагрера).
- Рис. 13 Окрестности Эмпориона. Аэрофотография с видом на строительные остатки поселения Понтос (по материалам Э. Понс, Д. Асенцио, М. Фюэртес, М. Бузо).
- Рис. 14 Эмпорион. Письмо на греческом языке на свинцовой пластине с упоминанием жителей Эмпориона. V в. до н.э. По материалам (по материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 15 Античная Массалия на современной физической карте Франции.
- Рис. 16 До греческие поселения и некрополи вокруг Массалии (по материалам А. Hermary, A. Hesnard, H. Tréziny).
- Рис. 17 Окрестности Массалии. Поселение Тамарис. Зелёным - шурфы и раскопы 1982 г. Розовым - элементы фортификации.
- Рис. 18 Лигурийская керамика в окрестностях Массалии (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 19 Массалия. Хиосская керамика с изображением диких лошадей (ок. 600 г до н.э.). (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 20 Массалия. 1 - фр-т чернофигурного аттического кубка (обломок корабля Пуант Лекин); 2 - внутренняя часть краснофигурного аттического кубка (460-450 гг. до н.э., пл. Жюля Верна); 3- аттическая чернофигурная подставка (520-510 гг до н.э., Пуант Лекин); 4- терракотовая фигурка птицы, найденная на Бирже (конец архаической эпохи); 5- греческая надпись конца архаической эпохи, найденная в порту (раскопки на Бирже). (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 21 Массалия. 1-этрусский канфар 2/2 VI в. до н.э. 2-фр-т ионийского кубка светлой марсельской глины (3/4 VI в. до н.э., раскоп на Бирже); 3- серая однотонная керамика с орнаментом (2/2 VI в. до н.э., пл. Жюля Верна); 4-основание аттического диноса (ок. 575 г до

н.э., Биржа); 5-этрusco-коринфский кубок из Этурии (3/4 VI в. до н.э., Сан-Блез); (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 22 Массалия. Архаическая крепида вала конца VI в до н.э. из раскопок на Бирже. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 23 Массалия. Предположительные границы архаического города на современном космическом снимке (по материалам А. Hermary, А. Hesnard, Н. Tréziny).

Рис. 24 Массалия. Остатки деревянной конструкции первого архаического причала на площади Вильнёв-Баржемон (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 25 Массалия. План первого архаического причала на площади Вильнёв-Баржемон (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 26 Массалия. Площадь Жюля Верна. Обломки двух архаических греческих кораблей в процессе их изучения (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 27 Массалия. Этрusco-острогорлая амфора (тип 3 а по М.Пи), произведенная в регионе Каэре. (Раскопки Эснара, Фолио, по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 28 Массалия. 1 - аттическая чернофигурная амфора тиринфской группы (2/4 VI в. до н.э., пл. Ж. Верна); 2 - аттический чернофигурный кубок (540 - 530 гг до н.э. Артемида и Аполлон. Пл. Ж. Верна); 3- фр-т краснофигурного аттического кубка (490-480 гг до н.э., пл. Жюля Верна); 4- внутр. часть краснофигурного аттического кубка (460-450 гг до н.э., пл. Жюля Верна); 5- фр-т крупной открытой чернофигурной вазы круга Лидоса (2/4 VI в. до н.э., пл. Ж. Верна); (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 29 Массалия. 1-этрusco-канфар 2/2 VI в. до н.э. 2-фр-т ионийского кубка светлой марсельской глины (3/4 VI в. до н.э., раскоп на

Бирже); 3- серая однотонная керамика с орнаментом (2/2 VI в. до н.э., пл. Жюля Верна); 4-основание аттического диноса (ок. 575 г до н.э., Биржа); 5-этрusco-коринфский кубок из Этурии (3/4 VI в. до н.э., Сан-Блез); (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 30 Массалия. 1 - фр-т чернофигурного аттического кубка (обломок корабля Пуант Лекин); 2 - внутренняя часть краснофигурного аттического кубка (460-450 гг до н.э., пл. Жюля Верна); 3- аттическая чернофигурная подставка (520-510 гг до н.э., Пуант Лекин); 4- терракотовая фигурка птицы, найденная на Бирже (конец архаической эпохи); 5- греческая надпись конца архаической эпохи, найденная в порту (раскопки на Бирже). (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 31 Массалия. Сан-Блез. Фрагмент кратера возможно местного производства с изображением головы крылатой женщины (вторая четверть VI в до н.э.). (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 32 Общая типология амфор Массалии по Ги Бертуччи.

Рис. 33 Строительные остатки древней Массалии, раскоп у Биржи (по материалам М. Эзенна).

Рис. 34 Массалия. Раскопки на Бирже. Оборонительный ров IV в. до н.э. После его заполнения в III в. до н.э., (жёлтым) он был обновлён во II и усилен башней (розовым). По материалам (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 35 Массалия. Фрагмент крупной вазы ионийского стиля: фаллос с отверстием и рука, лежащая на нём. Раскопки на Катедраль. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

Рис. 36 Массалия. Слева - фр-т импортного канфара, декорированного рельефным изображением мужской головы (2/4 VI в. до н.э., раскопки на Катедраль); справа - голова Сатира на вазе

массалийской пластики (аскос?); хранится в Музее истории Марселя. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).

- Рис. 37 Массалия. 1- импортная терракотовая статуэтка ионического типа: сидящая женщина держит птицу. Раскопки на площади Виво, Музей Док; 2 и 3- стеллы из местного известняка, изображающие сидящую под крышей богиню, открыты на улице Негрель, 2/2 VI в. до н.э. или позже (?). Музей истории. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 38 Массалия. Культовое здание V-II вв. до н.э. с приветственной надписью в фокейском парке.
- Рис. 39 Массалия. Деревянная статуя длиной 2,6 м, найденная при раскопках на площади Жуль Верна в слоях V в. до н.э. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 40 Массалия. 1 и 2- некрополь Сан-Морон, аттические краснофигурные пелика (1) и ойнохойя (2) 430-420-х гг. до н.э. 3- погребальная стелла из некрополя Сант-Барб 4- северная погребальная терраса, могила 11. Аттическая краснофигурная гидрия середины IV в. до н.э. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 41 Строительные остатки древней Массалии, северная погребальная терраса.
- Рис. 42 Строительные остатки древней Массалии, погребальная терраса с триглифами.
- Рис. 43 Макет Массалии в эллинистическую эпоху. Музей истории Марселя. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини).
- Рис. 44 Окрестности античной Массалии.
- Рис. 45 Ближние окрестности Массалии и оппидумы.
- Рис. 46 Окрестности античной Массалии. По материалам П. Арселина.
- Рис. 47 Окрестности Массалии. Поселение Вердурон и вид на марсельский залив. (по материалам Л. Бернар, С. Коллен-Буфье, А. Трезини).
- Рис. 48 Окрестности Массалии. Оппидум Майен. План А. Трезини.

- Рис. 49 Расположение Эмпориона.
- Рис. 50 Греческие и финикийские колонии в Испании (по материалам Р. Плана-Маллар).
- Рис. 51 Эмпорион. Расположение археологических объектов в окрестностях будущего греческого города (по материалам П. Руяра).
- Рис. 52 Эмпорион. План построек туземной деревни в Сан-Марти д'Эмпурьяс. (по материалам Акилуэ, Кастанаер, Сантос).
- Рис. 53 Туземные поселения конца VII - начала VI вв. до н.э. в окрестностях Эмпориона.(по материалам Р. Плана-Маллар).
- Рис. 54 Этрусский кубок буккерио неро, середина VI в. до н.э. (коллекция Лувра, Wikipedia.).
- Рис. 55 План архаических построек Палеополиса, раскопки 1998 г. (по материалам Акилуэ, Кастанаер, Сантос).
- Рис. 56 Окрестности Эмпориона. Планы архаических построек Палеополиса и иберийских деревень долины Эбро (по материалам П. Морс).
- Рис. 57 Вид с востока на строительные остатки античного Эмпориона.
- Рис. 58 Эмпорион, греческий город Неаполис, космический снимок.
- Рис. 59 Эмпорион. Схема «ранних» построек Неаполиса (по материалам Р. Плана-Маллар).
- Рис. 60 Фортификация Эмпориона: схема Э. Санмарти на космоснимке (По материалам А. Трезини).
- Рис. 61 Эмпорион. Святилище Асклепия. На первом плане алтарь.(По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 62 Эмпорион. Страницы полевого дневника Э. Гандиа с раскопок 1919 г. Изображён материал конца VI - начала V вв. до н.э. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 63 Серебряные монеты Эмпориона IV в. до н.э.. Л.С. - голова Артемиды, О.С. - лошадь на более ранних экземплярах, Пегас на более поздних. (по материалам Р. Морсе, Э. Санмарти).

- Рис. 64 Распределение иберийских поселений и зерновых ям вокруг Эмпориона (По материалам Р. Планы Маллар).
- Рис. 65 Окрестности Эмпориона. План построек оппидума Ульястретт на Пуйг де Сант-Андреу. (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо).
- Рис. 66 Окрестности Эмпориона. План построек оппидума Ульястретт на Илла д'эн Рейсак. (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо).
- Рис. 67 Окрестности Эмпориона. План иберийских поселений вокруг оппидума Ульястретт. (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо).
- Рис. 68 Окрестности Эмпориона. Ульястретт, Пуйг де Сант-Андреу. Разлив залива Ульястретт в ходе дождей 1950 г. по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо).
- Рис. 69 Окрестности Эмпориона. План и разрез домов на Илла д'эн Рейсак. (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо).
- Рис. 70 Окрестности Эмпориона. Общий план поселения Илла д'эн Рейсак. (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо).
- Рис. 71 Окрестности Эмпориона. Керамика, изготавливаемая на Ульястретте, имитирующая греческую. 1-5: серая однотонная керамика; 6-9: светлоглиняная керамика; 10 - иберийская керамика с рисунками белой краской; 11-15: серая керамика с побережья Каталонии (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо).
- Рис. 72 Окрестности Эмпориона. План храмов на поселении Пуйг де Сант-Андреу (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо).
- Рис. 73 Окрестности Эмпориона. Основание колонны классического типа, найденной в Ульястретте. (по материалам Р. Плана-Маллар).
- Рис. 74 Окрестности Эмпориона. Водосборные цистерны на поселении Пуйг де Сант-Андреу. (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо).

- Рис. 75 Окрестности Эмпориона. Оппидум Сан-Хулия де Рамис. Производственная печь внутри жилого помещения (по материалам Ж. Бурш, Ж-М. Нолла, Ж. Сагрера).
- Рис. 76 Окрестности Эмпориона. Оппидум Сан-Хулия де Рамис. Северная стена оппидума (все хронологические периоды, по материалам Ж. Бурш, Ж-М. Нолла, Ж. Сагрера).
- Рис. 77 Окрестности Эмпориона. Остатки ионийской колонны, найденные на поселении Понтос. (по материалам Р. Плана-Маллар).
- Рис. 78 Зерновая яма с перекрытием в окрестностях Эмпориона. (по материалам Ж. Бурш, Ж-М. Нолла, Ж. Сагрера).
- Рис. 79 Следы кадастра в окрестностях Эмпориона. (по материалам Ж. Делезир).
- Рис. 80 Распределение некрополей и карьеров к югу от Эмпориона (По материалам Р. Планы Маллар).
- Рис. 81 Восстановление греческого кадастра у Эмпориона. Аэрофотография 1957 г. (по материалам Р. Плана-Маллар).
- Рис. 82 Возможные границы хоры Эмпориона (по материалам Р. Плана-Маллар).
- Рис. 83 Эмпорион. Аттический килик с изображенными персонажами $\frac{1}{2}$ V в. до н.э. Аттическая керамика с персонажами - это один из видов импорта, доказывающий существование торговых связей между купцами из Эмпориона и местными жителями по обеим сторонам Пиренеев. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 84 Эмпорион. Аттический кратер середины V в. до н.э. Предназначался для смешивания воды с вином во время пиршества. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 85 Эмпорион. Руины обители Санта Мария де Грация, где расположен монографический музей, и раскопки северной части Неаполиса (30-е гг. XX века). (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).

- Рис. 86 Эмпорион. Раскопки северо-западной части Неаполиса весной 1989 г. Здесь видны все храмы и остатки общественных зданий, кроме храма Сераписа, а также стены II - I вв. до н.э. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 87 Эмпорион. Южная часть Эмпориона в процессе раскопок 1989 г. Видны остатки общественных зданий и стен V -III в. до н.э. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 88 Эмпорион. Южная часть стены IV в. до н.э., перед ней эллинистическая протеихизма конца III в. до н.э. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 89 Эмпорион. Остатки стен южной части Неаполиса, с помощью которых удалось реконструировать городскую фортификацию, как это показано на рисунке сверху. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 90 Эмпорион. Южная часть Неаполиса: стена V в. до н.э. справа, башня IV в. до н.э. в центре, стена II в. до н.э. сверху. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 91 Эмпорион. Северная часть стены V в. до н.э., заложенная по причине строительства храма IV в. до н.э. к северу от святилища Асклепия. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 92 Эмпорион. Храм Сераписа, вид с юго-востока. I в. до н.э. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).
- Рис. 93 Эмпорион. Двойной жертвенник V в. до н.э., расположенный в районе святилищ в южной части греческого города. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти).

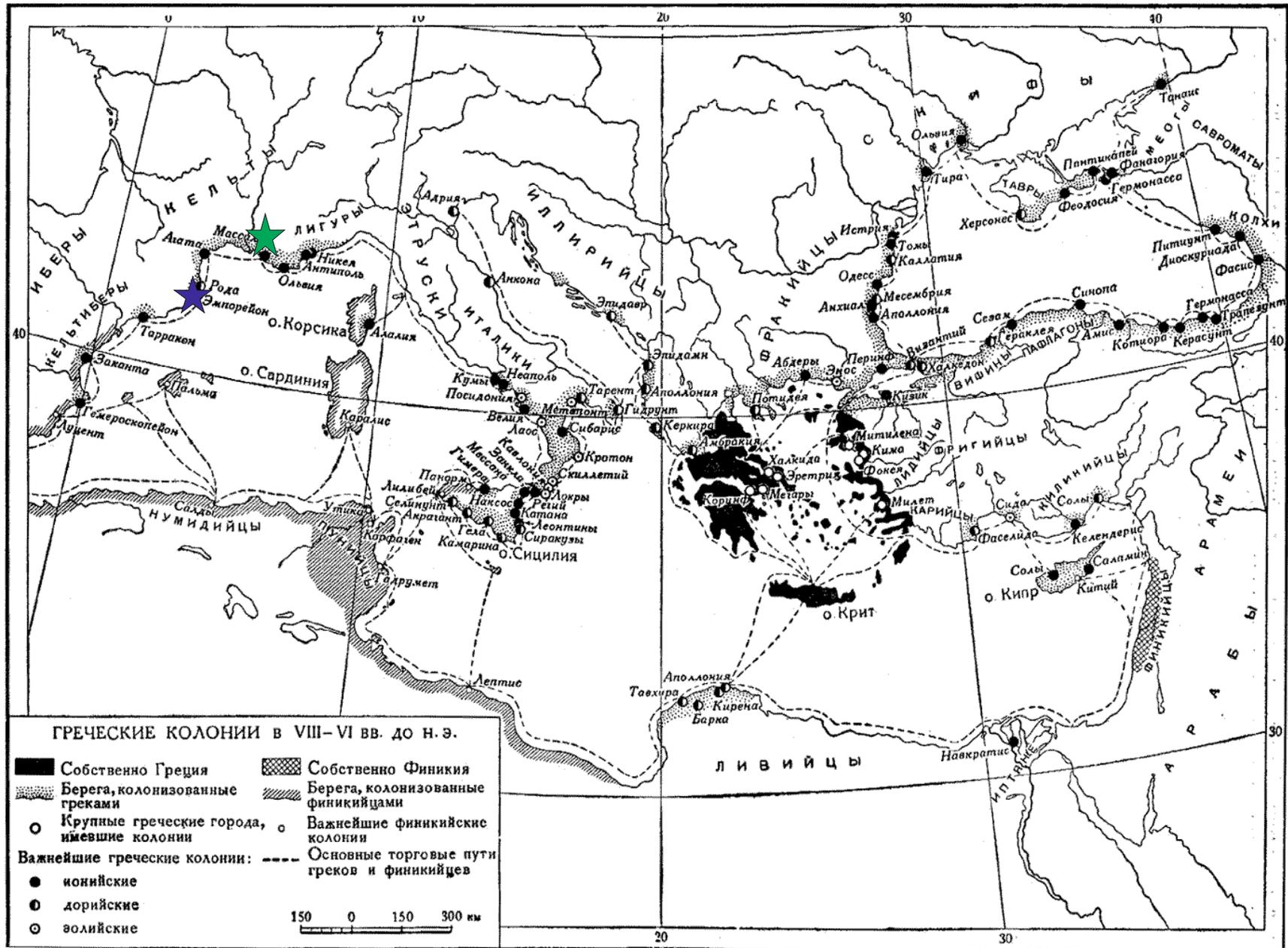

Рис. 1
Регионы греческой ойкумены, описываемые в работе.

★ Эмпорион
★ Массалия

Рис. 2. Массалия.
 Монеты из монетного клада в Ориоле.
 (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

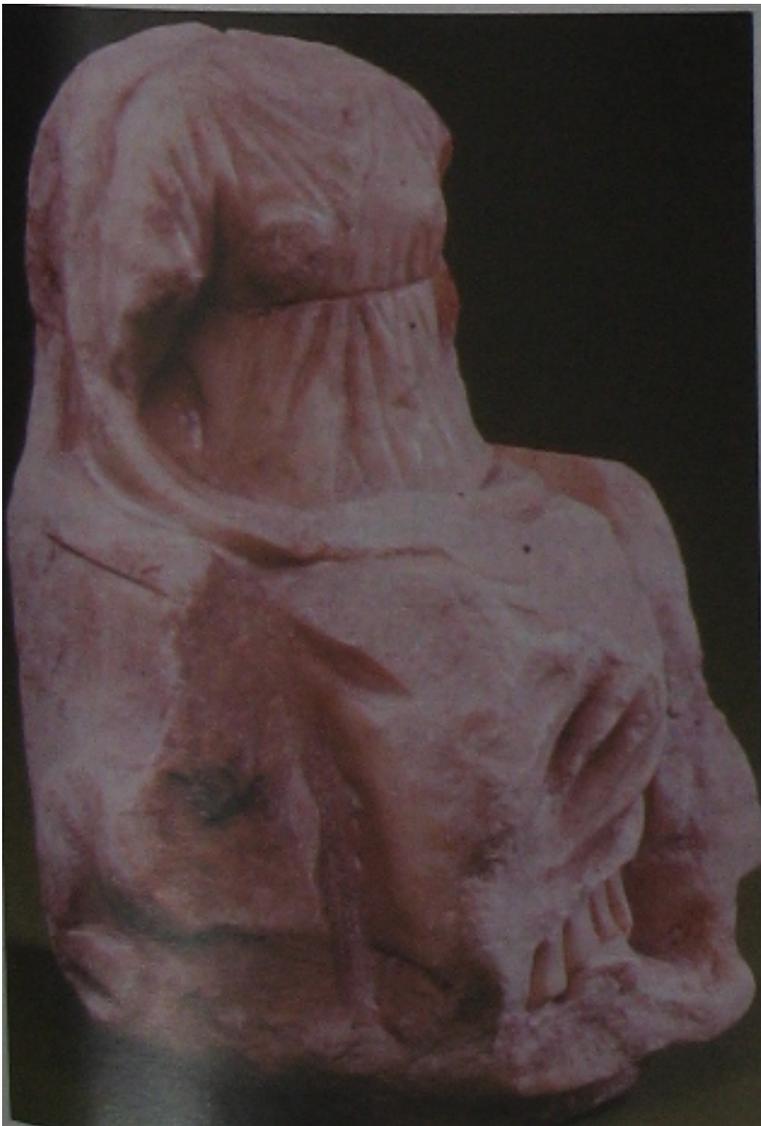
Серебряные монеты
 типа Ориоль
 (520-460 гг. до н.э.).

Изображено на аверсе:

- 1) тюлень,
- 2) Геракл,
- 3) голова Сатира,
- 4) ойнохоя,
- 5) глаз,
- 6) лев пожирающий добычу,
- 7) голова в уборе,
украшенном жемчугом,
- 8) голова овна.

Рис. 3.
Марсель, 1972 г. Вид с севера на охранные раскопки при строительстве Биржи.
(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

0

10 см

Рис. 4.
Массаля. Статуэтка Кибелы найденная на рубеже XVIII-XIX вв. в районе холма де Карм.
(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

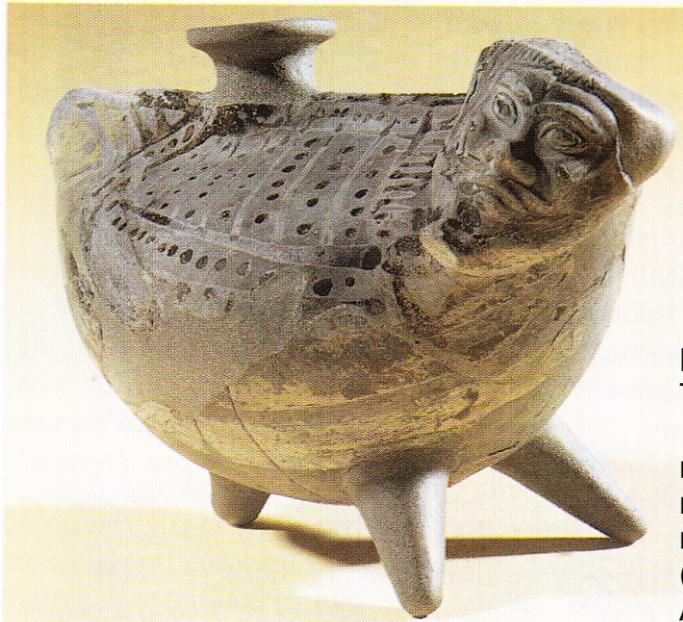

Рис. 5. Массаля.
Терракотовый аскос второй половины VI в. до н.э., массалийского производства, найденный в районе площади Вильнёв-Баржемон.
(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

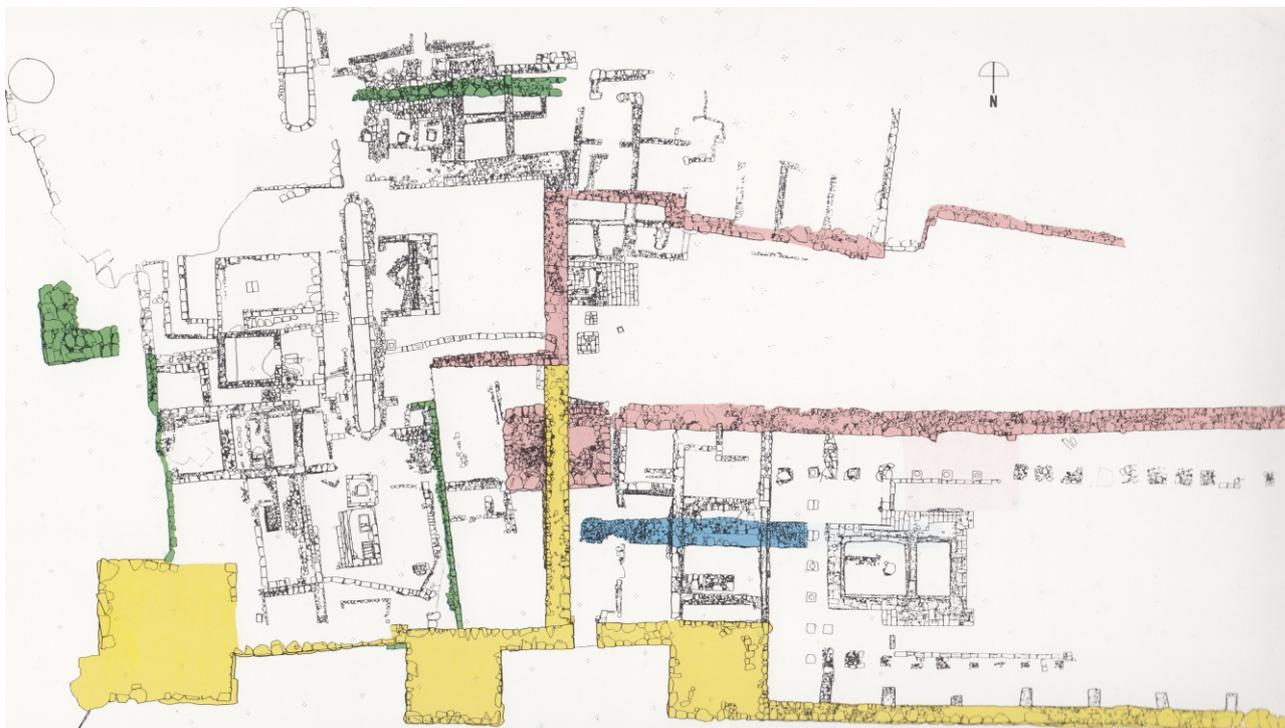

Рис. 6.
Эмпорион. План южной части Неаполиса.
(по материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).

Зелёным цветом: стены V в. до н.э.;
розовым: стены IV в. до н.э.;
голубым: протейхизма III в. до н.э.;
жёлтым эллинистические стены II в. до н.э.

Рис. 7.
Строительные остатки греческого Неаполиса (Эмпорион). Вид с юга.
(по материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1999).

Рис. 8.
Статуя Асклепия, найденная в 1909 г. в южной части Неаполиса (Эмпорион)
IV в до н.э. (по материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).

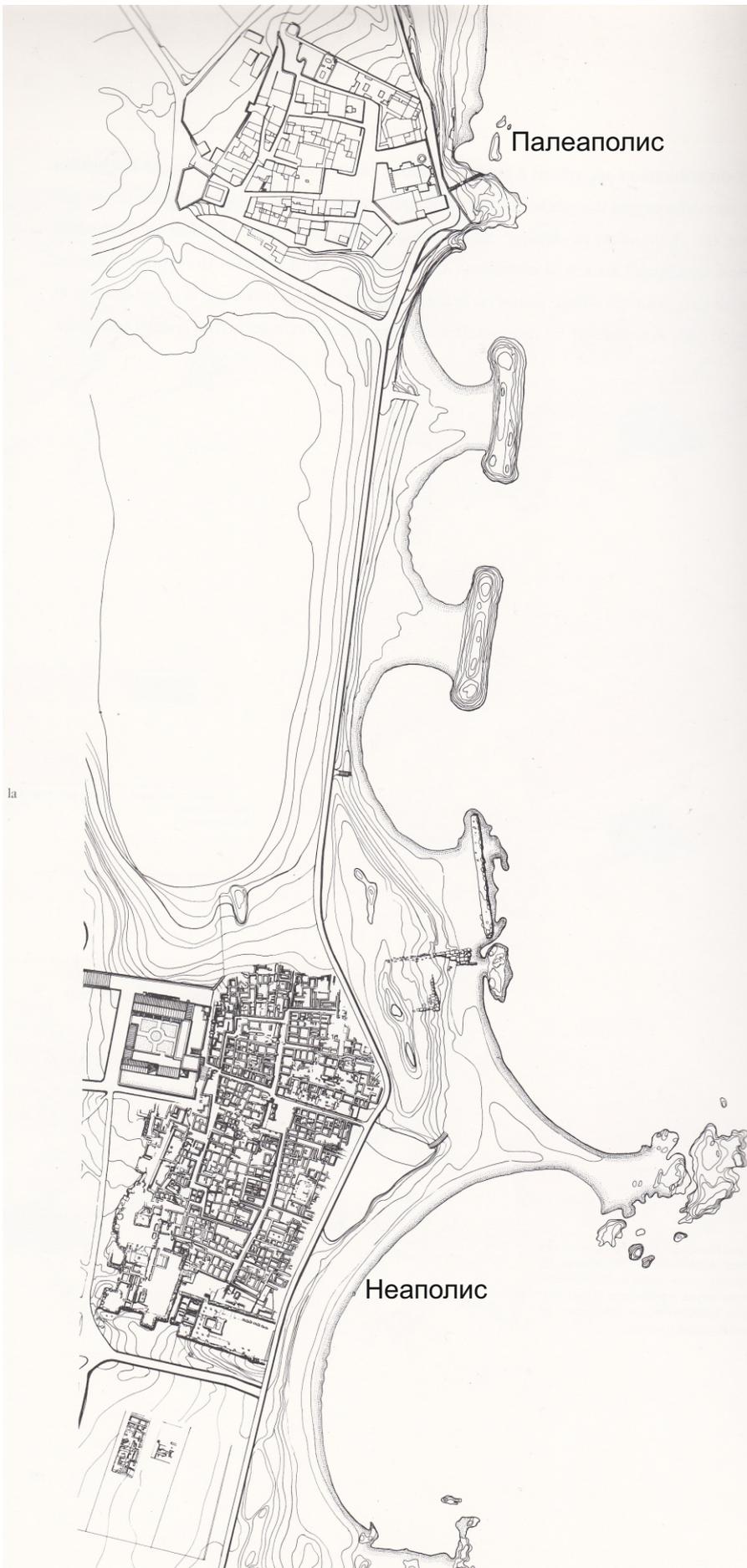

Рис. 9
Эмпорион. Схематический план Палеополиса и Неаполиса.
(по материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).

Рис. 10. Окрестности Эмпориона.
 Древние поселения северо-востока Каталонии
 (по материалам К. Акилье, П. Кастанье, М. Сантос, Ж. Тремоледа. 2010.).

Рис. 11. Окрестности Эмпориона.
Аэрофотография с видом с юга на основные поселения у Ульястрета
(по материалам А. Мартен, Ф. Кодина, Р. Плана, Г. де Прадо. 2010).

Рис. 12. Окрестности Эмпориона.
Аэрофотография с видом с запада на поселения Сан-Жулия де Рамис
(по материалам Ж. Бурш, Ж-М Нолла, Ж. Сагрера. 2010).

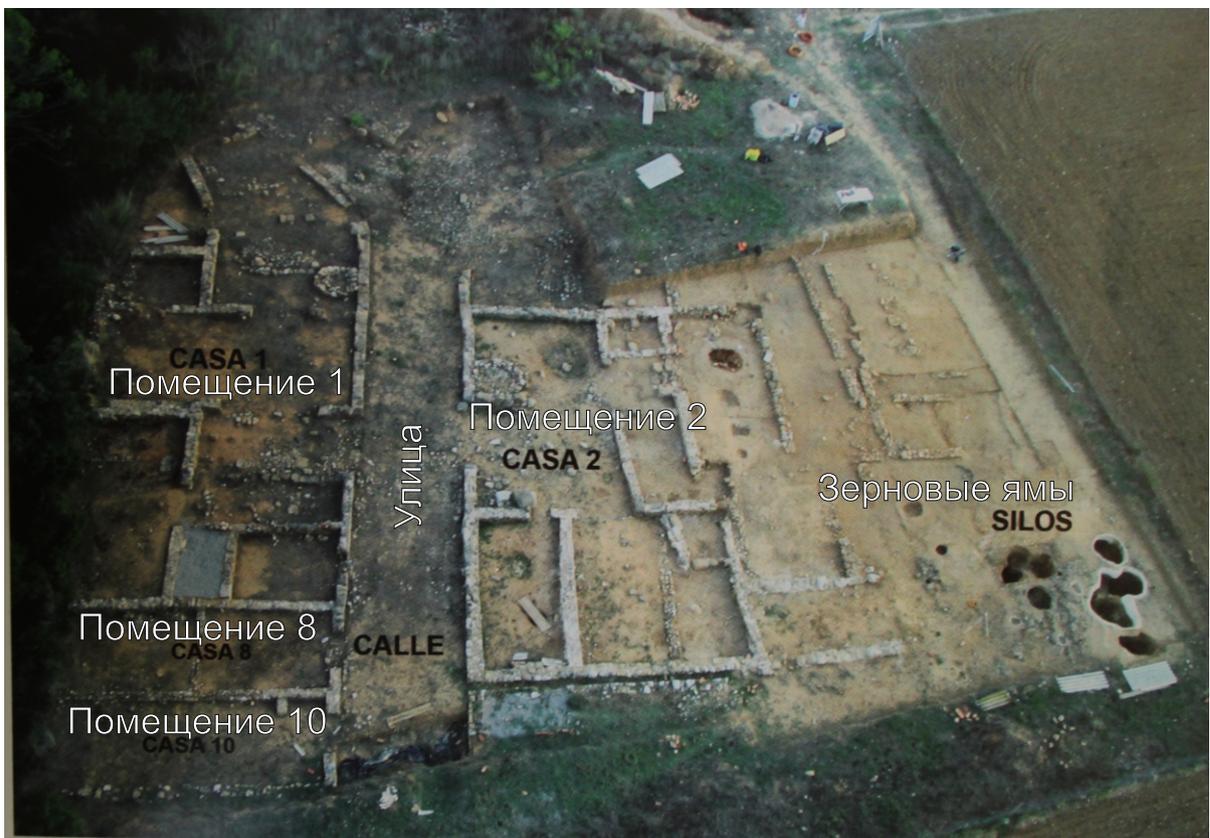

Рис. 13. Окрестности Эмпориона.
Аэрофотография с видом на строительные остатки поселения Понтос
(по материалам Э. Понс, Д. Асенцио, М. Фюэртес, М. Бузо. 2010).

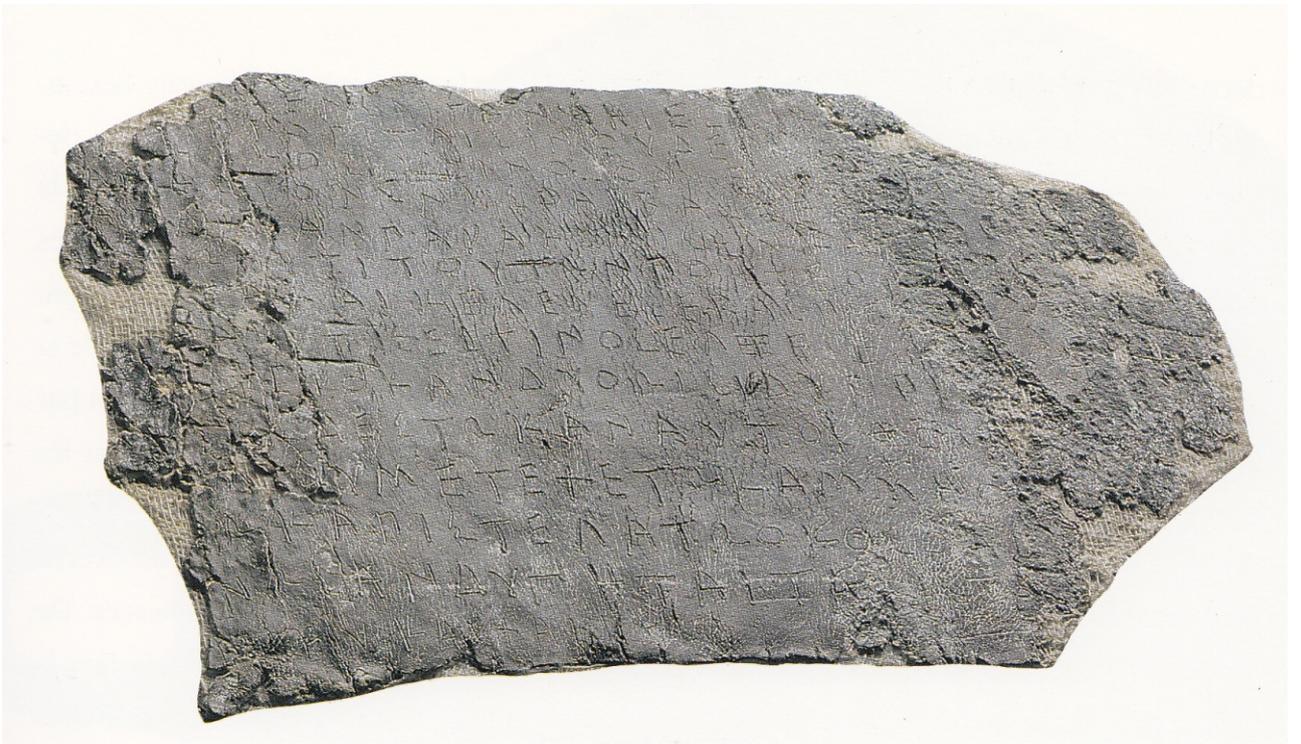

Рис. 14. Эмпорион.
Письмо на греческом языке на свинцовой пластине с упоминанием жителей
Эмпориона. V в. до н.э. По материалам (по материалам Р. Марсе, Э. Санмрти. 1990).

★ античная Массалия

Рис. 15. Античная Массалия на современной физической карте Франции.

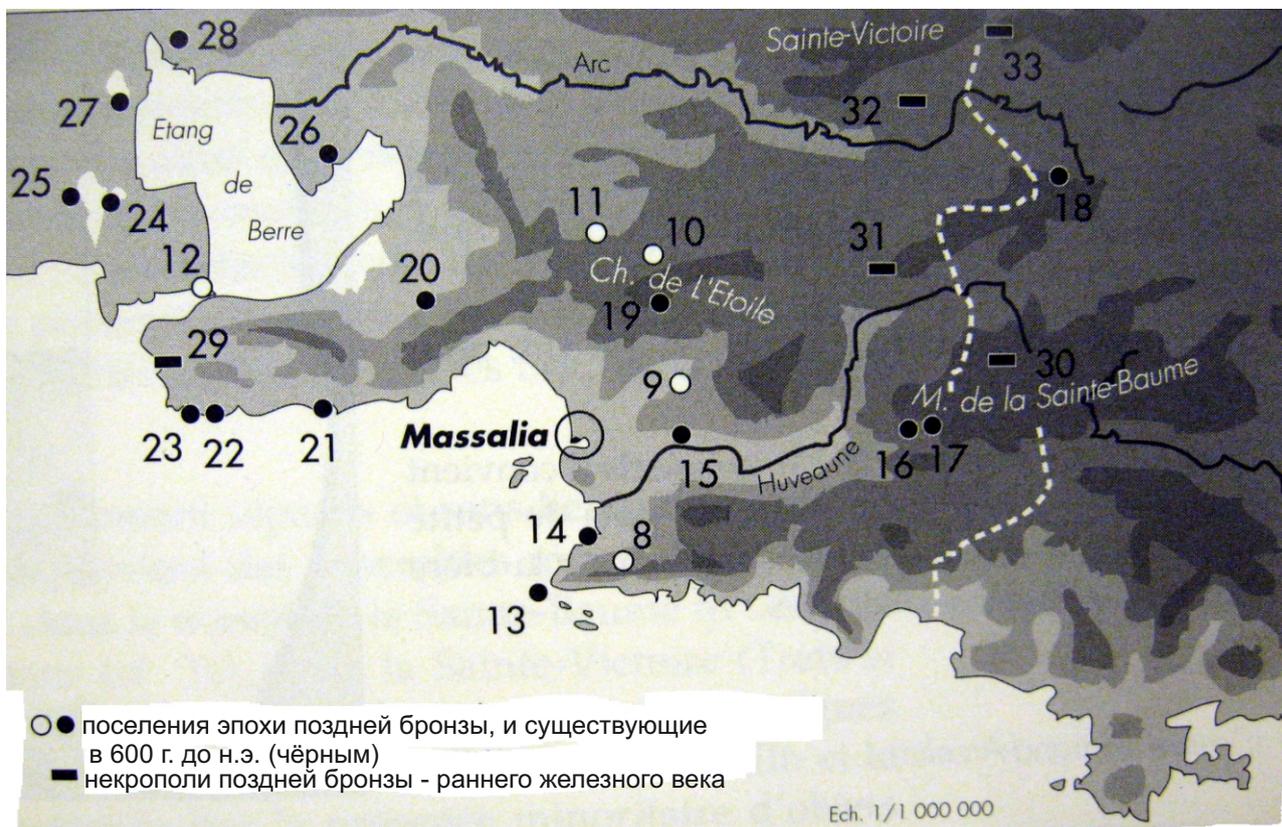

Рис. 16. До-греческие поселения и некрополи вокруг Массалии (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1994).

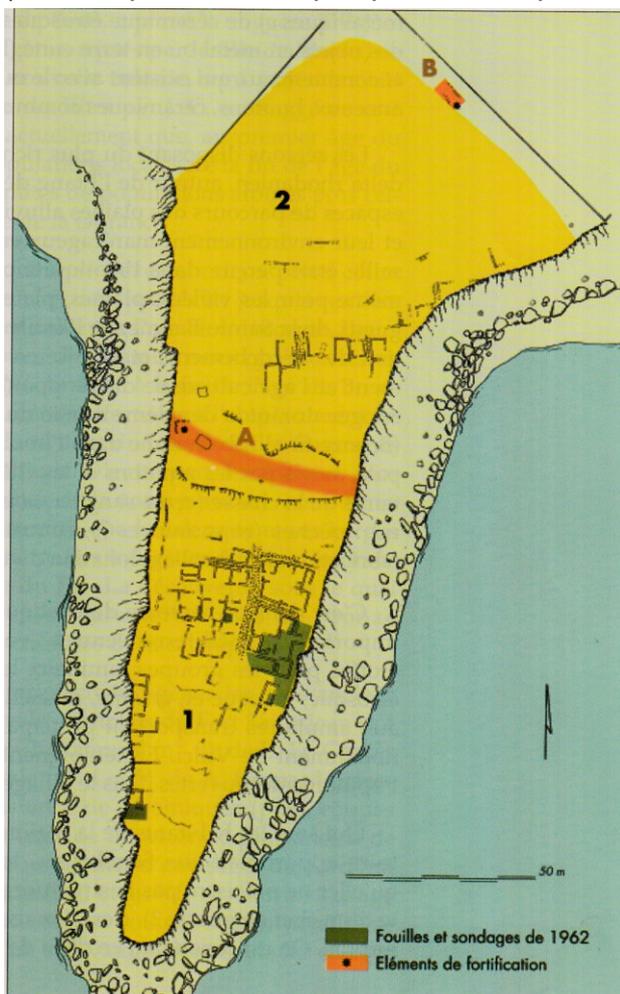

Рис. 17. Поселение Тамарис в окрестностях Массалии. Зелёным - шурфы и раскопы 1962 г. Розовым - элементы фортификации (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

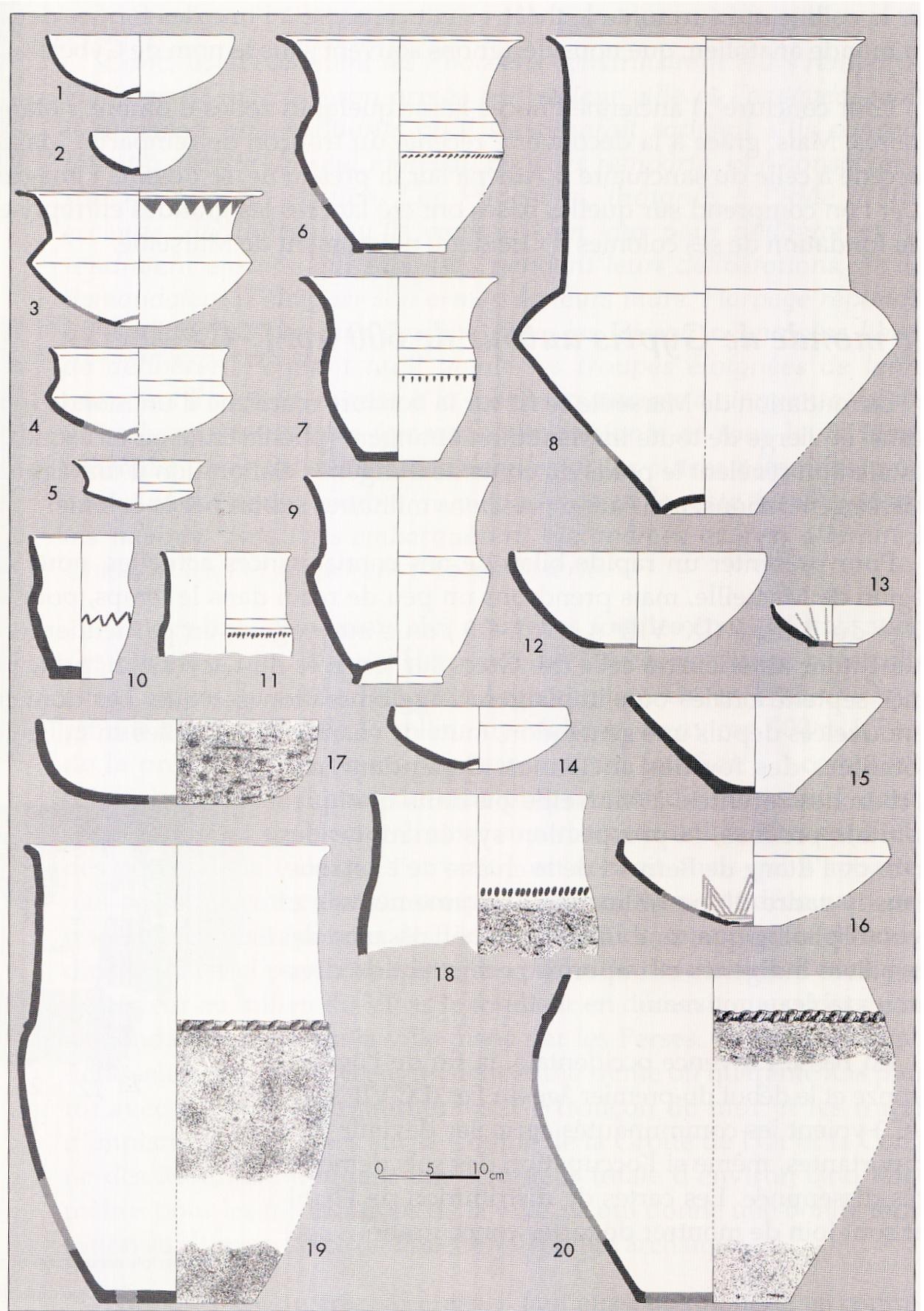

Рис. 18. Лигурийская керамика в окрестностях Массалии.
 (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999.).

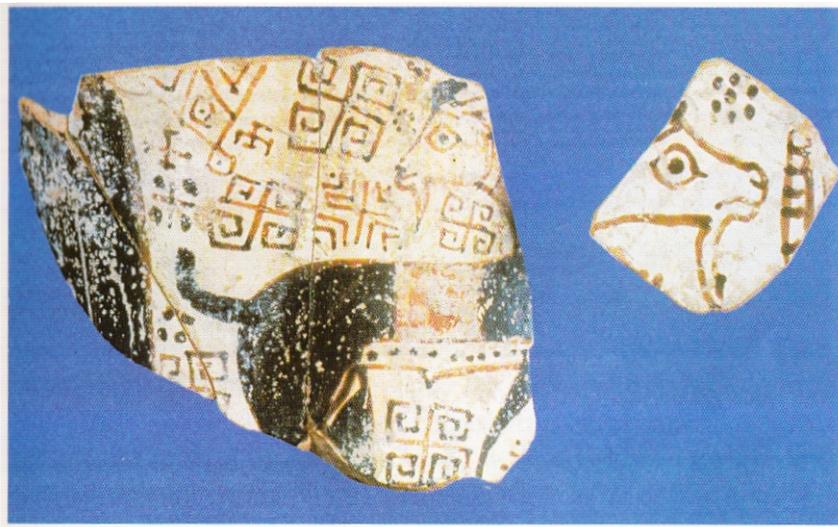

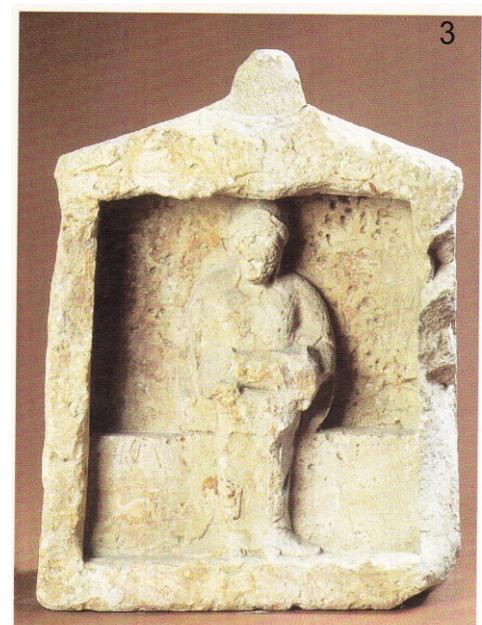
Рис. 19. Массалия.
 Хиосская керамика с изображением диких лошадей (ок. 600 г до н.э.).
 (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

1

2

3

Рис. 20. Массалия.
 1- импортная терракотовая статуэтка ионического типа: сидящая женщина держит птицу. Раскопки на площади Виво, Музей Док;
 2 и 3- стеллы из местного известняка, изображающие сидящую под крышей богиню, открыты на улице Негрель, 2/2 VI в. до н.э. или позже (?). Музей истории.
 (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 21. Массалия.

1-этрусский канфар 2/2 VI в. до н.э.

2-фрагмент ионийского кубка светлой марсельской глины (3/4 VI в. до н.э., раскоп на Бирже);

3- серая однотонная керамика с орнаментом (2/2 VI в. до н.э., пл. Жюля Верна);

4-основание аттического диноса (ок. 575 г до н.э., Биржа);

5-этрусско-коринфский кубок из Этурии (3/4 VI в. до н.э., Сан-Блез);

(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 22.

Массалия. Архаическая крепида вала конца VI в до н.э. из раскопок на Бирже.

(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

- границы города в 600-525 гг. до н.э.
- границы расширения территории в последней четверти VI в. до н.э.

Рис. 23. Массалия.
Предположительные границы архаического города на современном космическом снимке (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 24. Массалия.
Остатки деревянной конструкции первого архаического причала на площади Вильнёв-Баржемон (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

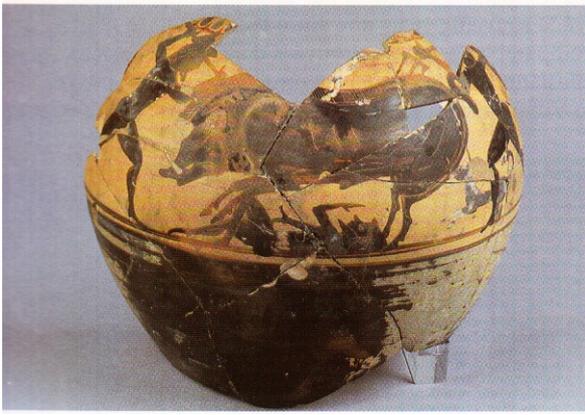
Рис. 25. Массалия.
 План первого архаического причала на площади
 Вильнёв-Баржемон (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 26. Массалия.
Площадь Жюль Верна. Обломки двух архаических греческих кораблей
в процессе их изучения. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 27. Массалия.
Этруская острогорлая амфора (тип 3 а по М.Пи),
произведенная в регионе Каэре.
(Раскопки Эснара, Фолио,
по материалам А. Эрмари, А. Эснар,
А. Трезини. 1999).

1

2

3

4

5

Рис. 28. Массалия.

- 1 - аттическая чернофигурная амфора тиринфской группы (2/4 VI в. до н.э., пл. Ж. Верна);
2 - аттический чернофигурный кубок (540 - 530 гг до н.э. Артемида и Аполлон. Пл. Ж. Верна);
3- фр-т краснофигурного аттического кубка (490-480 гг до н.э., пл. Жюля Верна);
4- внутр. часть краснофигурного аттического кубка (460-450 гг до н.э., пл. Жюля Верна);
5- фр-т крупной открытой чернофигурной вазы круга Лидоса (2/4 VI в. до н.э., пл. Ж. Верна);
(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 29. Массалия.

1-этрусский канфар 2/2 VI в. до н.э.

2-фрагмент ионийского кубка светлой марсельской глины (3/4 VI в. до н.э., раскоп на Бирже);

3- серая однотонная керамика с орнаментом (2/2 VI в. до н.э., пл. Жюль Верна);

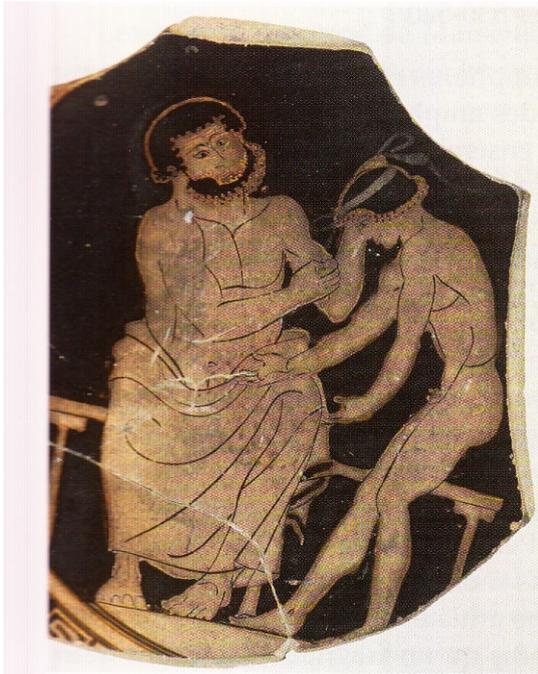
4-основание аттического диноса (ок. 575 г до н.э., Биржа);

5-этрусско-коринфский кубок из Этурии (3/4 VI в. до н.э., Сан-Блез);

(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

1

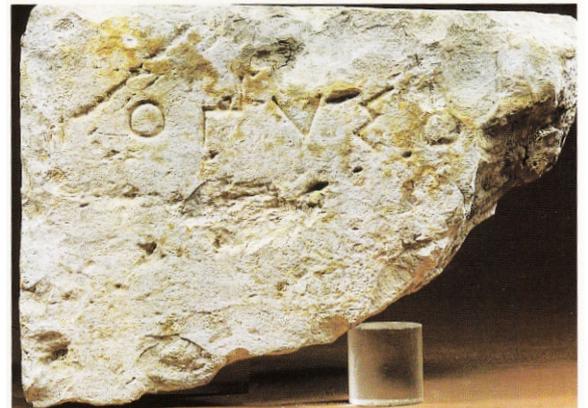
2

3

4

5

Рис. 30. Массалия.

- 1 - фр-т чернофигурного аттического кубка (обломок корабля Пуант Лекин);
2 - внутренняя часть краснофигурного аттического кубка (460-450 гг до н.э., пл. Жюля Верна);
3- аттическая чернофигурная подставка (520-510 гг до н.э., Пуант Лекин);
4- терракотовая фигурка птицы, найденная на Бирже (конец архаической эпохи);
5- греческая надпись конца архаической эпохи, найденная в порту (раскопки на Бирже).
(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

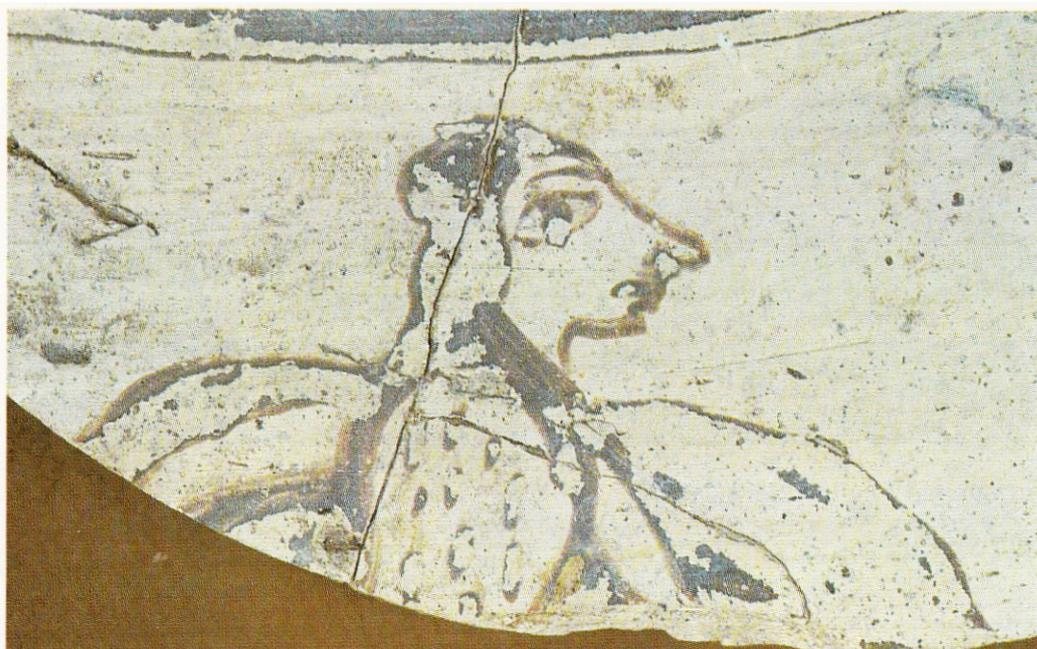

Рис. 31.
 Массалия. Сан-Блез. Фрагмент кратера возможно местного производства с изображением головы крылатой женщины (вторая четверть VI в до н.э.).
 (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

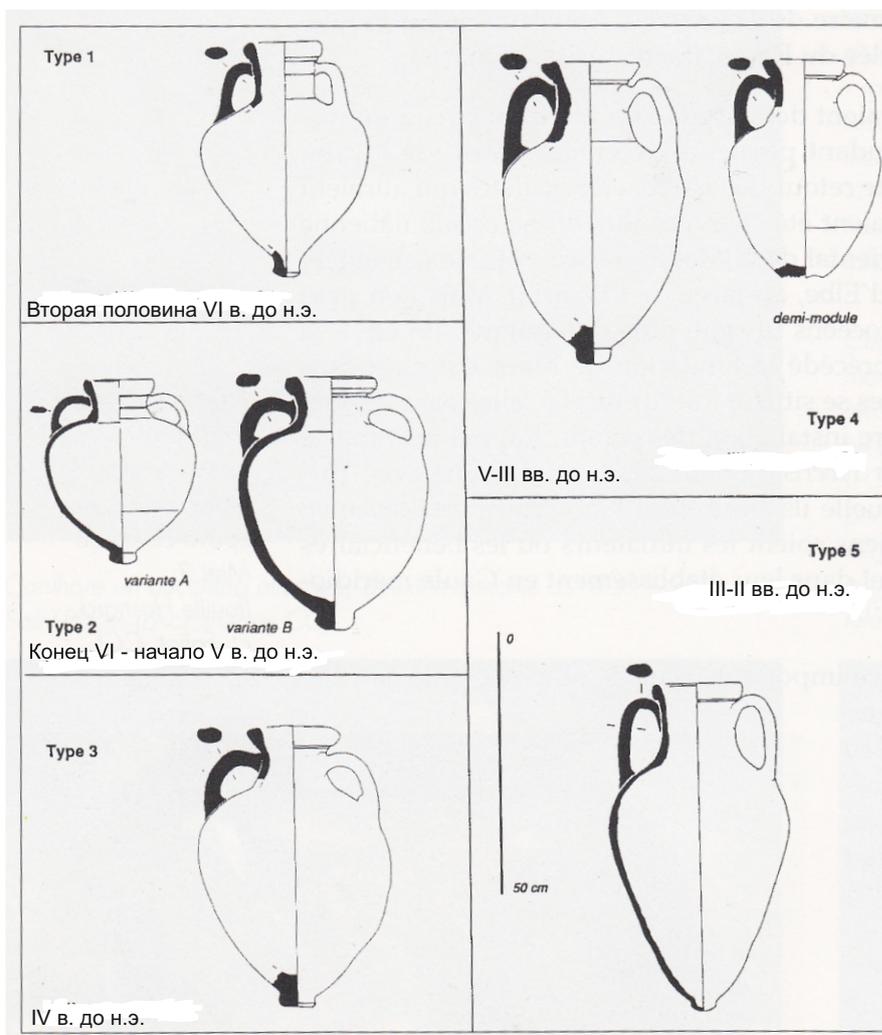

Рис. 32.
 Типология амфор Массалии по Ги Бертуччи.
 (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 33.
Строительные остатки древней Массалии, раскоп у Биржи
(по материалам М. Эзенна. 1976).

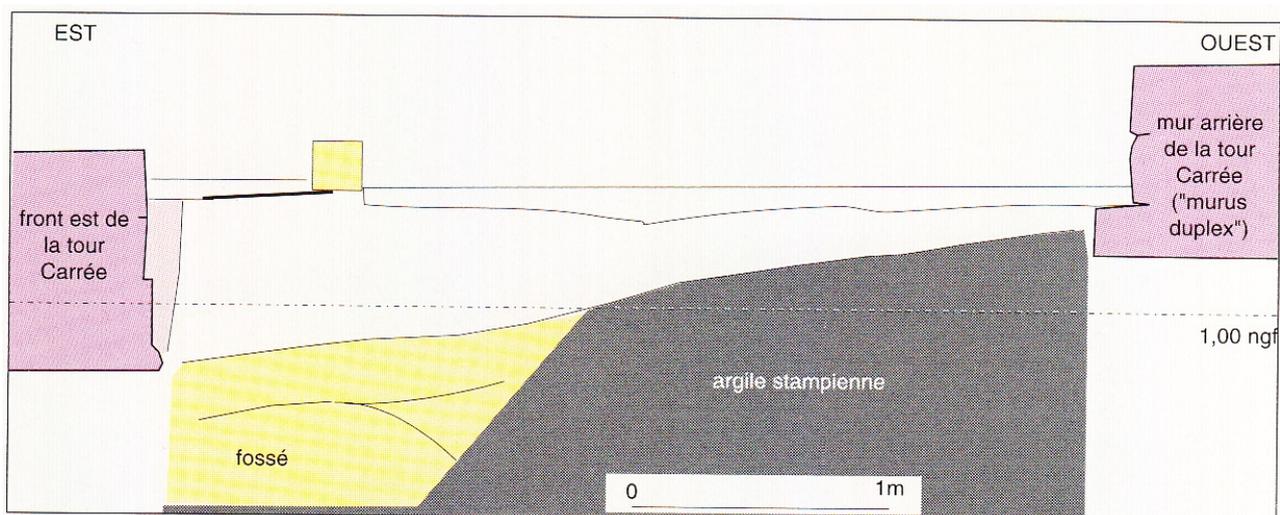

Рис. 34. Массалия.
Раскопки на Бирже.
Оборонительный ров IV в. до н.э.
После его заполнения в III в. до н.э., (жёлтым)
он был обновлён во II и усилен башней (розовым).
По материалам
(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

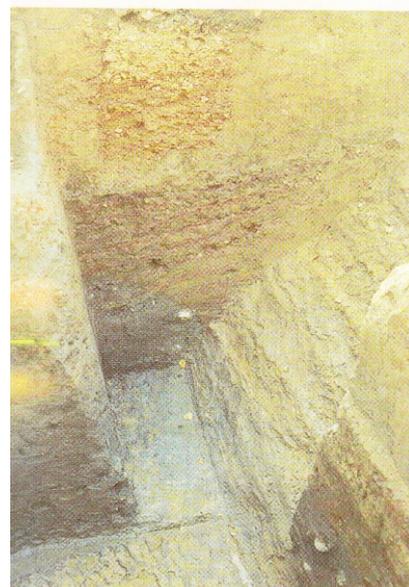

Рис. 35. Массалия.

Фрагмент крупной вазы ионийского стиля: фаллос с отверстием и рука, лежащая на нём. Раскопки на Катедраль. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

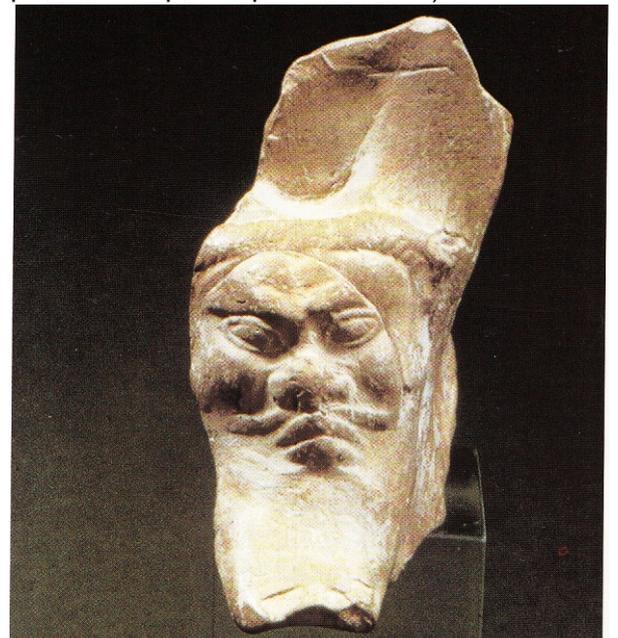

Рис. 36. Массалия.

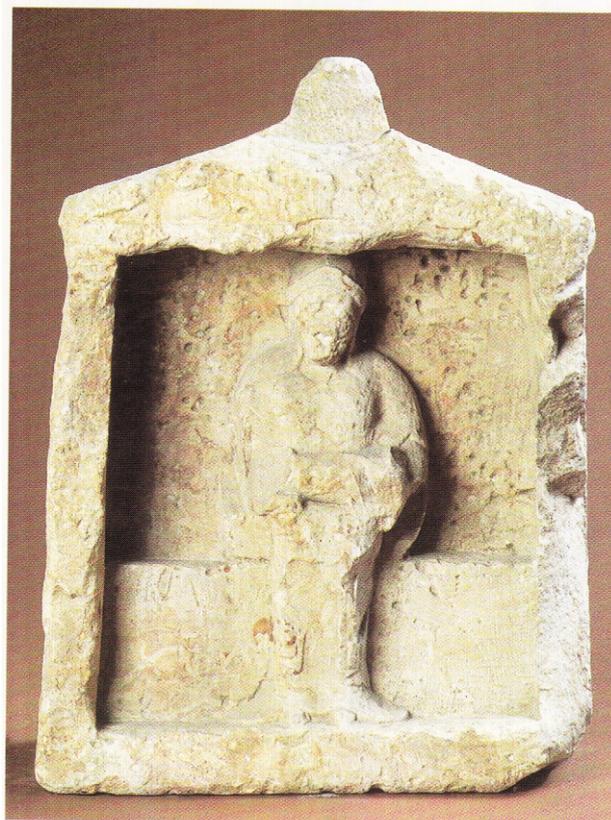
Слева - фр-т импортного канфара, декорированного рельефным изображением мужской головы (2/4 VI в. до н.э., раскопки на Катедраль);
справа - голова Сатира на вазе массалийской пластики (аскос?);
хранится в Музее истории Марселя. (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

1

2

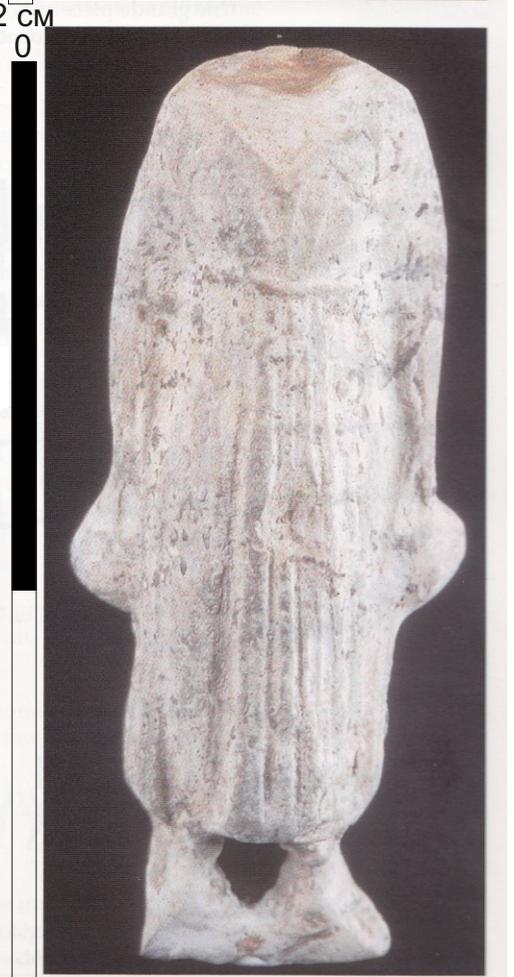
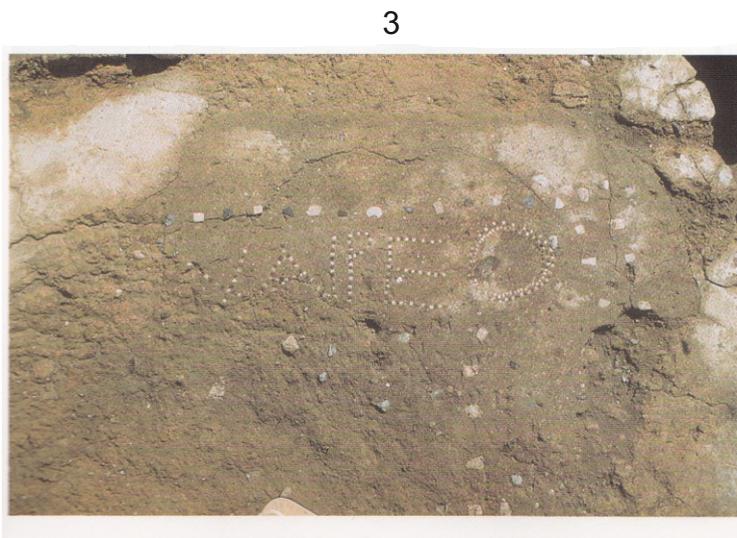
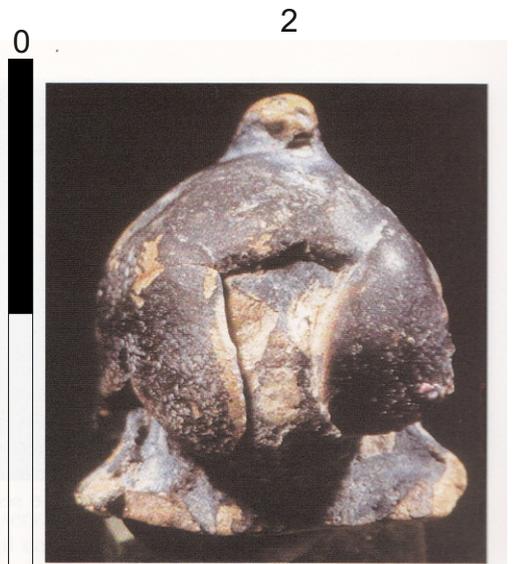
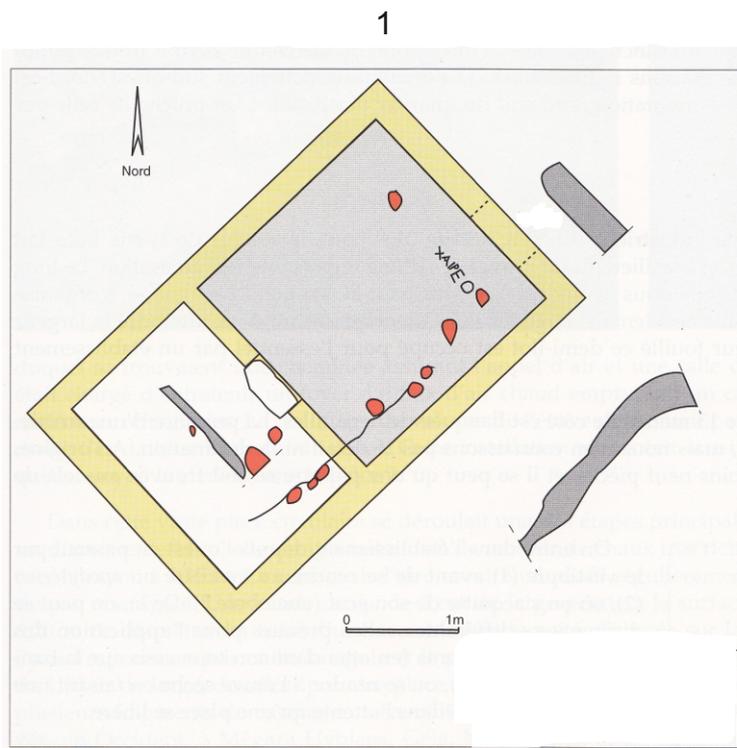
3

Рис. 37. Массалия.

1- импортная терракотовая статуэтка ионического типа: сидящая женщина держит птицу. Раскопки на площади Виво, Музей Док;

2 и 3- стеллы из местного известняка, изображающие сидящую под крышей богиню, открыты на улице Негрель, 2/2 VI в. до н.э. или позже (?). Музей истории.

(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

1. План построек разных строительных периодов;
2. Голова терракотовой статуэтки;
3. Фрагмент мозаики с приветственной надписью;
4. Статуэтка женщины без головы.

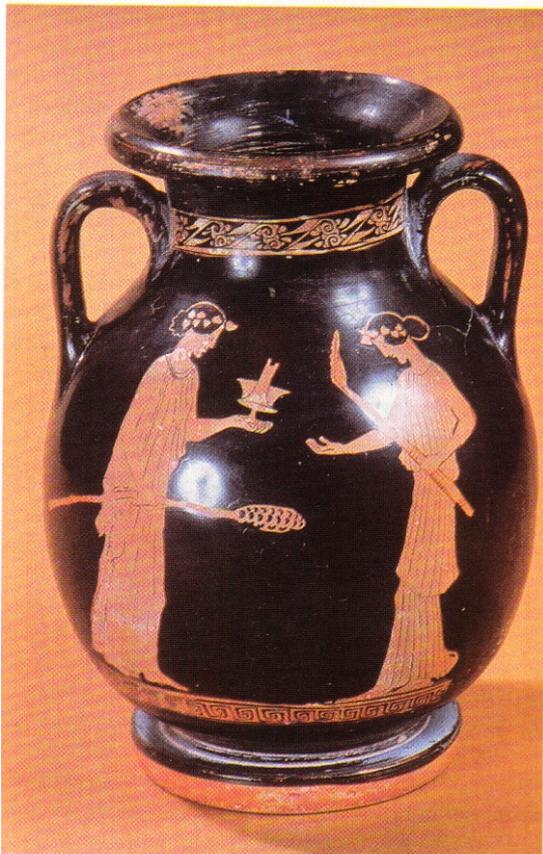
Рис. 38. Массалия. Культурное здание V-II вв. до н.э. с приветственной надписью в «фокейском парке». (по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

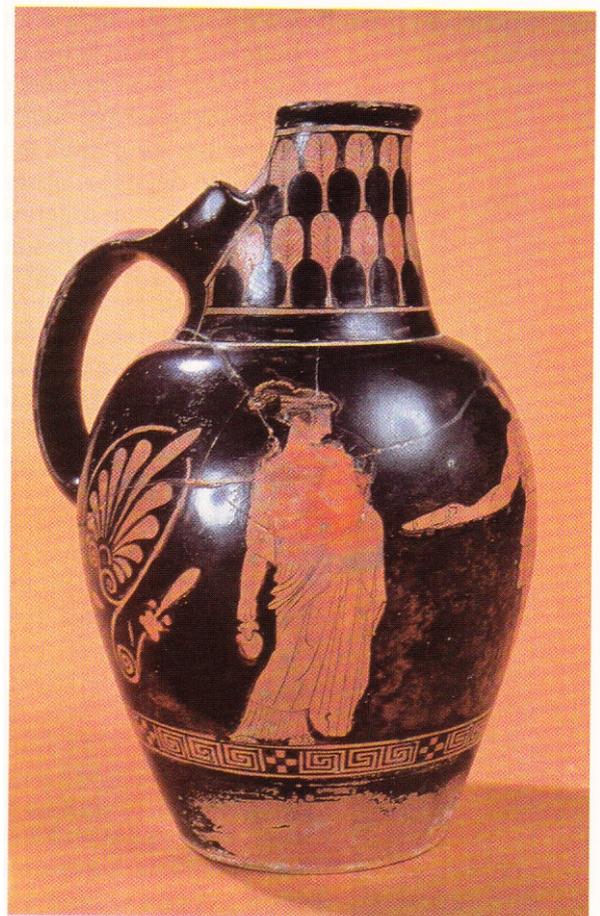
Рис. 39. Массалия.

Деревянная статуя длиной 2,6 м, найденная при раскопках на площади Жюль Верна в слоях V в. до н.э.

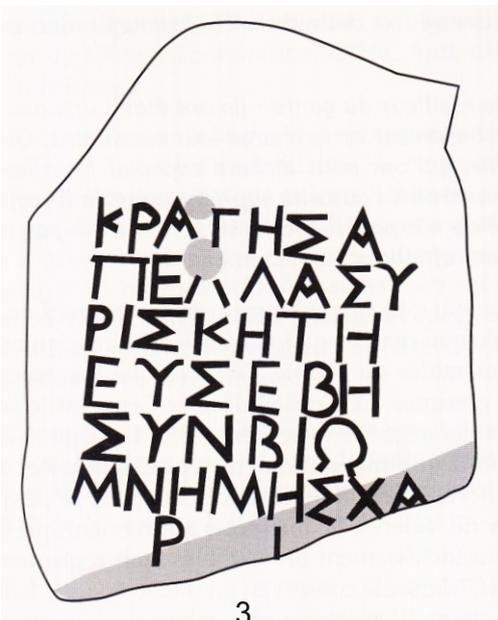
(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

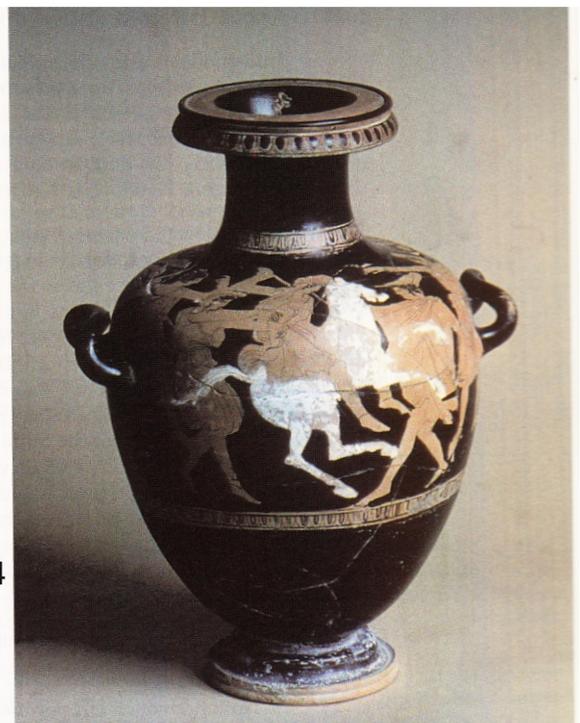
1

2

3

4

Рис. 40. Массалия.

1 и 2- некрополь Сан-Морон, аттические краснофигурные пелика (1) и ойнохойя (2) 430-420-хх гг. до н.э.

3- погребальная стелла из некрополя Сант-Барб

4- северная погребальная террасса, могила 11.

Аттическая краснофигурная гидрия середины IV в. до н.э.

(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 41.
Строительные остатки древней Массалии, северная погребальная терраса.
(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 42.
Строительные остатки древней Массалии, погребальная терраса с триглифами.
(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 43.
Макет Массалии в эллинистическую эпоху. Музей истории Марселя.
(по материалам А. Эрмари, А. Эснар, А. Трезини. 1999).

Рис. 44.
Окрестности античной Массалии.

Рис. 45.
 Ближние окрестности Массалии и оппидумы.

границы территории Массалии до середины III в. до н.э. (по М. Батс)

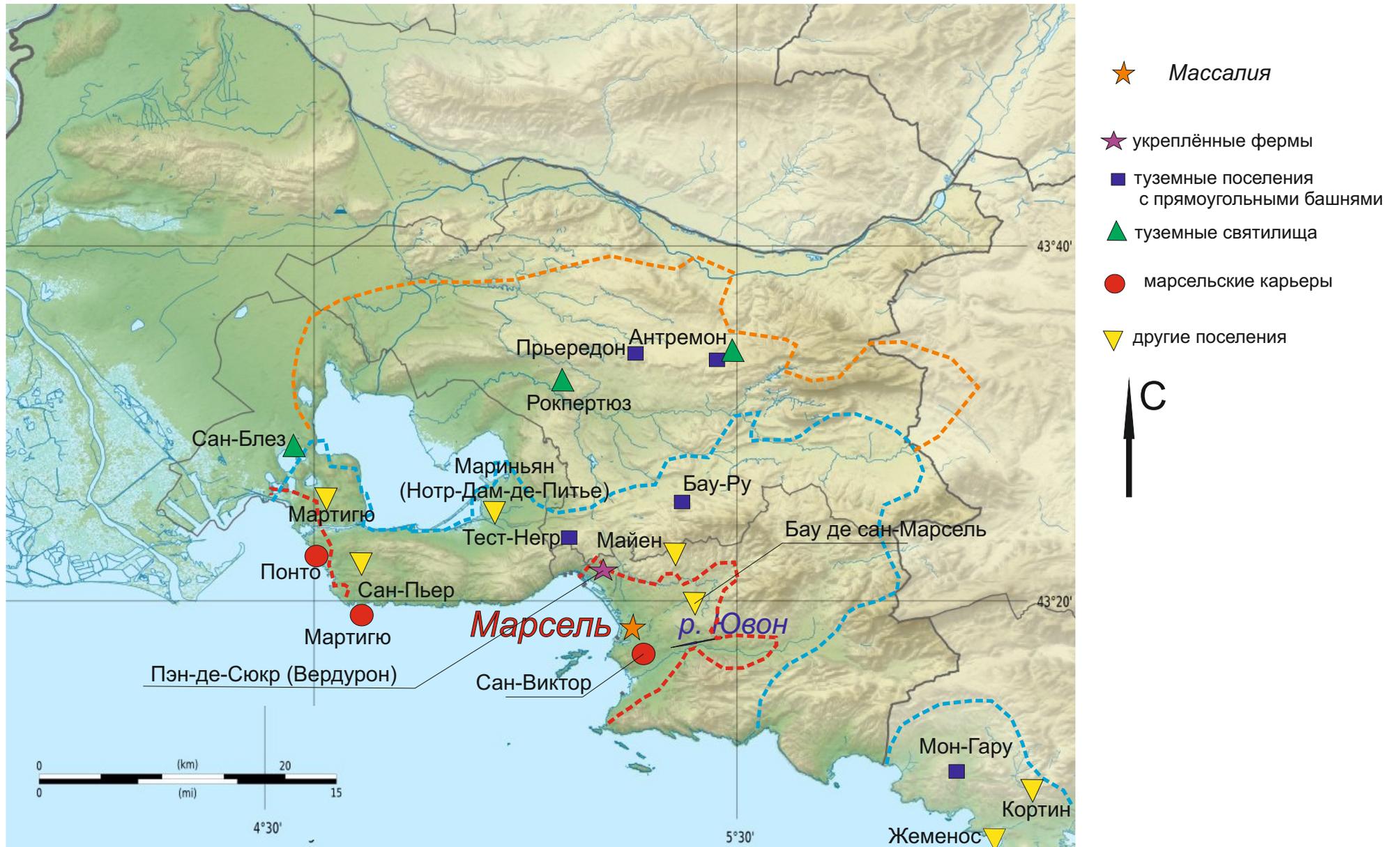

Рис. 46.
Окрестности античной Массалии
По материалам П. Арселина.

- границы территории Марселя
- экономический домен Марселя к концу III в. до н.э.
- границы формирующегося туземного домена

Рис. 47. Окрестности Массалии.
Поселение Вердурон и вид на марсельский залив. (по материалам Л. Бернар,
С. Коллен-Буфье, А. Трезини. 2012).

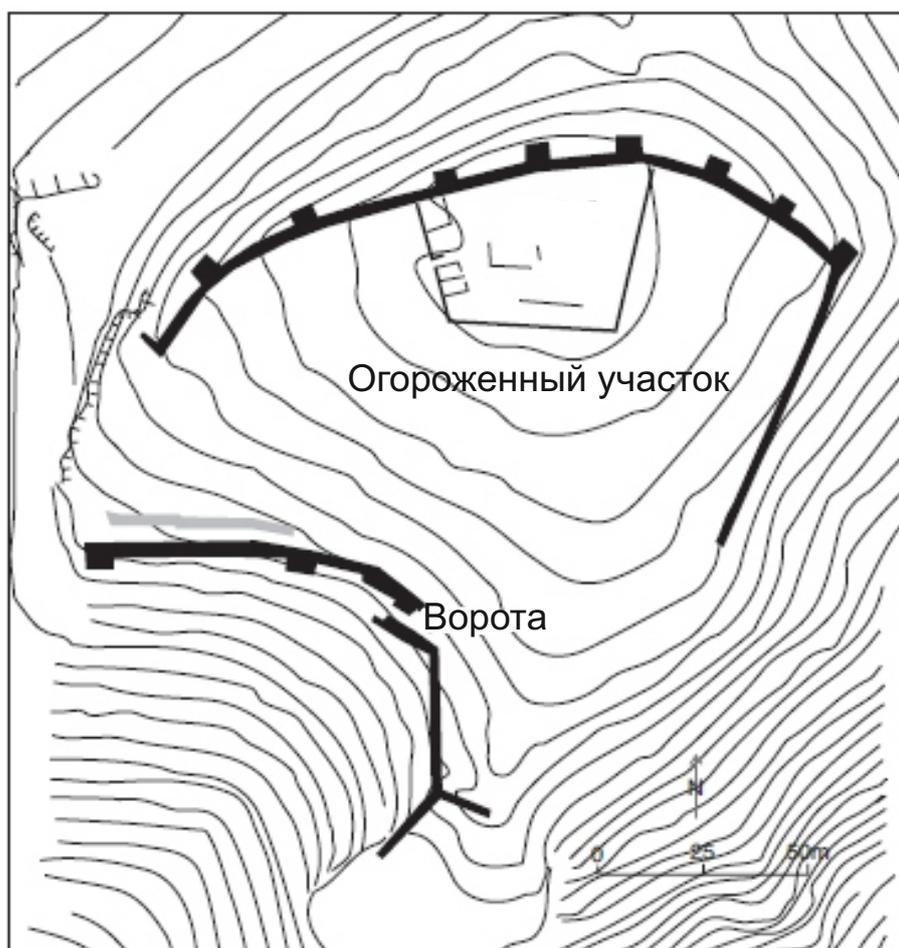
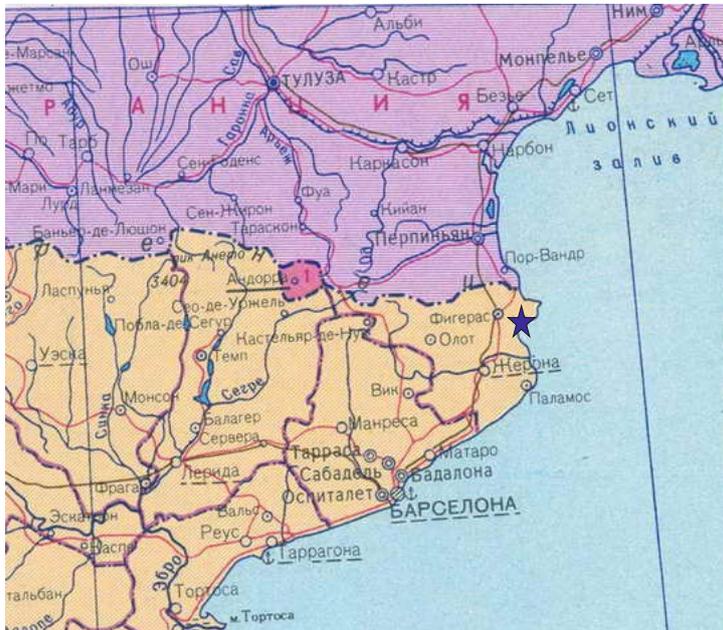

Рис. 48. Окрестности Массалии.
Оппидум Майен. План А. Трезини.

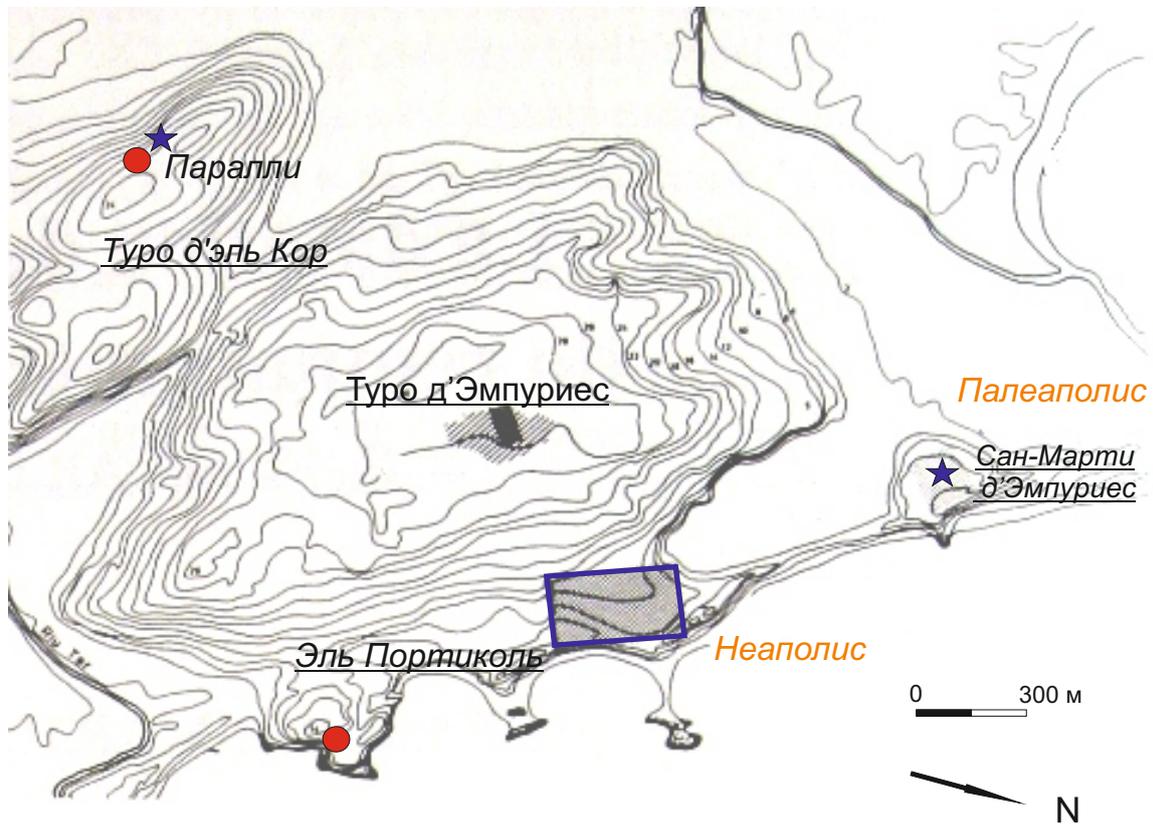
★ древний Эмпорион

Рис. 49.
Расположение Эмпориона на современной географической карте.

Рис. 50.
Греческие и финикийские колонии в Испании.
(по материалам Р. Плана-Маллар. 2004).

● финикийские колонии
● греческие колонии

- ★ поселения эпохи бронзы
- некрополи эпохи бронзы
- Палеаполис* названия греческих поселений
- Будущие границы греческого Неаполиса

Рис. 51. Эмпорион.
 Расположение археологических объектов в окрестностях будущего греческого города (по материалам П. Руюра. 1991).

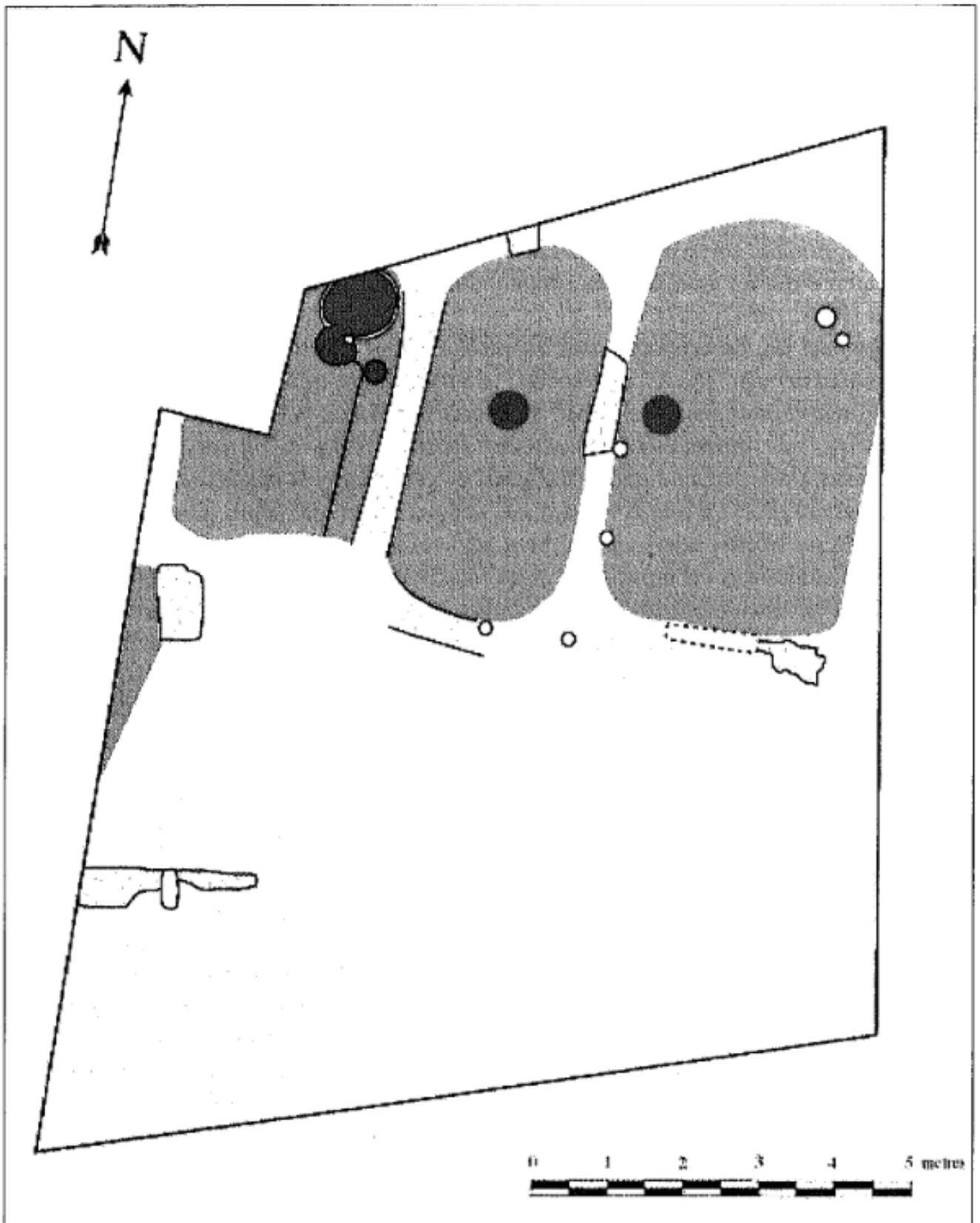

Рис. 52. Эмпорион.
План построек туземной деревни в Сан-Марти д'Эмпурьяс.
(по материалам Акилуэ, Кастанаер, Сантос. 2010).

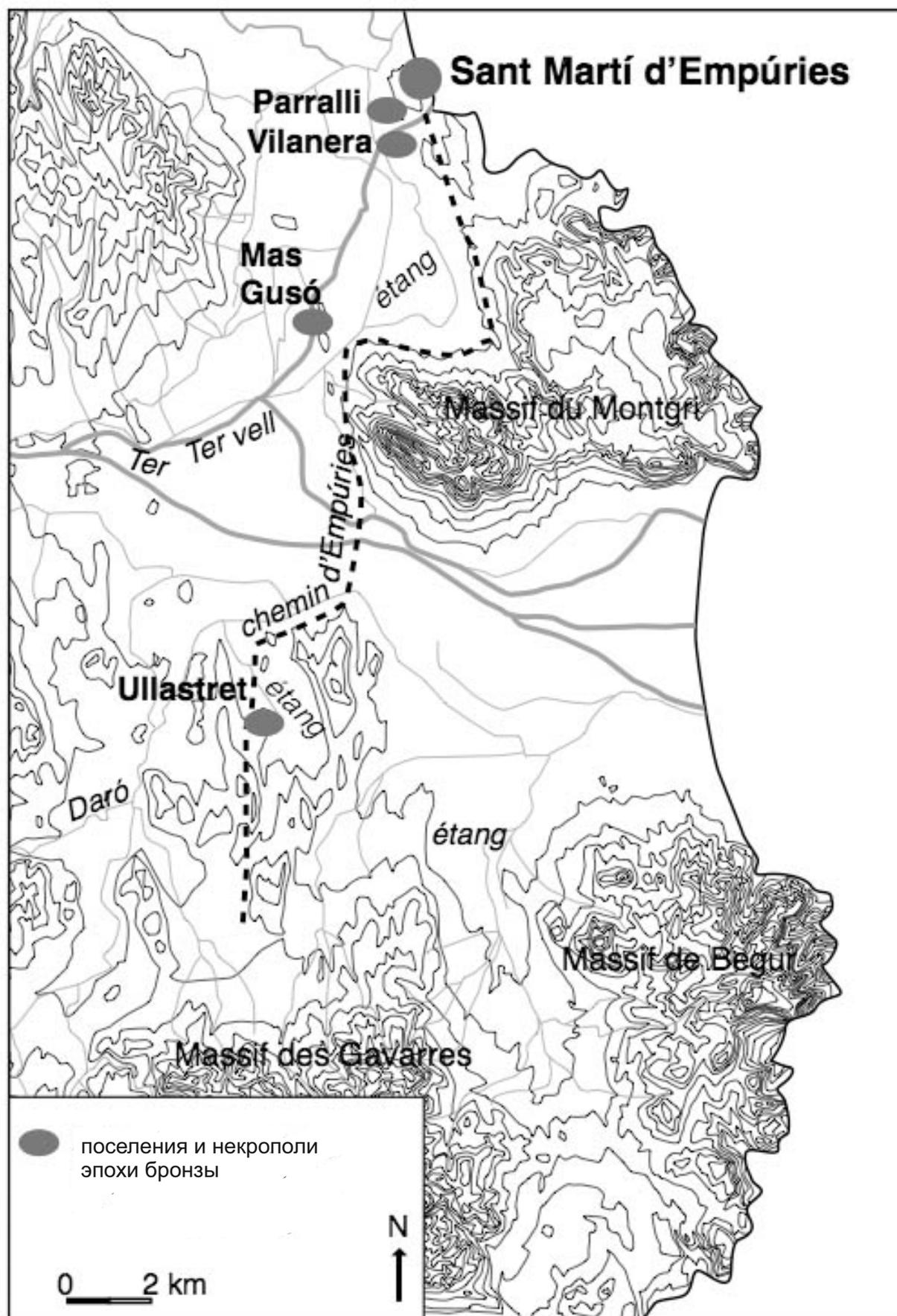

Рис. 53.
 Туземные поселения конца VII - начала VI вв. до н.э.
 в окрестностях Эмпориона. (по материалам Р. Плана-Маллар. 2004).

Рис. 54.
Этрусский кубок буккеронеро, середина VI в. до н.э.
(коллекция Лувра, Wikipedia.).

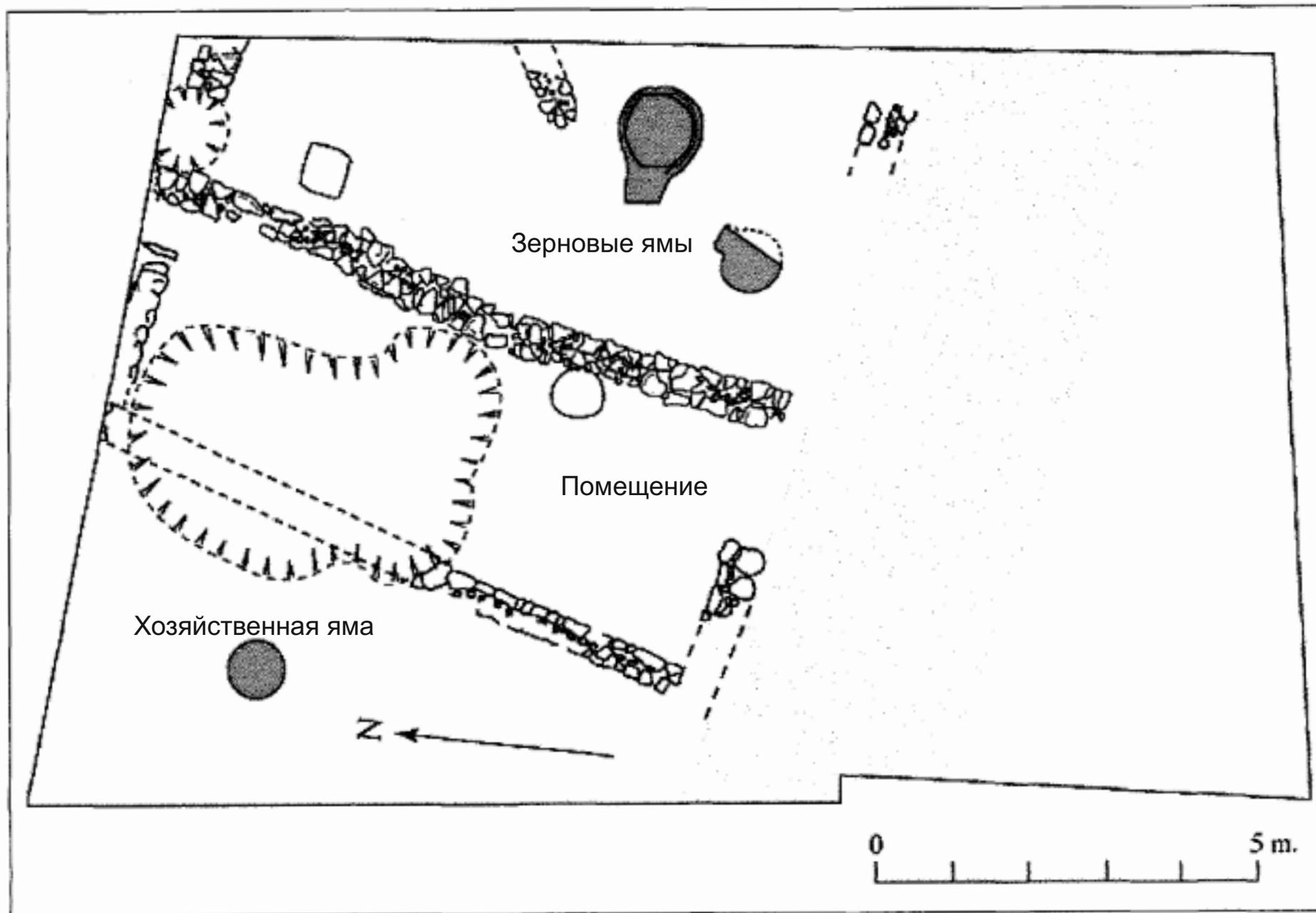
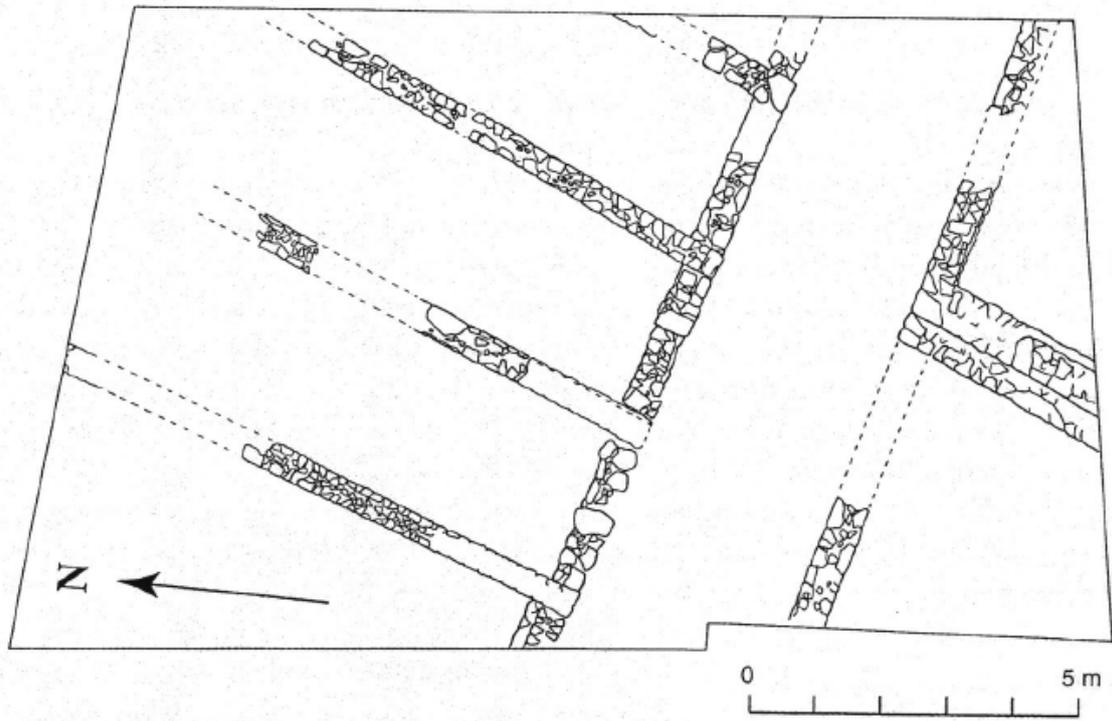

Рис. 55.
План архаических построек Палеаполиса, раскопки 1998 г..
(по материалам Акилуэ, Кастанаер, Сантос. 2002).

Архаическая улица Палеополиса

Иберийские деревни поздней бронзы - раннего железного века
в долине Эбро

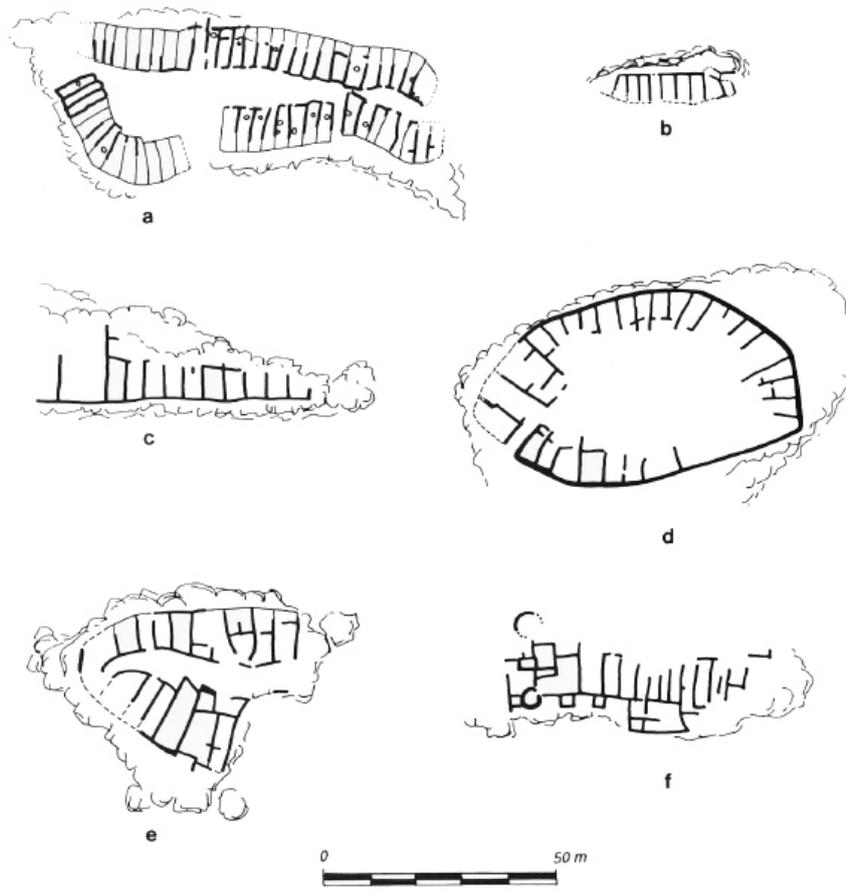

Рис. 56. Окрестности Эмпориона.
Планы архаических построек Палеополиса и иберийских деревень
долины Эбро (по материалам П. Море. 2010).

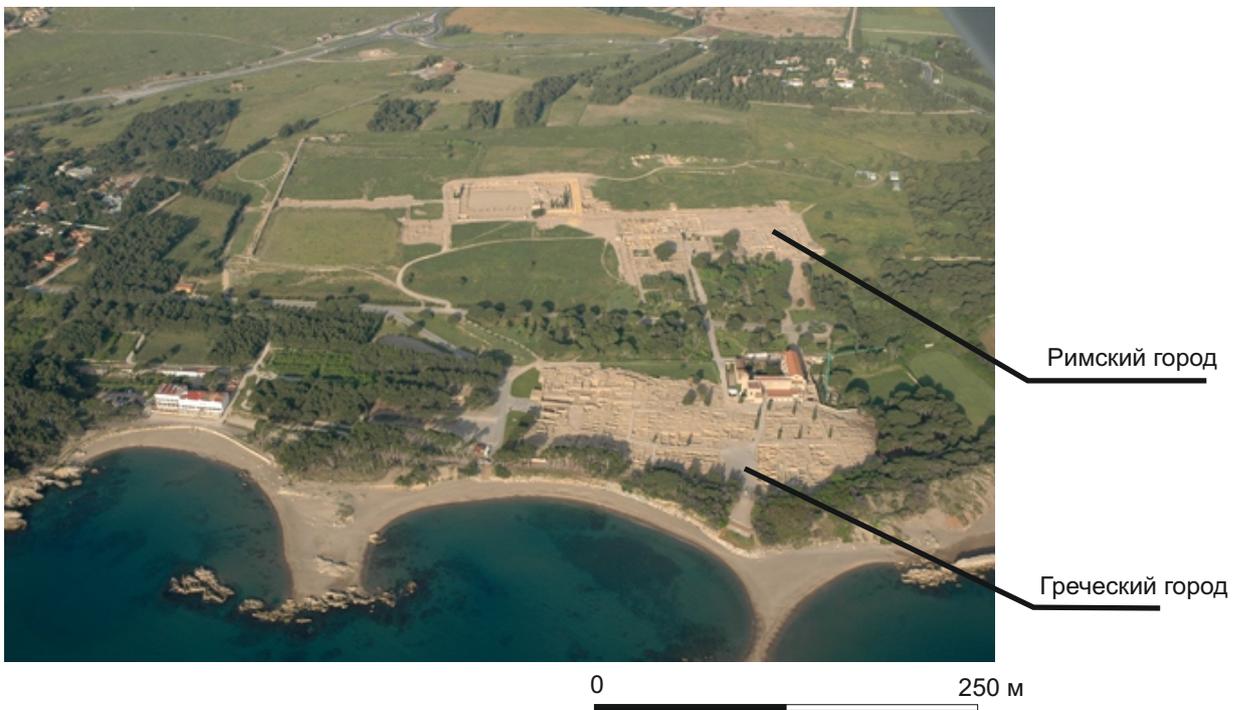

Рис. 57.
Вид с востока на строительные остатки античного Эмпориона.

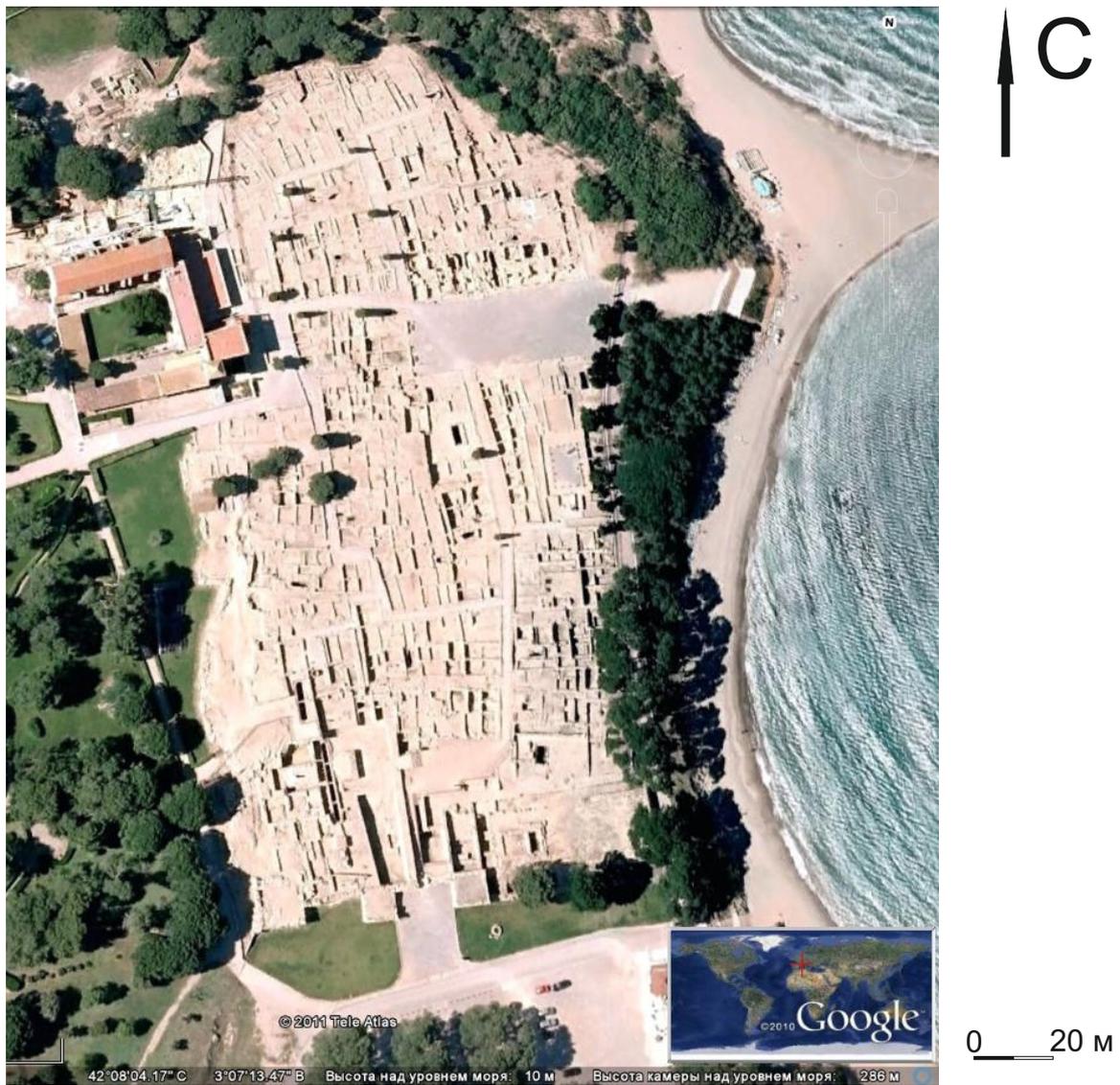

Рис. 58.
Эмпорион, греческий город Неаполис, космический снимок.

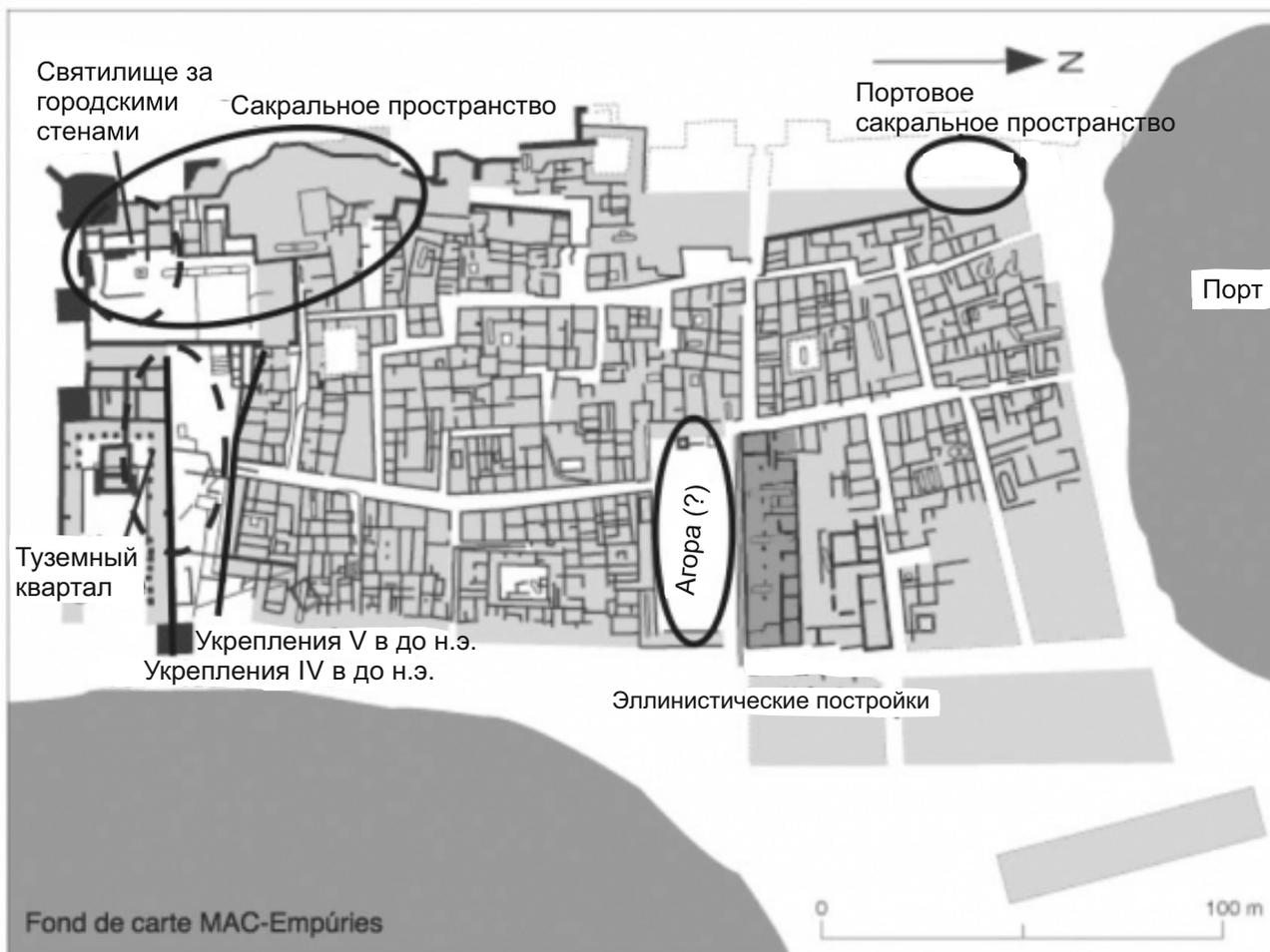
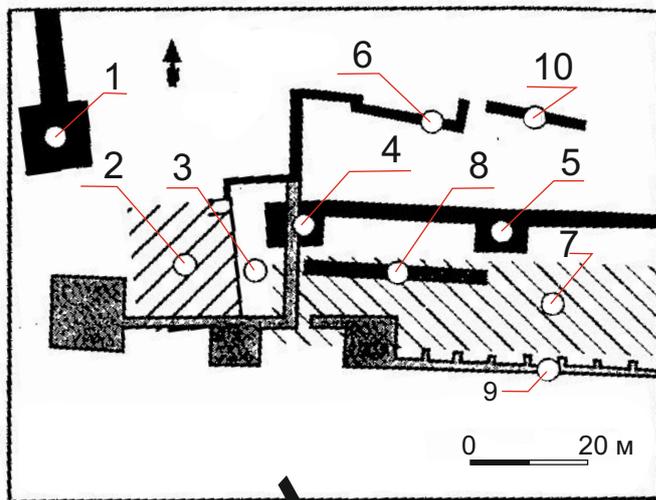

Рис. 59. Эмпорион.
 Схема «ранних» построек Неаполиса
 (по материалам Р. Плана-Маллар. 1994).

- башня V в. до н.э.
- терраса V в. до н.э.
- стены IV в до н.э
- ров IV в. до н.э.
- стена на валу II в. до н.э.
- фортификация II в. до н.э.

↑ С

- 1: Башня и стена V в. до н.э.
- 2: Терраса V в. до н.э.
- 3: Остатки туземного жилища V в. до н.э.
- 4-5: Башни на южной стене IV в. до н.э.
- 6,10: Северные стены IV в. до н.э.
- 7: Ров II в. до н.э.
- 8: Стена, укрепляющая вал II в. до н.э.
- 9: Фортификация II в. до н.э. (следующий строительный период)

0 20 м

Рис. 60.
Фортификация Эмпориона: схема Э. Санмарти на космоснимке
(По материалам А. Трезини/ 1994).

Рис. 61.
Эмпорион. Святилище Асклепия. На первом плане алтарь.
(По материалам Р. Марсе, Э. Санмрти/ 1994).

Рис. 62.
Эмпорион. Страницы полевого дневника Э. Гандиа с раскопок 1919 г.
Изображён материал конца VI - начала V вв. до н.э.
(По материалам Р. Марсе, Э. Санмрти. 1994).

Рис. 63.

Серебряные монеты Эмпориона IV в. до н.э.. Л.С. - голова Артемиды, О.С. - лошадь на более ранних экземплярах, Пегас на более поздних.
(по материалам Р. Морсе, Э. Санмарти. 1990).

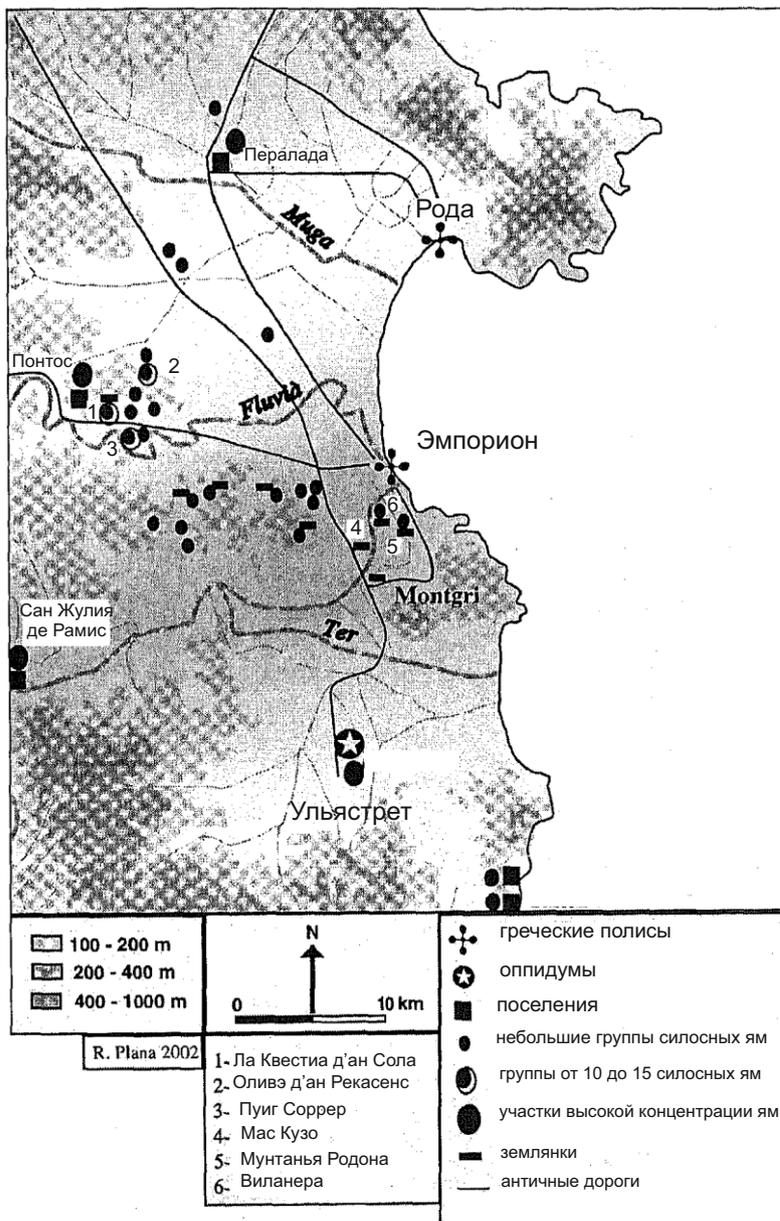

Рис. 64.

Распределение иберийских поселений и зерновых ям вокруг Эмпориона
(По материалам Р. Планы Маллар.1994).

Рис. 65. Окрестности Эмпориона.
План построек оппидума Ульястретт на Пуйг де Сант-Андреу. (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо. 2010).

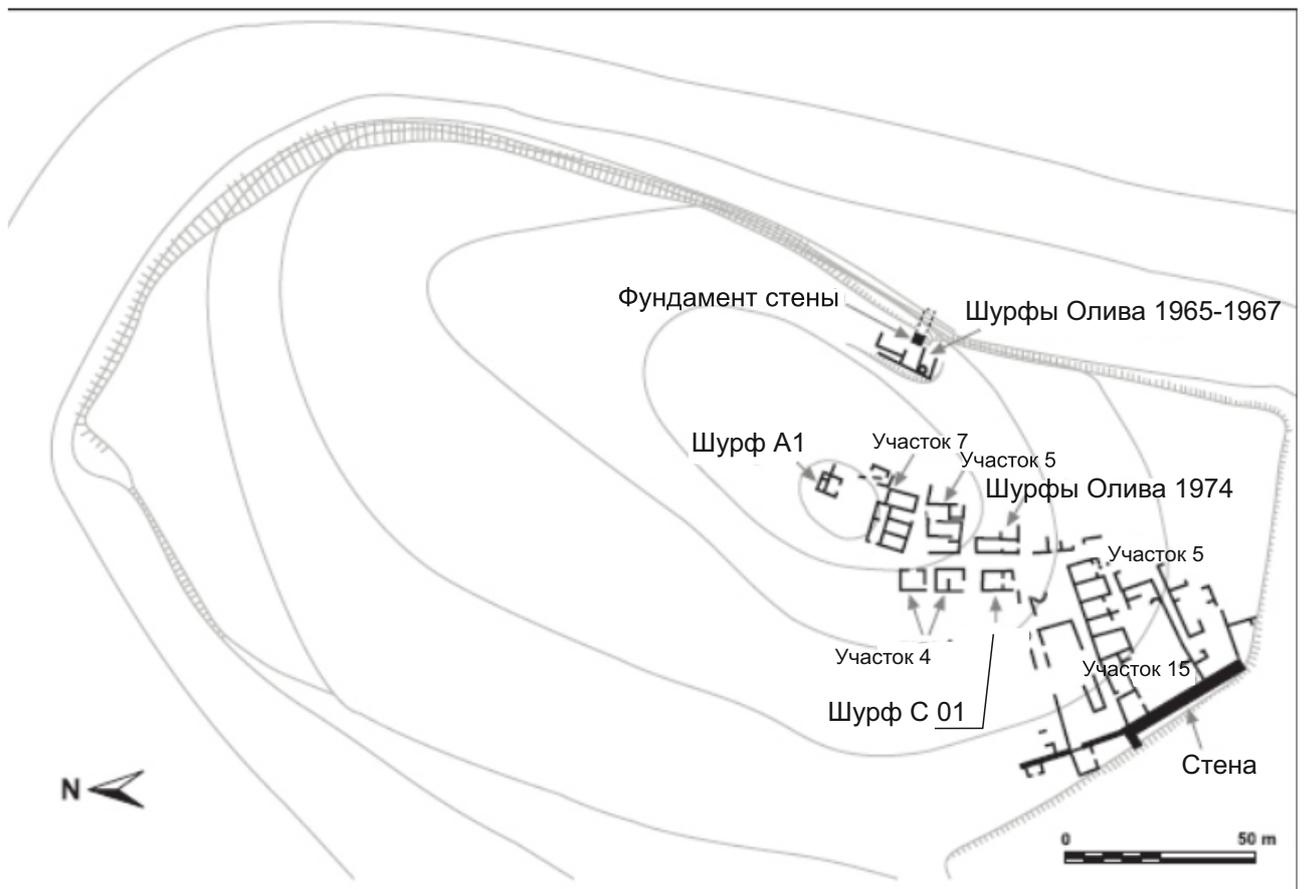

Рис. 66. Окрестности Эмпориона.
План построек оппидума Ульястретт на Илла д'эн Рейсак.
(по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо. 2010).

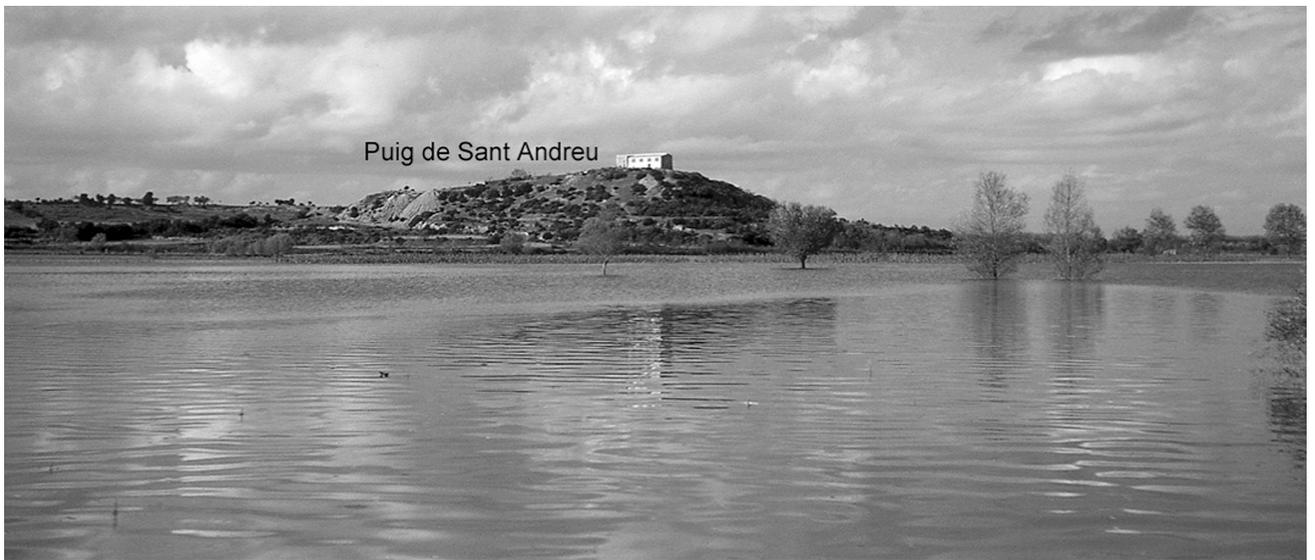

Рис. 68. Окрестности Эмпориона.
Ульястретт, Пуйг де Сант-Андреу. Разлив залива Ульястретт
в ходе дождей 1950 г.
(по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо. 2010).

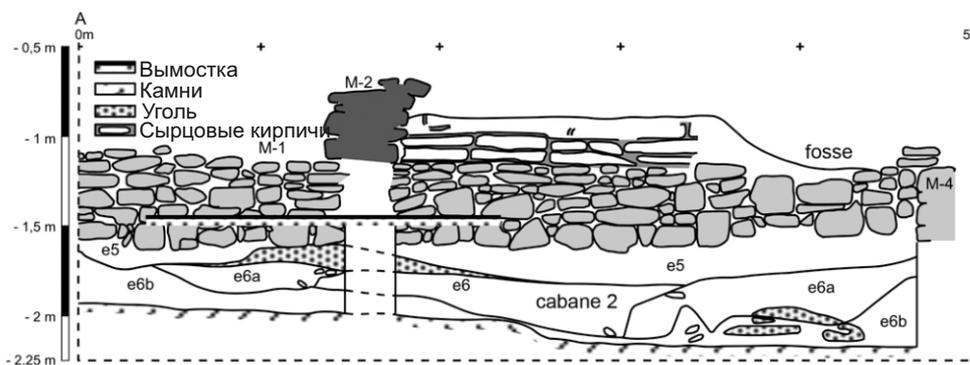
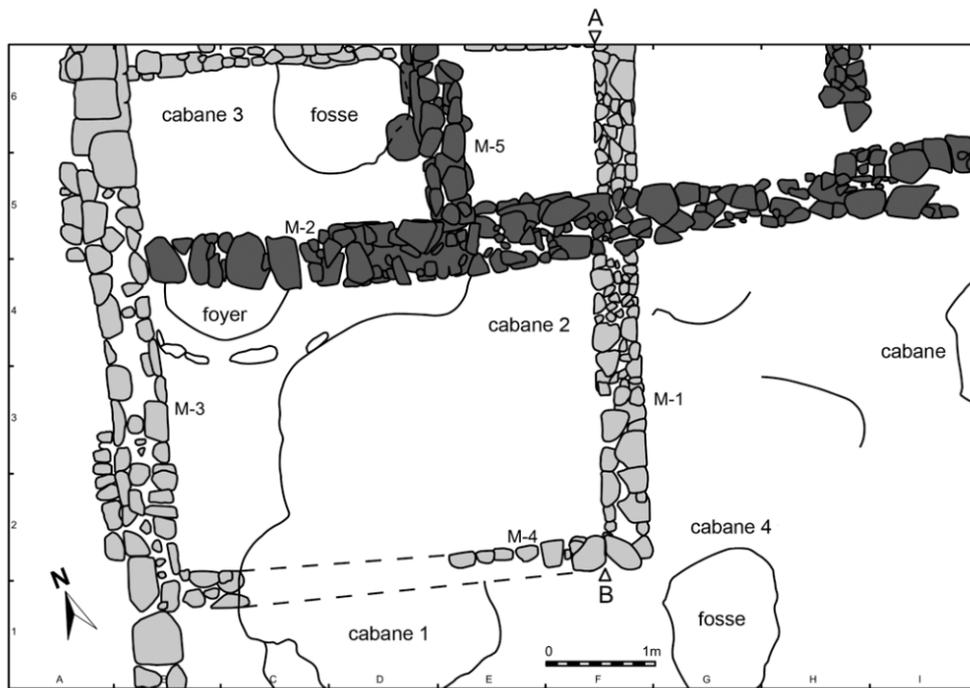

Рис. 69. Окрестности Эмпориона.
План и разрез домов на Илла д'ен Рейсак.
(по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо. 2010).

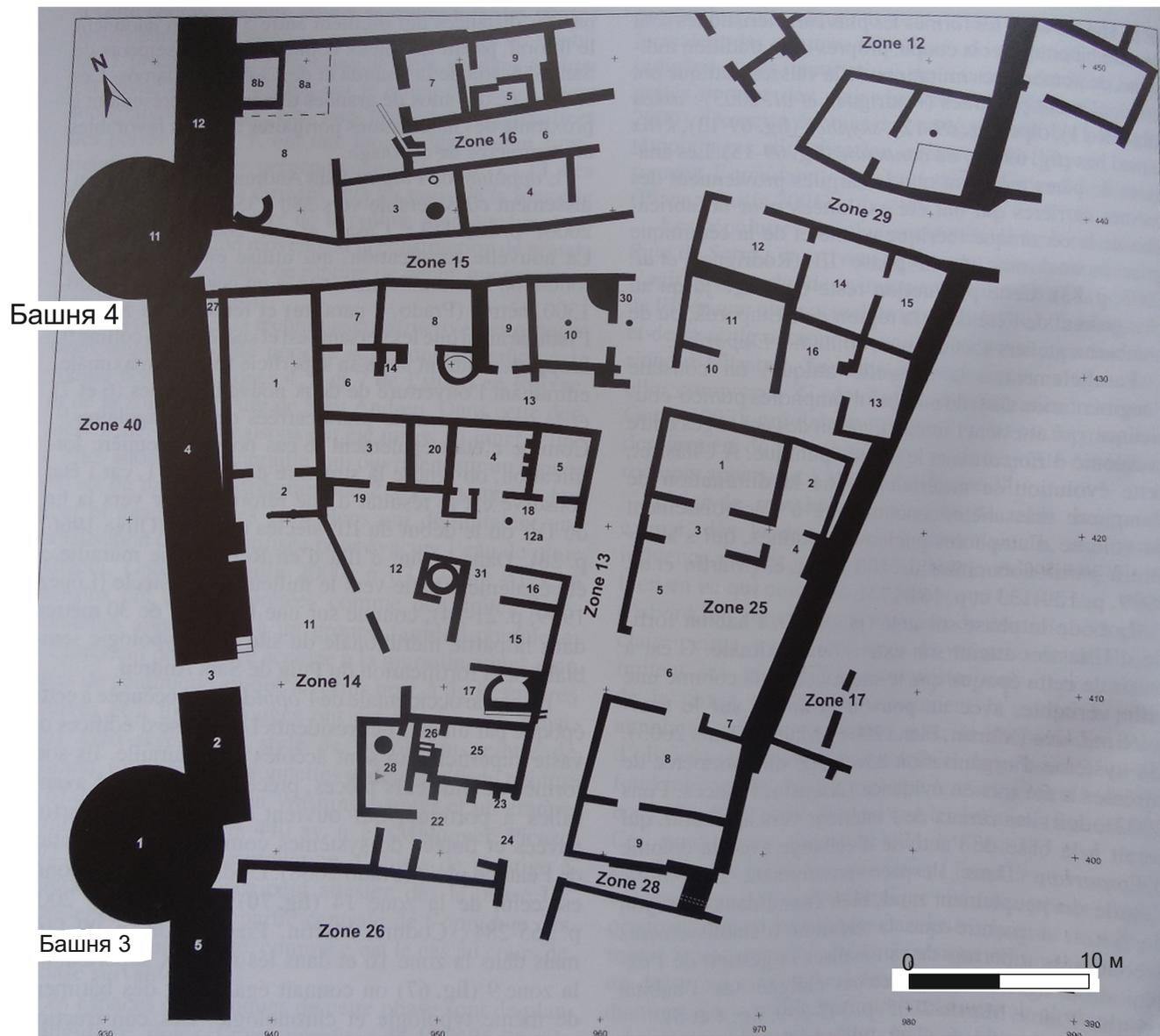

Рис. 70. Окрестности Эмпориона.
 План участков 14 ,16 и 25 Пуйг де Сант-Андреу.
 (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо. 2010).

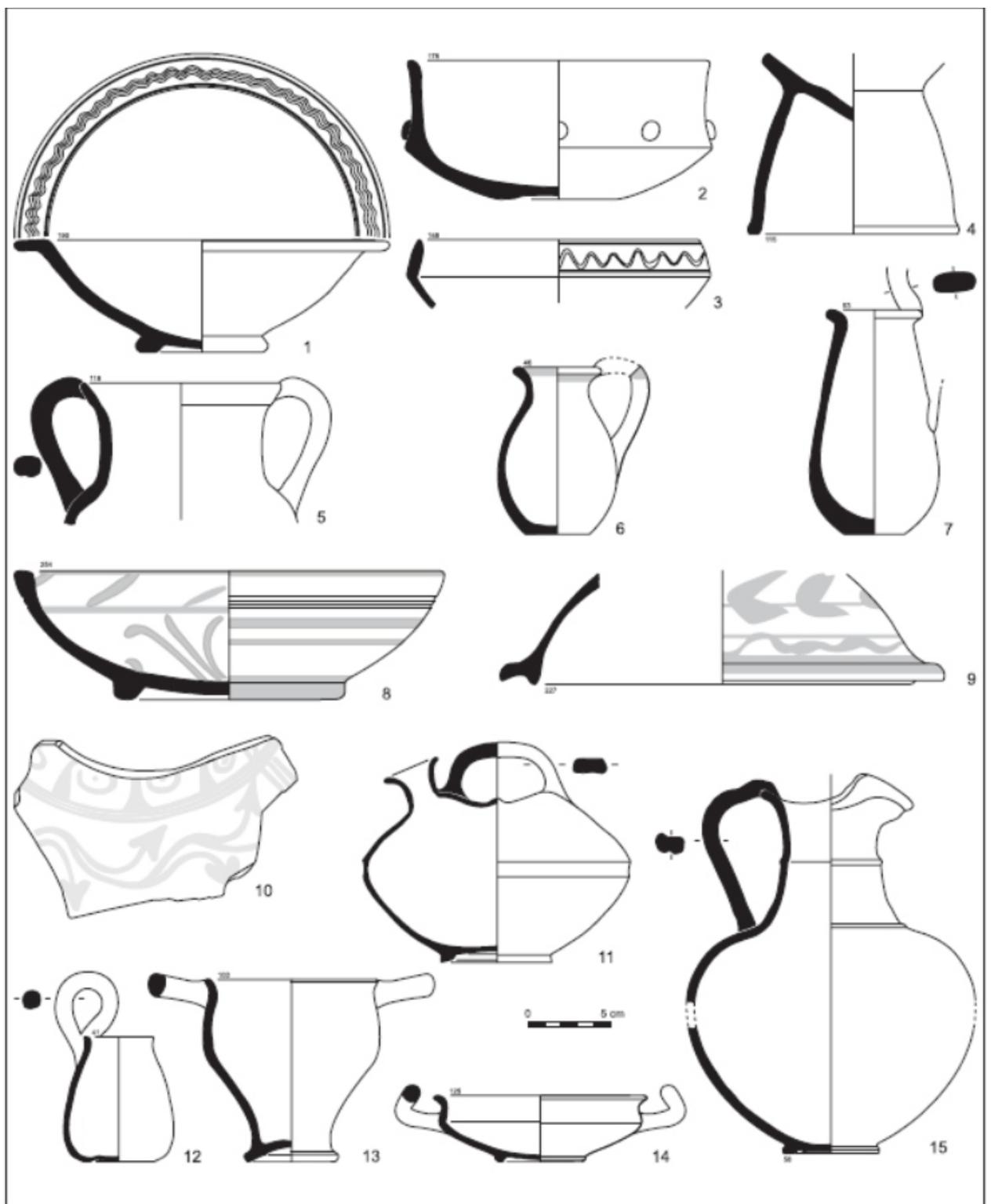

Рис. 71. Окрестности Эмпориона.
 Керамика, изготавливаемая на Ульястретте,
 имитирующая греческую. 1-5: серая однотонная керамика; 6-9:
 светлоглиняная керамика;
 10 - иберийская керамика с рисунками белой краской;
 11-15: серая керамика с побережья
 Каталонии (по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо. 2010).

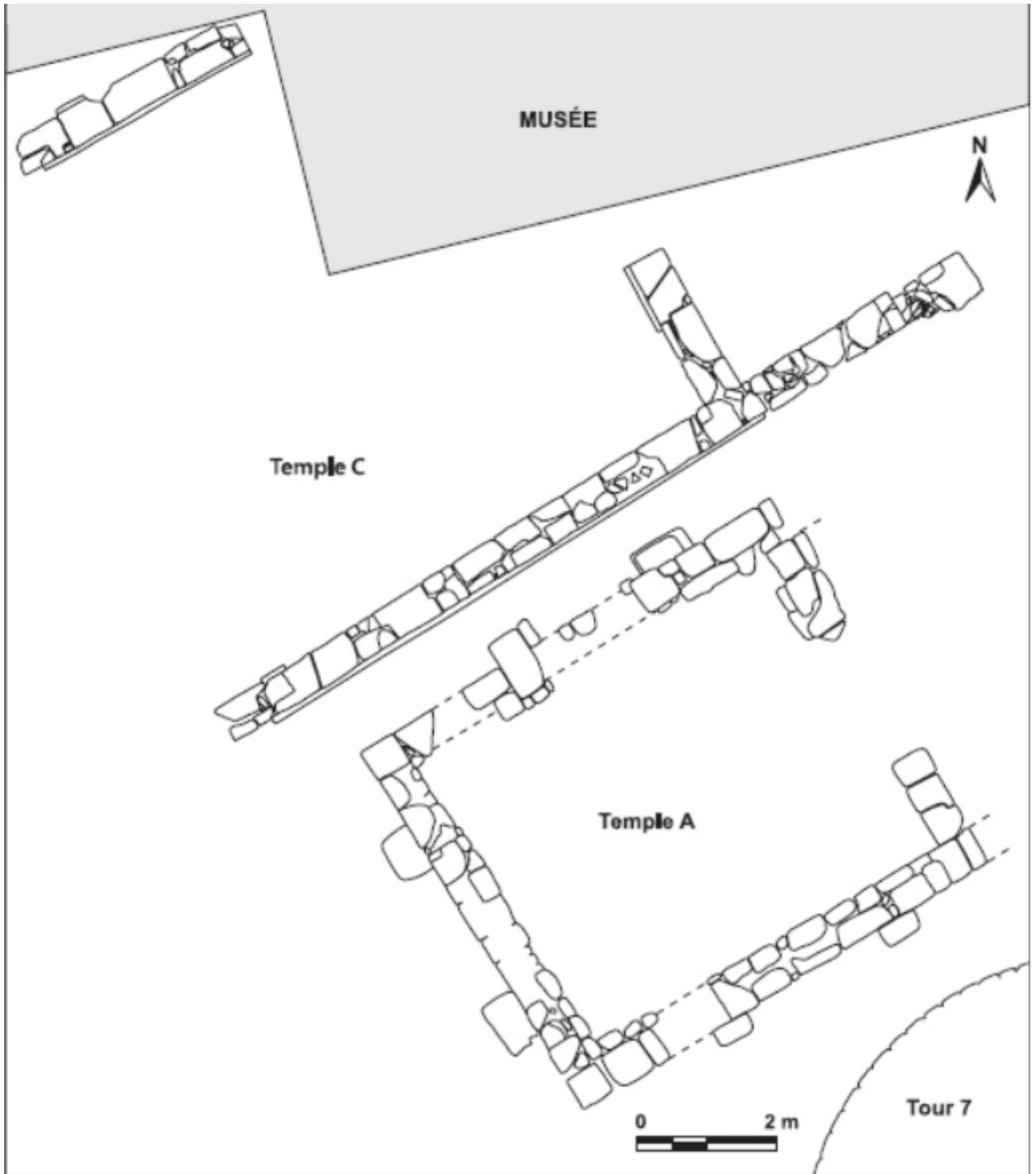

Рис. 72. Окрестности Эмпориона.
План храмов на поселении Пуйг де Сант-Андреу
(по материалам Мартин, Кодина, Плана, Прадо. 2010).

Рис. 73. Окрестности Эмпориона.
Основание колонны классического типа, найденной в Улястретте.
(по материалам Р. Плана-Маллар. 2012).

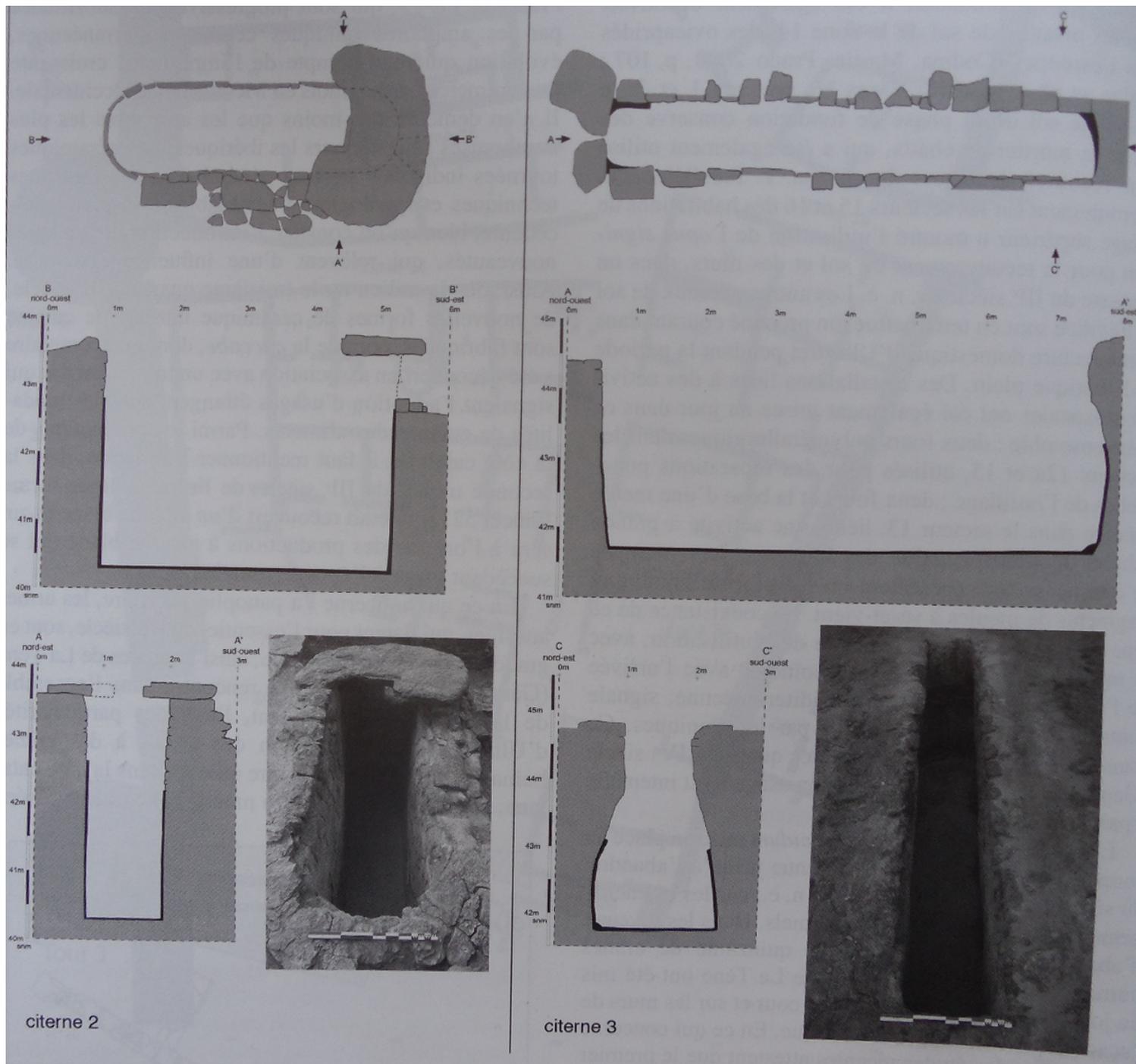

Рис. 74. Окрестности
Эмпориона.
Водосборные цистерны
на поселении Пуйг
де Сант-Андреу.
(по материалам Мартин,
Кодина, Плана, Прадо. 2010).

Рис. 75. Окрестности Эмпориона.
Оппидум Сан-Хулия де Рамис.
Производственная печь внутри жилого помещения.
(по материалам Ж. Бурш, Ж-М. Нолла, Ж. Сагера. 2010).

Рис. 76. Окрестности Эмпориона.
Оппидум Сан-Хулия де Рамис.
Северная стена оппидума (все хронологические периоды).
(по материалам Ж. Бурш, Ж-М. Нолла, Ж. Сагера. 2010).

Рис. 77. Окрестности Эмпориона.
Остатки ионийской колонны, найденные на поселении Понтос.
(по материалам Р. Плана-Маллар. 2012).

Рис. 78.
Зерновая яма с перекрытием в окрестностях Эмпориона.
(по материалам Ж. Бурш, Ж-М. Нолла, Ж. Саггера. 2010).

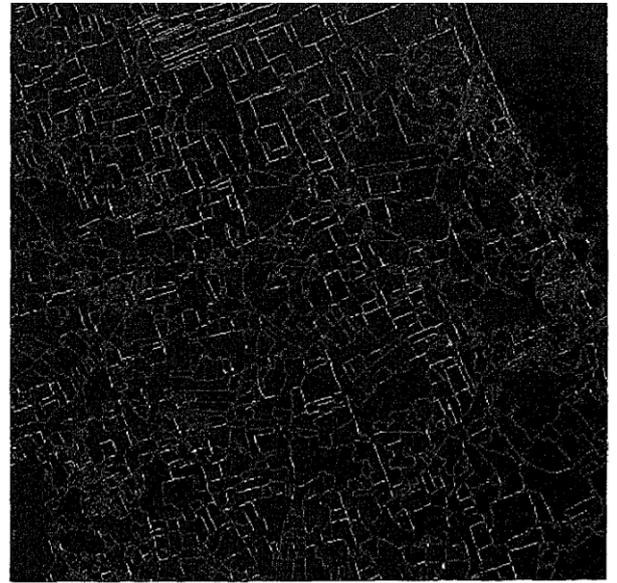
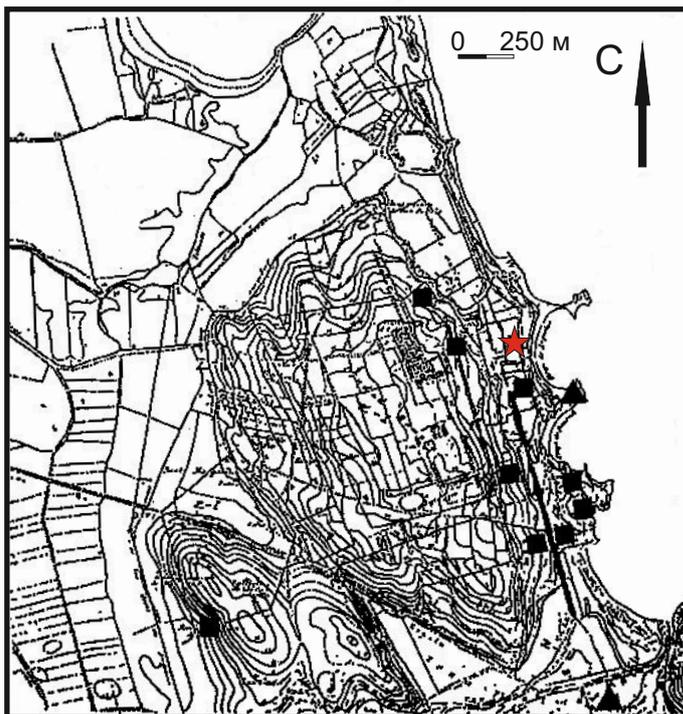

Рис. 79.
Следы кадастра в окрестностях Эмпориона.
(по материалам Ж. Делезир. 1998).

- ★ греческий Эмпорион
- греческие и иберийские некрополи
- ▼ карьеры

Рис. 80
Распределение некрополей и карьеров к югу от Эмпориона
(По материалам Р. Планы Маллар. 1994).

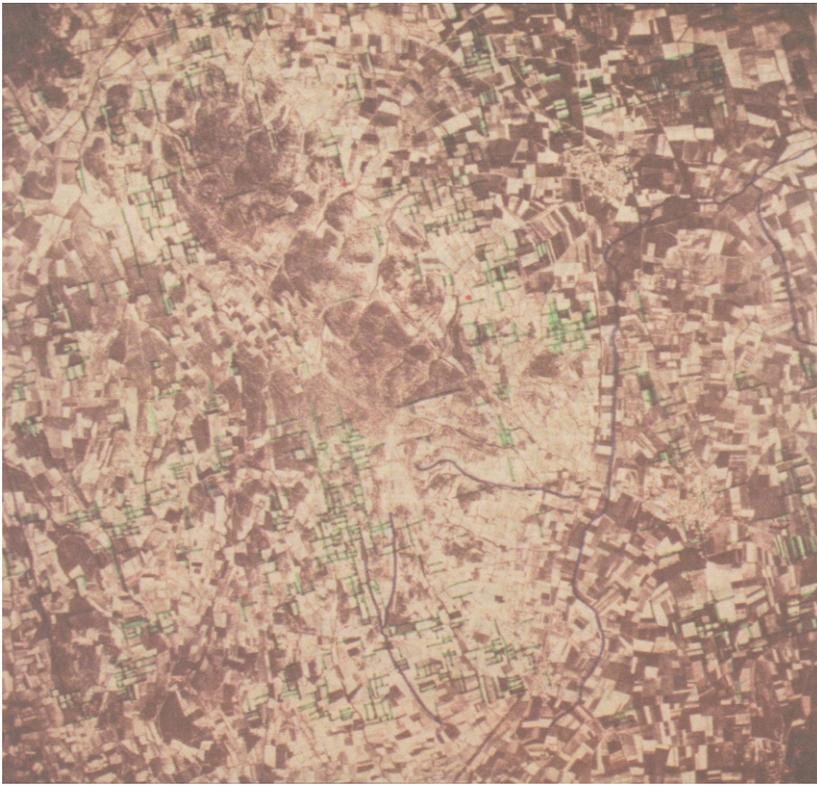
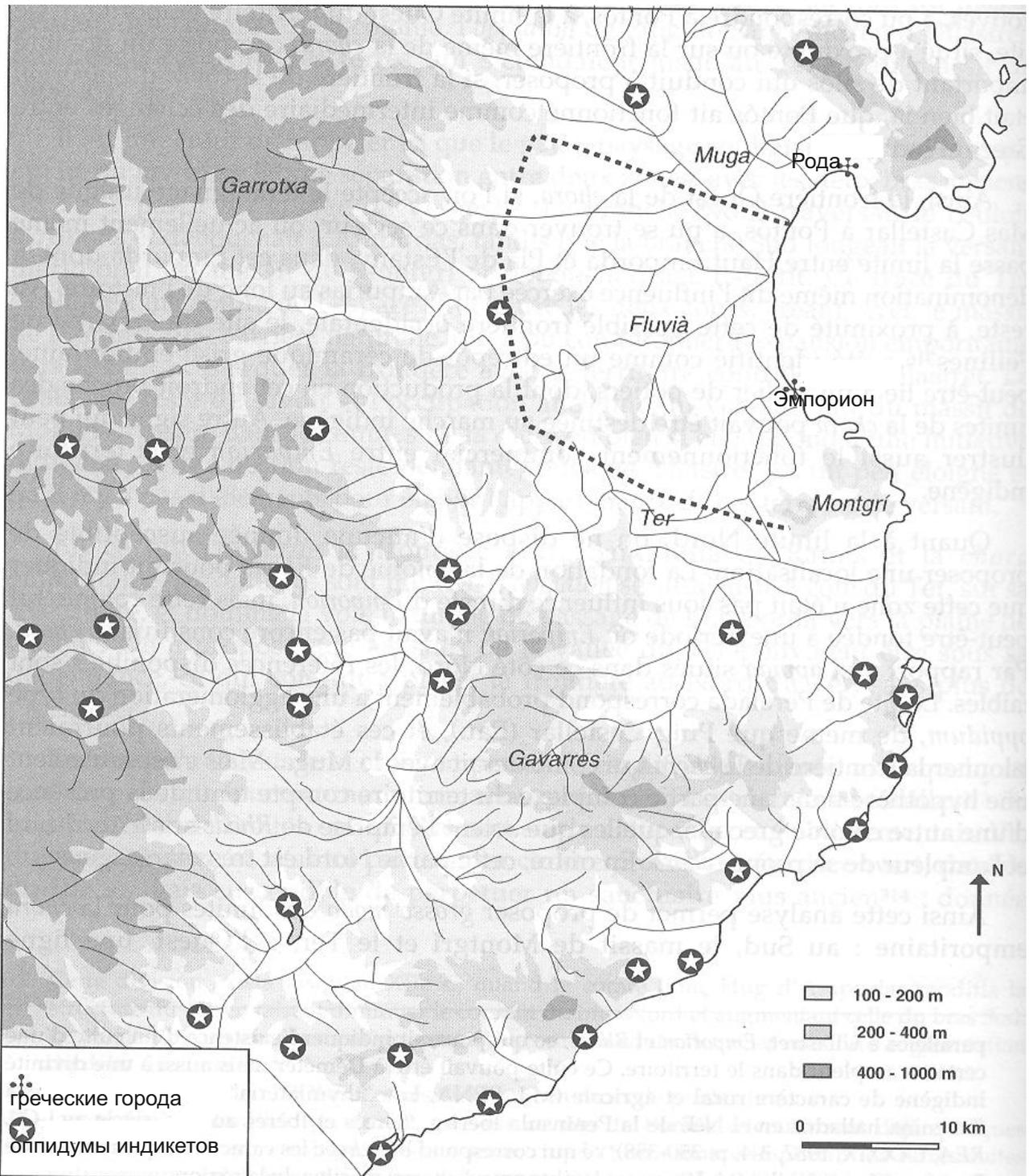

Рис. 81.
Восстановление греческого кадастра у Эмпориона.
Аэрофотография 1957 г.
(по материалам Р. Плана-Маллар. 1994).

..... возможные границы хоры Эмпориона

Рис. 82.
Возможные границы хоры Эмпориона
(по материалам Р. Плана-Маллар. 1994).

Рис. 83. Эмпорион.

Аттический килик с изображенными персонажами 1/2 V в. до н.э. Аттическая керамика с персонажами - это один из видов импорта, доказывающий существование торговых связей между купцами из Эмпориона и местными жителями по обеим сторонам Пиренеев. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).

Рис. 84. Эмпорион.

Аттический кратер середины V в. до н.э. Предназначался для смешивания воды с вином во время пиршества. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмрти. 1990).

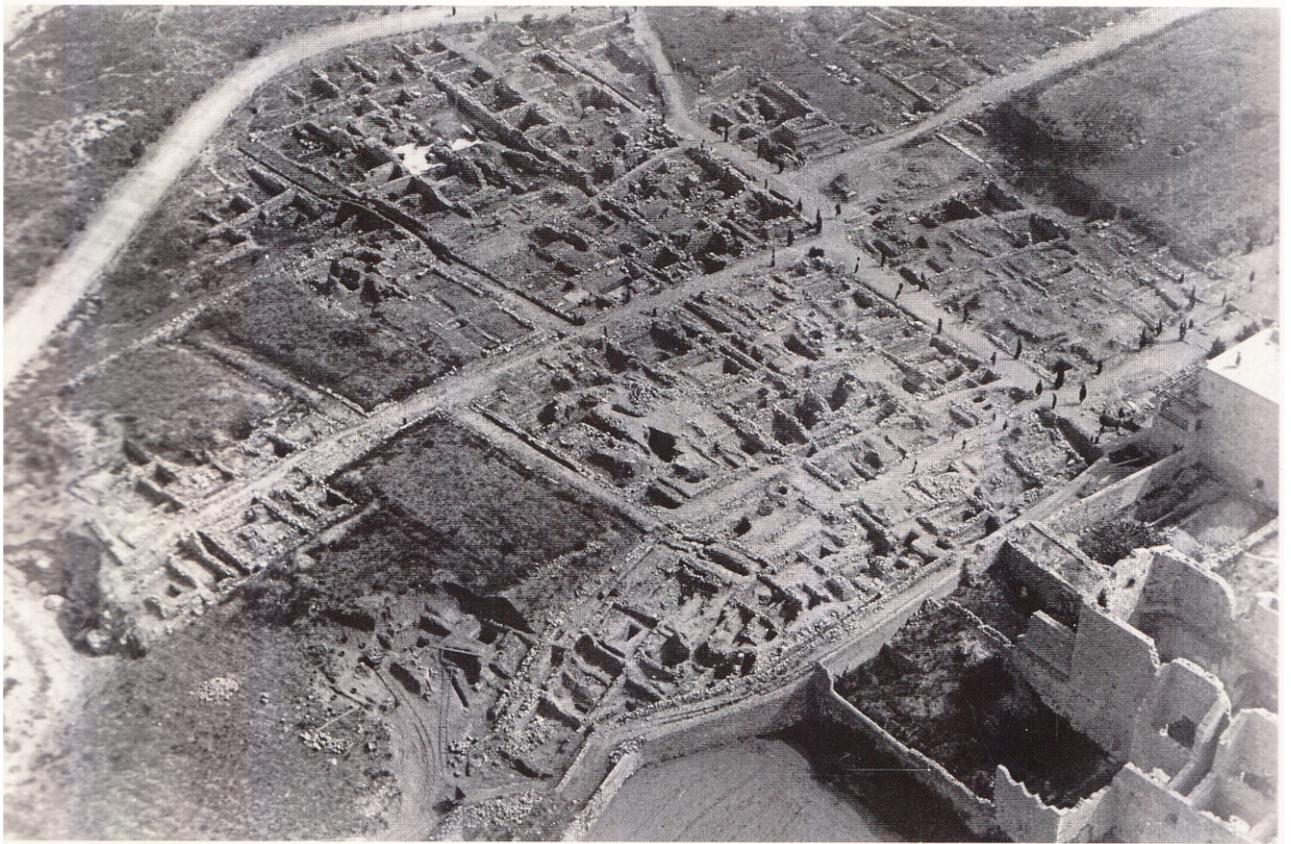

Рис. 85. Эмпорион.

Руины обители Святой Марии де Грация, где расположен монографический музей, и раскопки северной части Неаполиса (30-е гг. XX века). (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).

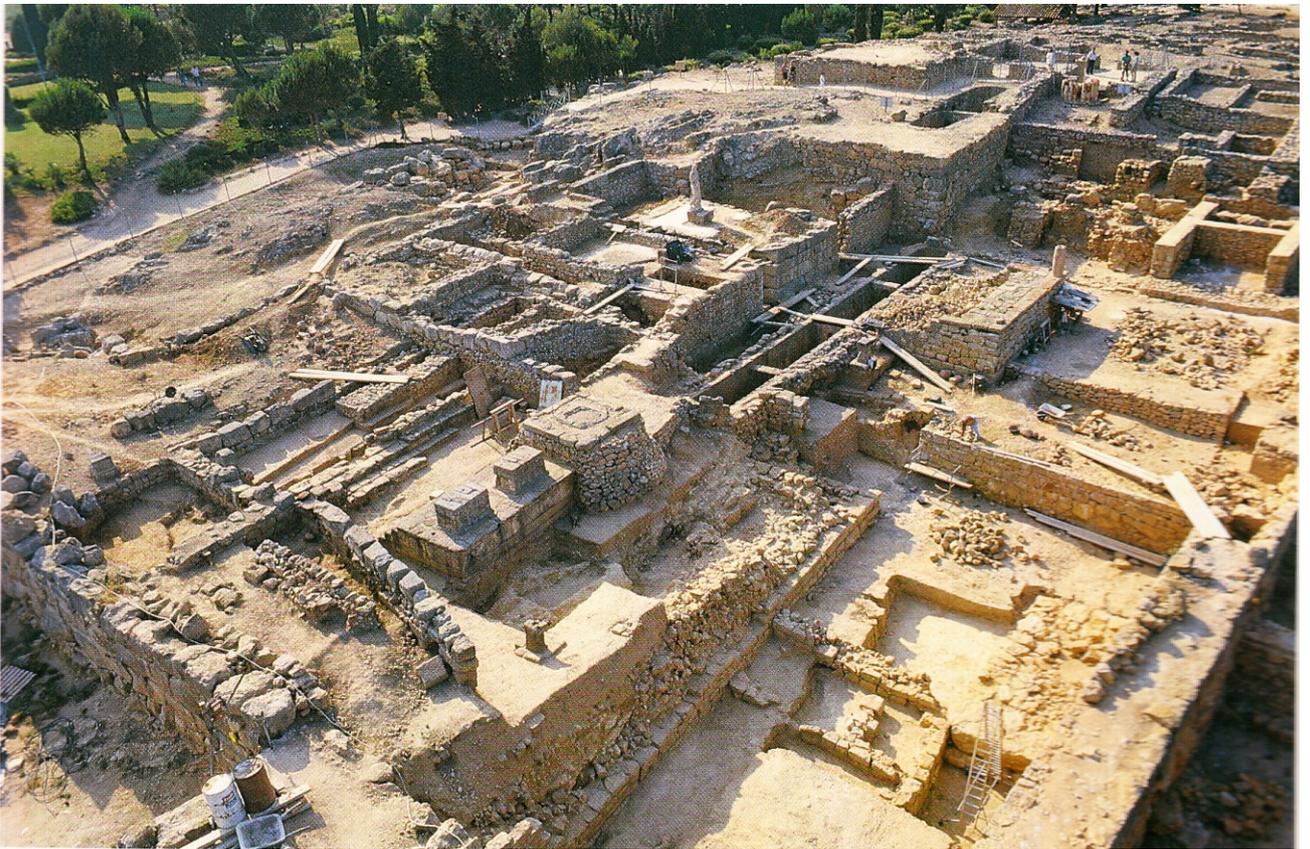

Рис. 86. Эмпорион.

Раскопки северо-западной части Неаполиса весной 1989 г. Здесь видны все храмы и остатки общественных зданий, кроме храма Сераписа, а также стены II - I вв. до н.э. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).

Рис. 87. Эмпорион.

Южная часть Эмпориона в процессе раскопок 1989 г. Видны остатки общественных зданий и стен V -III в. до н.э. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).

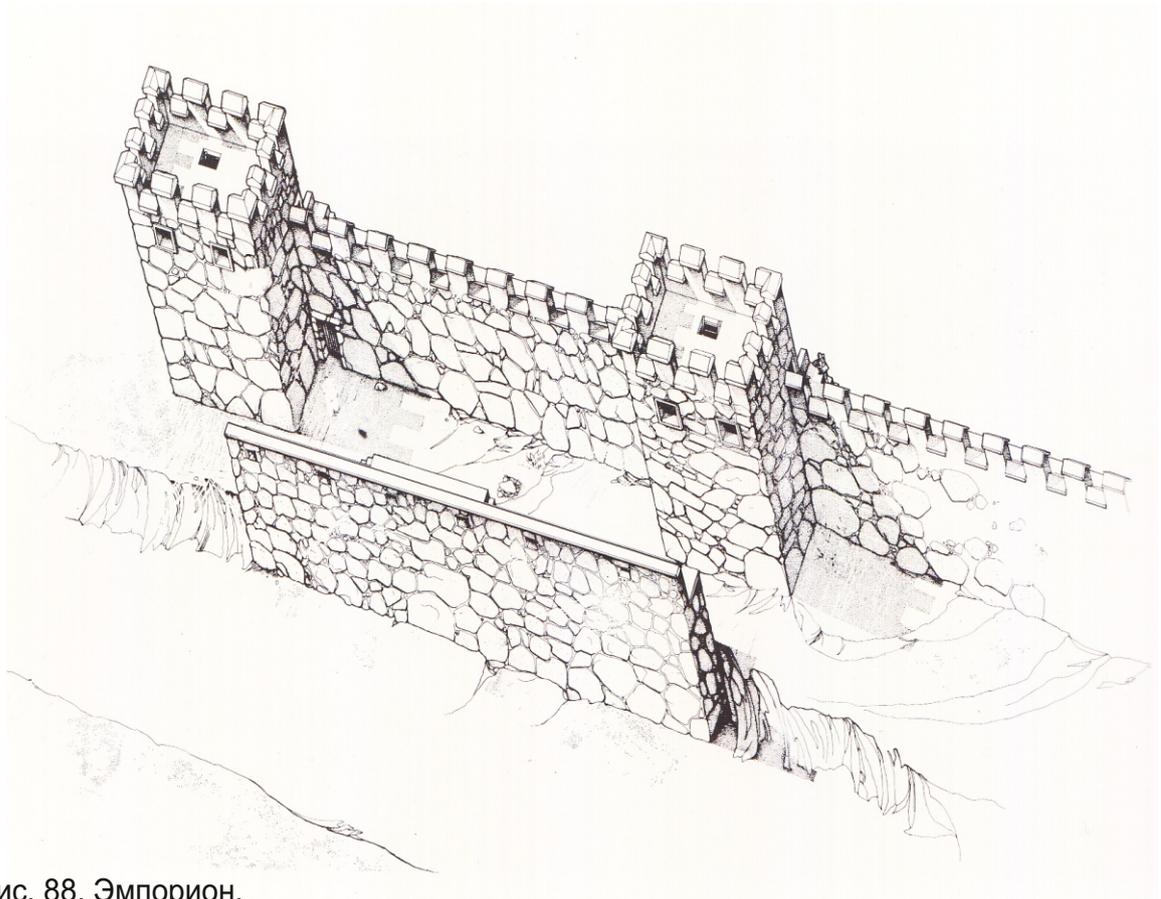

Рис. 88. Эмпорион.

Южная часть стены IV в. до н.э., перед ней эллинистическая протеихизма конца III в. до н.э. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).

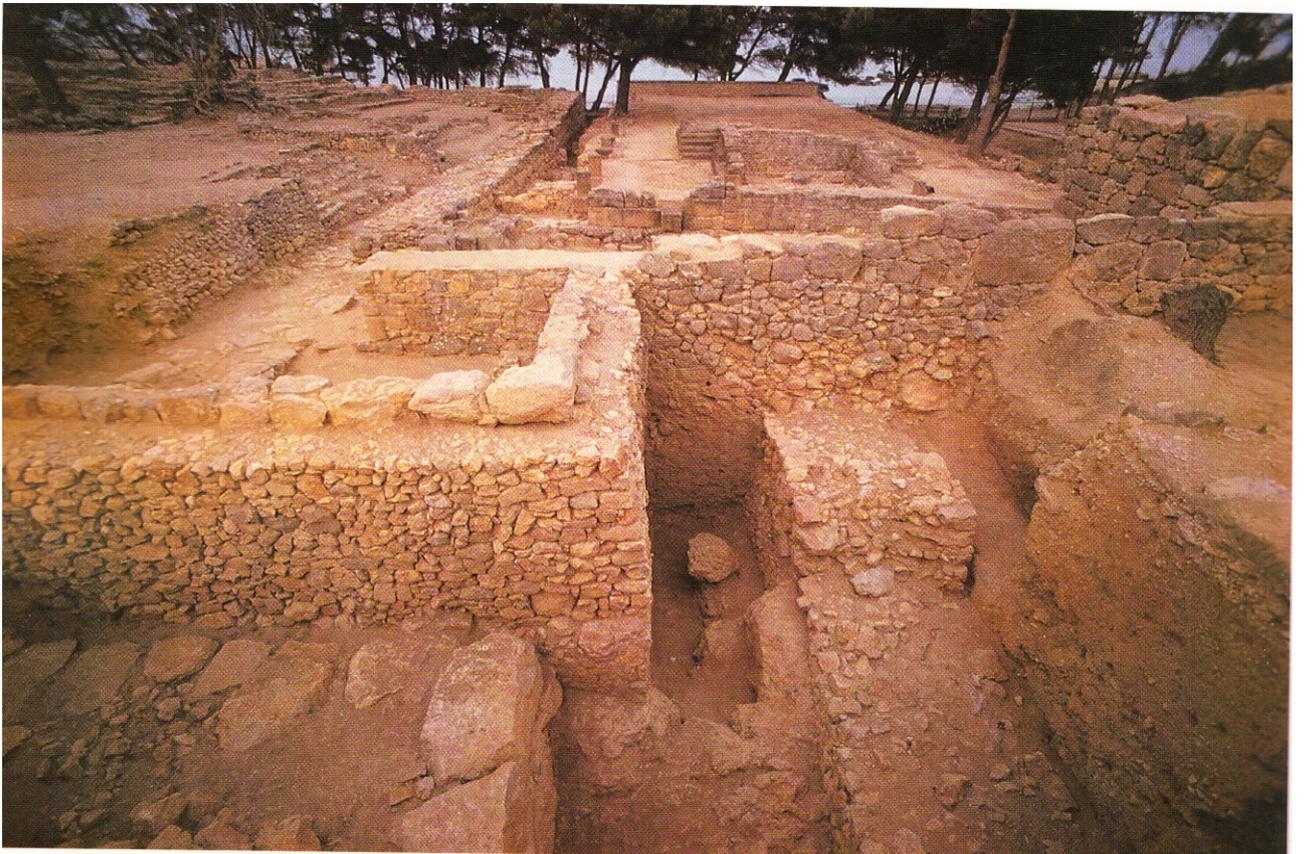

Рис. 89. Эмпорион.

Остатки стен южной части Неаполиса, с помощью которых удалось реконструировать городскую фортификацию, как это показано на рисунке сверху. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).

Рис. 90. Эмпорион.

Южная часть Неаполиса: стена V в. до н.э. справа, башня IV в. до н.э. в центре, стена II в. до н.э. сверху. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмрти. 1990).

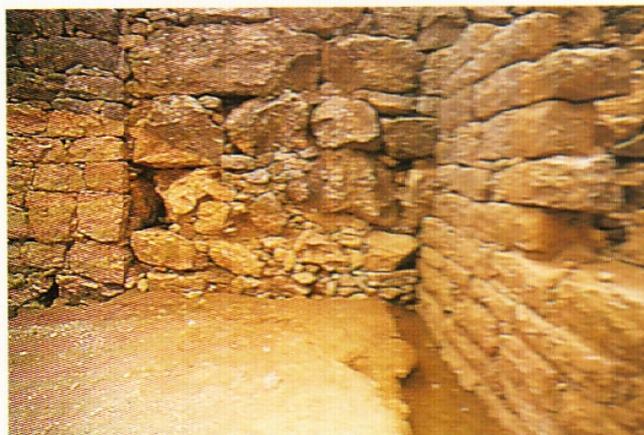

Рис. 91. Эмпорион.

Северная часть стены V в. до н.э., заложенная по причине строительства храма IV в. до н.э. к северу от святилища Асклепия. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмрти. 1990).

Рис. 92. Эмпорион.
Храм Сераписа, вид с юго-востока. I в. до н.э.
(По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).

Рис. 93. Эмпорион.
Двойной жертвенник V в. до н.э., расположенный в районе святилищ в южной части греческого города. (По материалам Р. Марсе, Э. Санмарти. 1990).